

ТАМБОВСКИЙ АЛЬМАНАХ

№ 12 (август 2012)

ИЗДАНИЕ

Тамбовского отделения Союза писателей России,
Тамбовского отделения Литературного фонда России

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
администрации области.*

Главный редактор

Николай НАСЕДКИН

Редакционный совет

Валентина ДОРОЖКИНА

Людмила КОТОВА

Евстахий НАЧАС

Лидия ПЕРЦЕВА

Тамбовский альманах. № 12. Тамбов: Изд-во Тамбовского
Т 17 отделения ООП «Литфонд России», 2012. 256 с.

ББК 84Р

ISBN 5-7117-0381-1

Содержание

ПРОЗА

Валерий АРШАНСКИЙ. Нагой разбой не боится. <i>Рассказ</i>	3
Николай НАСЕДКИН. <i>Рассказы</i>	21
Михаил ГРИШИН. Девочка-уникум... <i>Повесть-сказка</i>	37

ПОЭЗИЯ

Иван АКУЛОВ. Геометрия жизни. <i>Поэма</i>	105
Владимир САШИН. <i>Стихи</i>	121
Дмитрий НАБЕРЕЖНЕВ. <i>Стихи</i>	126

ДРАМАТУРГИЯ

Андрей КРУЖНОВ. Советские Штаты Америки...	134
---	-----

ЮБИЛЕИ

Вячеслав Богданов – 75.....	154
-----------------------------	-----

ЛИТО

Виктор ГЕРАСИН. Просто “Литстудия Котовск”	166
“Литстудия Котовск”. <i>Стихи и проза</i>	169

ЮНОСТЬ

Денис ДАРОВОВ. Любимый ученик. <i>Рассказ</i>	195
Ирина БОРИСОВА. <i>Стихи</i>	216
Ольга ТЕРЕХОВА. <i>Стихи</i>	221

СЫНЫ ТАМБОВЩИНЫ

Александр ХВАСТОВ. Контракт со смертью. <i>Очерки</i>	224
--	-----

ИСТОРИЯ

Владимир ПОПОВ. Кавалергард, помещик, благотворитель	238
---	-----

ВЗГЛЯД

Николай НАСЕДКИН. Неадекватканье	247
---	-----

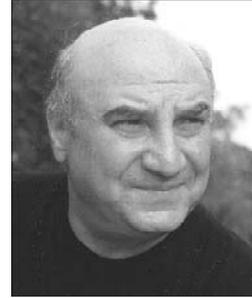
ЛИТЖИЗНЬ

Будни и праздники.....	251
Новые книги.....	255

Валерий АРШАНСКИЙ

НАГОЙ РАЗБОЯ НЕ БОИТСЯ

Рассказ

— Вы чё, блин, совсем, что ль, не врубные? — хрипел всклокоченный командир пожарных. — Кому было сказано: документы, деньги, ценные вещи с собой и бегом в автобусы. Нет, блин, стоят, как вкопанные. Чего ждём, народ, чуда? Ждите! Только уже и Госстрах за огонь не ручается.

Добавив, но гораздо тише, себе под нос хлёткое словцо в адрес особенно упрямых, каланча-мужик в грязноватой брезентовой робе обвёл воспалёнными глазами угрюмо сомкнувшую ряды толпу. Помялся, желая ещё что-то добавить, наверное, о силе приближающегося пожара. Но, не столько даже поняв, сколько нутром почуяв, что никакими доводами, никакими увещеваниями пробить сейчас эту молчаливую стену угрюмо сомкнувших ряды мужчин и женщин ему не удастся, усталое махнул рукой. И припал спёкшимися губами к раструбу старенькой пожарной машины, жадно глотая брызжащий оттуда во все стороны фонтанчик воды, чуть ли не захлебываясь ею, наслаждаясь с закрытыми глазами целительным холодным душем.

Валерий Аршанский родился в 1945 году. По основной профессии — журналист, много лет работал редактором «Мичуринской правды».

Публиковался в журнале «Подъём», в «Тамбовском альманахе». Автор нескольких книг прозы.

Лауреат областных литературных премий имени Георгия Ремизова, Ивана Рахманинова, Александра Воронского.

Член Союза писателей России.

И пусть лились эти струи и мимо рта, на пожухлую траву-спорыш, на скрученные и судорожными рывками пульсирующие рукава брандспойтов, на валявшуюся под ногами пожарного его же примятую каску, пропитывая и утяжеляя покоцанные чёрными искорками куртку, брюки, запylённые тяжеленные ботинки огнеборца — бывший флотский боцман своё дело знал туго. По тому образу и подобию, как некогда сам учил матросов-салажат: «Не стой, если можно сесть, не сиди, если можно лечь». Выпала такая возможность — надо вдосталь, на триста процентов, впрок, утолить жажду. Кто знает, когда удача вновь повторится. Появилась пусть и малая передышка — нужно немедленно, чтобы совсем не чокнуться, утопить хотя бы на время в закачанной из реки воде воспоминания о ядерных вспышках пожара, бельмастом лесном пламени, измученных лицах отступающих в бессилии перед стихией ребят. Еле различимых в наплывах мглистой сажи, завесах дыма, при смраде вьющейся клочьями гари и звуках канонады; дальнего грозного гула и треска падающих деревьев, какофонических воплей покидающих места обетованные обезумевших зверей, а затем их ближнем вое. Всё, к чему предстоит вернуться пожарному караулу уже через считанные минуты. И слава Богу, что перед новым боем выдалась командиру и его расчёту хотя бы такая вот, краткая, как вдох спасительного воздуха, тыловая отдушина. Понаслаждайтесь же, бойцы, на пересменке райским оазисом воды, тишины, света после адской пытки стоградусным доменным жаром и сатанинским удушьем лесного пожара, с амбре похлеще коксовой вони. Скоро вновь возвращаться на пытки...

Никогда так тесно, монолитно, без зазоров, как бетон, глыбасто и неприступно, как мраморные или гранитные горы, не сплачивается народ, как перед большой бедой — пожаром, наводнением, ураганом — или в минуты прощания с покойником, или — прости, прости, Господи, тысячу раз!!! — перед расстрелом. А то ведь всё мы на особицу норовим, всё по одиночке. Лишь общая беда сгоняет всех в одну сплотку. И тогда — не торопи сапёра, парень! И — извини, подвинься, ради Бога, всезнающий Карл Маркс со своим постулатом о необходимости предоставления каждому индивидууму блаженного уединения, без которого он страдает точно так же, как без объединения. Философия!

На самом-то деле напрочь забываются в минуты экстрима, вне-

человеческого напряжения сил, кажутся, действительно, мелкими и ничтожными все прошлые хуторские выяснения отношений, запоздалые единоличные житейские обиды, стычки из-за пустяков, недоразумения из-за недомыслия. Сведение счётов — то, что вчера ещё казалось таким необыкновенно значимым, главным, гложущим и плоть, и силы, занимающим большую часть мозгов, требующим быстрее принародного объяснения, разъяснения, извинения от одного, последующей мести, чуть ли не вендетты от другого, сегодня кажется такой глупостью, таким чмо... И ты без всякого пафоса и сантиментов, без словесных выкрутасов и экивоков, готов сию же минуту, враз, одним мимолётным взором великодушно простить обидчика, вычеркнуть из самых дальних закоулков подкорки и не вспоминать более, кто тебе или кому ты что-то когда-то брякнул, что-то квакнул в случившиеся минуты подпития, гнева, ярости, необъяснимой тревоги. Какую сплетню, какую брехню ты поддерживал (признайся уж чистосердечно) сам, или что разнесли о тебе, твоих друзьях и близких то ли пустопорожные дворовые собаки, то ли трещотки сороки на хвосте. Они! Но только не люди. Только не человеки. Пусть совсем чужие по фамилиям и месту жительства, но ставшие абсолютно родственными, близкими, своими в эти мгновенья страшного потрясения, с такой же болью и отчаянием переживающие ровно то, что переживаешь и ты.

Бессильно загигают в беспощадном пламени, да так и остаются обугленными до головешек ухоженные тремя поколениями лесников привольные их строения на Никольском кордоне — дом-красавец, сад, огород, теплицы, гараж с мастерской, баня, конюшня, сарай и сараюшки. Плачь теперь — не плачь... Тянут к людям за помощью скрюченные руки-ветви сожжённые бесовским полымем зелёные детки бора. Ещё утром стоявшие такими весёлыми, нарядными, молодыми. Облизывают алчные до чужого добра хищные разведчики вселенского пожара то с одной, то с другой стороны смешанные посадки — те, где берёзки перемежаются с ольхой, клёны с сосной, а тополёк с осинкой. Где и ненормальным летом, когда город изнывал от зноя, раскалённых стен домов, плавящегося асфальта, здесь, на тихой мягкой земле, в высокой траве-мураве всегда бывало прохладно, тенисто, затишно. Где и в самую невыносимую жару могли свободно бегать босиком детвора и взрослые, накрывая после прогулок под чистым небом скатерть-самобран-

ку на любую по численности кампанию. Кто из местных жителей или отпускников-горожан не бродил здесь в поисках грибов, на сборе сладчайшей ягодки-малины, душистых трав или просто так по берендеевским тропкам, слушая неумолчный стрекот птиц, загадочное дыхание леса. Кто не бодрствовал в палаточном городке за душевными разговорами всю ночь или не поднимался освежённым хоть в четыре часа утра, чтобы встретить медленный и величественный, как выход короля к придворным, восход недоступного медного светила-солнца? Кто не влюблялся в эту красу, думая о том, какая же это благодать — просто жить, просто во всю грудь широко и привольно дышать, переполняться слезами умиления, стоя в приветливом кружевном хороводе белоствольных подружек-берёз, ловить едва слышимые поздравления, напутствия и пожелания, посылаемые тебе с крон деревьев всегда такой гостеприимной листвой...

И всё это неописуемое богатство природы, вся Богом данная радость и прелесть жизни теперь теряется безвозвратно? Теряется вместе с Милославкой, сельцом жемчужной выделки в речной оправе, старинным, кружевным, самым древним на добрую сотню вёрст в округе, помнящим ещё войну с Наполеоном, не говоря уже о всех последующих войнах.

А что значит потерять село родное, дом свой, твоими руками, потным горбом, трудами праведными возведённый, лишиться подворья, утратить всё нажитое добро? Это же не кошелёк обронить на базаре. Вся прежняя жизнь летит под откос. Хорошо было философствовать в тиши кабинетной знаменитому китайцу Лао Цзы. «Что хуже: получить или потерять? Кто любит — тот тратит, кто хранит, тот теряет. Знающий меру не опозорится. Умеющий остановиться не попадёт в беду. Помнящий об этом достигнет многого»... Вот полезай на свою Великую китайскую стену, если ты такой шибко грамотный, и пиши там свои иероглифы на эту тему или выступай глашатаем на какой-то там своей площади Хунь юань. А здесь...

Стоят в первых рядах скорбного собрания безмолвные старики, судорожно, как последнюю опору, сжимая сухожилистами пальцами кто ореховые, кто ольховые, кто липовые палки — бадики, вечные спутники людей преклонных лет. В запавшие глаза дедов лучше не заглядывать. «Ети ж твою налево, это ж надо! — читается в

замученных от постоянного недосыпа очах ветхозаветных мудрецов. — Фриц проклятый до Милославки не дошёл; как вмазали ему тогда наши «катуши»: шаркопытом летел отсюда, пыхтел и радовался тот, кто жив остался. Переколошматили вражьей силы — будь здоров! А тут — не война, не Гитлер, огонь проклятуший берёт верх над усилиями человека. Восемь «пожарок» гасят пал, а он прёт и прёт по всему фронту. Где ж те вертолётёты, эти их, что в новостях показывают? Жажнули бы над лесом со своих бадеек тонн сто — в Алешне воды хватит — глядишь, и село, и поле, и всё, всё, всё уцелело бы...»

— Жители села Милославка! Во избежание трагических последствий штаб МЧС приказывает вам немедленно покинуть свои дома. Разрешается взять с собой документы, деньги, ценные вещи, необходимую одежду и всем собраться у храма. Автобусы для эвакуации прибыли. Повторяю...

Каждые полчаса с запинками и остановками звучит на опустевших улицах как-то сразу утратившей прежний лоск и блеск богатого села Милославки записанный на ленту и усиленный динамиками надтреснутый голос председателя сельсовета Канапухина, читающего текст штаба МЧС. Голос усталый, сипловатый, сорванный, потому что обладатель его — мягкий по нраву вчерашний шофёр-дальнобойщик Владимир Иванович Канапухин — что ни день, то с утра доброволец на пожаре, с обеда — носильщик по сараям и погребам скудной кладки немощных стариков и старух, а вечером — бессловесный получатель увесистых пендалей от областного начальства, курирующего обстановку в районе и губернии в основном по селекторной связи да по докладам с мест. А отчитываться и ораторствовать Канапухин — убей, как раз и не умеет, за три года председательства так и не научился. Ему бы руками, а не языком — всё получше бы получалось! Вот и вмазывает ему по полной программе остроумное начальство за каждое неудачно сказанное слово. Ну, Володька хотя и не из породы тех, бывших краснобаев, райкомовских партработников, зато мужик упёртый, сельский, свойский. Знает: пусть их, перемелются по проводам все их пустые телефонные строгачи-выговорешники, укоры и угрозы, мука будет. Главное, чтобы тут от пожара Бог миловал...

Пятеро детишек, все мал-мала меньше, растут в семье Канапухиных. Вон они, испуганно прижавшись к материнскому подолу,

стоят вместе со всеми милославцами в одной толпе на правом берегу возмущённо бурлящей реки Алешни. Слушают кого-то из дедов, как немец прорывался здесь вот так же, от Никольского леса, сколько-то лет назад, когда сивые дедки были тогда такими же зелёными мальцами, как эти Канапухины-младшие. Проскочил тогда фашист и первую, и вторую линию нашей обороны, вмял своими танками окопы, траншеи и капониры, миновал наивные волчьи ямы, что рыли день и ночь согнанные сюда со всех краёв штатские мужчины и женщины, интеллигентные парнишки, не взятые по разным причинам на фронт, и с ними — студентки, что ли, иль школьницы-старшеклассницы, все — ополченцы... Спасли Милославку «катюши», появившиеся невесть откуда, как с небес, и так же внезапно потом исчезнувшие. Навели они среди их «тигров» да «фердинандов» такого шороху, что в тигль броню со свастикой расплавили. А как ушли, милославцы поняли: так просто мордобой немец не простит, огрызнётся, египетская сила, как пить дать! И, скорее всего, с неба теперь вдарит своей авиацией. Уже и вызванной, поди, по радию их танкам на подмогу.

Так что же? В глубокие погребя и узкие тараканьи щели нырять, головы свои спасая? Нет, быть не по сему, быть немножко не так, — порешило тогда на этом же вот правобережье немногословное милославское вече. И те, кому впору было уже с Богом разговаривать, да хотя бы тот же оставшийся одноруким после Гражданской войны прадед Канапухиных, Иван Пантелеич, и совсем малышня, от голода шатавшаяся, при том сильном октябрьском ветре еле-еле на ногах стоящая, и бабки спотыкающиеся, хромоногие — все, все, все кинулись первым делом храм Всех Скорбящих Радостей спасать. По шатким, валким, осыпающимся на каждом шагу стареньким каменным ступеням, полусгнившим провальным дощечкам, проржавевшим, скрипящим, как корабельные мачты в шторм железным трапам, ведущим к звоннице, помогая, перехватывая из рук друг друга мешковину, рядом, домотканые половики и панёвы, извлечённые из потайных сундуков, взбирались они на самую верхотуру родной церквушки. Стараясь при этом не глядеть со страшной для бескрылых высоты на понимающе застывшую в ожидании окончания маскировки стылую землю. Поукромнее, поплотнее, понадёжнее, накрывали, пеленали, укутывали, перехватывали люди холсты где вожжами, где супонью, где верёвками, пряча от хищных

истребителей блескучий крест и все золотистые маковки. А сверху ещё и ветками прикрывая заветные купола оставшегося единственным на все дальние и ближние окрестные семнадцать сёл православного храма. Которого, по счастливой случайности, но, скорее всё же, в силу отдалённости от губернских начальников, миновал, не затронул двадцать лет назад кровавый смерч революций, аннексий и контрибуций, коллективизации и прокламаций. В общем, всего того ядовитого семени большевизма, который подобно дикому половцу полонянку, охватил, насильничал, опохабил и обесчестил вместе с рыжеусым и черноусым вождями, почитай, всю Россию.

Не спрячь, вовремя не укрой последними домовыми дерюжками святое место милославцы, не снести бы тогда головы их божьему храму под ударами насадно, туберкулёзно хрипящих при каждом бомбовом заходе немецких «юнкерсов». Известные и безвестные старики да детишки оставшегося без мужиков-фронтовиков тылового села не сдали обитель на поругание. А тут...

Смута, растерянность, опустошённость переполняют души охваченных общей бедой милославцев. Что делать, как быть? Что придумать для спасения от приступов бешеного пламени, не знающего ни жалости, ни сострадания к горю людскому. Такие в этом году стоят хлеба! Такая уродилась и рожь, и пшеничка, ну, не бывалые. А яблоки в садах. А переросшие уже огурцы и помидоры на грядках. А картошка... Да и это ладно. А скотина? Две сотни коров и тёлочек, быков и теляток — это одна лишь крупная рогатая живность. Прибавь к ней коз и поросят, баранов и «баранесс»-овечек, кур да гусей, уток и кроликов — их-то куда девать? Может, всё-таки, не перескочит разъярённый красный петух реку Алешню, — с последней надеждой нет-нет да и посматривают люди на отца Серафима, седого, благообразного, с умным волевым лицом, только что не вышедшего росточком, настоятеля храма. Он ловит, чувствует на себе эти жалостливые и тревожные, молящие и взывающие взгляды земляков. Но что ему сказать любимой пастве в ответ, как всех утешить. Проходными словами? Лучше не затеваться. Они прозвучат хуже худшего. Лучше уж молчать, вкладывая всю силу надежды и духа в животворящий крест, плотно охваченный сильной ладонью батюшки...

А выпущенная с утра пораньше на волю-вольную изо всех загонов, заплотов, стойл, насестов, варков и сараев крупная рогатая и

мелкая комолая, то есть безрогая скотина, всегда такая норовистая, своенравная, непослушная, сегодня, будто опоенная какой-то сон-травой, дальше домашних причалов не уходила. Лишь время от времени недоуменно взмыкивала, от укусов оводов хвостами взбрыкивала, приглушённо крякала, в полглотки мекала и чуть ли не шёпотом кукарекала, тараща плохо понимающие глаза на всегда таких крутых и грозных, а сегодня почему-то притихших и приникших, повелителей своих, господ-хозяев. Эй, мол, вы, бледнолицые, громогласные, двуногие вожди наши, что всё это значит? Заполненные отменным зерном сверх пуза кормушки, полные корыта нарезанной морквы, свёклы, картох, кукурузных початочков, поилки со свеженькой ключевой водой. А ещё — непривычное отсутствие густого мата, заслуженных, а чаще не заслуженных выхлестов кнута и батога по выгнутым покорно, ваша честь, нашим хребтам и спинам?

Деланные улыбки, сухие, остановившиеся глаза хозяев, ну а у всё понимающих детишек — закушенные губки и слёзы — были ответом такому же, как люди, сплочённому сейчас воедино и ставшему всеобщим, перемешанному деревенскому стаду. На которое ни смущённые невниманием людским псы из-за калиток не лаяли, ни удивлённые коты из-под кустов бузины не фыркали.

— Вот тебе, Нинк, и батюшка тот раз с молитвами от бедствия да нечистой силы все углы храма обходил, — шептала подслеповатая баба Тая глуховатой младшей сестре своей, бабе Нине, то и дело подёргивающей платок от уха повыше, чтобы лучше слышать слова сродственницы. — И чего же? Да ничего, никакого толку. Осерчал на нас за чтой-то Господь наш, Создатель, — часто-часто кланяясь, мелко-мелко осеняла троеперстием себя и всех, кто рядом, истово набожная баба Тая.

Рябенькая, суетливая недослышащая сестра её согласно кивала головой, с детства приученная к послушанию перед Таисией, не в пример младшей — всегда имеющей своё мнение об окружающем мире и его обитателях. Вот и в этот раз, половины из того, что шептала Тая, разобрать не удалось, но, коль обращается она к Нине, нужно подтверждать свою поддержку всему старшей сказанному.

— Ещё раз прошу, народ — вот, при вашем голове сельсовета и батюшке прошу, — вытягивал алую каску перед толпой только что искупанный в пожарной купели хрипловатый боцман. — Пожари-

ще подступает очень сильный. Без булды говорю. Нужно уезжать. Я всё понимаю, но люди дороже. По автобусам, прошу! Давай, скажи им, Иваныч, — медленно (болела, видимо) повернул в сторону Канапухина не совсем естественного, загорелого до шоколадного цвета шею командир пожарных.

— Сами видите, как и что тут, — откашливаясь в кулак, скользил глазами поверх женских низко натянутых платков, сивых чуприн стариков и вихрастых голов мальчишек позабывший о прежней своей вечной улыбке глава поселения. — Не от молоньи, милостию Божией, а вон, кто и знает от чего и как, а только прихватил он лесок наш Никольский. Час от часу не легче. Это. МЧС знает, район знает, ещё ж ещё обещали подмогу дать. Так. Так что нужно по машинам, а то и оне ждать не будут, так. Шесть автобусов, как раз на всех. И вы это, как говорится, проходите... А то нам же ж сейчас пора туда, — показал рукой на лес Канапухин, только теперь обратив прямой взгляд на жену и обращаясь уже лично к ней, чтобы знала, куда направляется муж.

— Всем всё ясно? — вскинул каску на плечо главный пожарный. — Вперёд!

— Можя, батюшка, сказать им, чтоб белого голубя в пожар бросили? — семена в длинной, сбивающей шаг юбке, и едва поспевая за широко ступающим отцом Серафимом, тянула его за рукав чёрной рясы самая богомольная прихожанка сестра Таисия. До выхода на пенсию всю жизнь проработавшая почтальоном в своей Милославке. — Батюшка, благослови, — не отпускала она обшлаг униформы священнослужителя, — а я Витьку, внучонку своему скажу, он живо домой сгоняет, притащит голубя-то?

Не с укоризной за нелепость затеи, идущей от пра-пра-пращуров с незапамятных времён, а больше с искренним сочувствием, жалостью и пониманием отрицательно покачал головой отец Серафим. Нет, мол, смысла и затеваться с какими-то голубями, сестрица милая, что там они смогут сделать в том крошечном аду? Глупость всё это, тёмные забобоны и предрассудки, в огонь... белого голубя... И что дальше?

— Я жа тебе говорила, Нинк, — отстав от священника, вцепилась теперь в рукав кофты послушно кивающей ей сестры неугомонная Таисия. — Я ишло ж и вон когда ишло говорила, коль ведро стоит на Благовещенье, всё — быть беде. Вот тебе и на.

— Ага! Вот оно что, ага! Будем знать, вот виновница и есть, кто пожар накаркал, — невесть как и откуда вдруг объявился за спиной сестёр толстогубый, шумно борющийся с одышкой сельский завклубом, он же киномеханик Кульгавый.

По жизни, носитель самого серьёзного среди мужских имён — Эрнест, наречённый так папашей, директором неполной средней школы, страстным поклонником Хемингуэя. Но кто в деревне — из коренных — живёт без прозвища? Вот и тёзка великого американца-писателя, когда подрос да закончил культпросветучилище, получил причитающуюся ему за сладострастие к женскому полу, видимо, кличку «по шерсти» — Кульгавый. Одну, но зато какую смачную! На всю оставшуюся жизнь.

— Ох, Таисия, Таисия, приедем в район — сразу заявлю на тебя, — не понять, в шутку ли, всерьёз супил белесые брови астматик завклубом, вещая свои угрозы. Но и баба Тая не из тех ему попала баб, которых он, кобелёк откормленный, на понт привык брать.

— Вот идёшь и иди себе, и мне не тычь, я тебе не Иван Кузьмич, — сердито отпихнула старшая из сестёр остро, чуть ли не в бок ей, выставленный локоток Кульгавого. — Молодой ишшо ш ишшо бабке «тыкать».

— Трындычихе своей тычь! — тут же поддержала родную кровь боевито вскинувшаяся при малейшей попытке обидеть сестру баба Нина. — Четырёх уж ей натыкал, роби теперь пятого!

— Да я-то натыкал, а ты как была, так и осталась вековухой, — безнадежно отставая от сестёр и ретируясь объёмистым задом, только и прошипел на прощание почему-то всегда недолюбливающий соседок своих Таисию Григорьевну и Нину Григорьевну задыхающийся при быстрой ходьбе астматик-инвалид Кульгавый.

То бишь, Эрнест Павлович Микляев. Тот ещё вампирчик, которого хлебом не корми, дай только вонзить хоботок в чью-нибудь чужую вену, хлебнуть глоточек алой плазмы, самолюбие потешить, чужим страданием утешиться. Были, есть и будут такие люди с комариными пристрастиями. Везде. От столицы Бельгии — города Брюсселя до старого русского северного морского порта Игарка. Верьте слову.

Вон уже, пристрелял Эрнест Павлович к слабо улыбающейся ему давней-давней пассии, недавно разведённой школьной учительнице, бывшей однокласснице, впаривая для начала что-то из Грибое-

дова: «Пожар способствовал ей много к украшению»... А! Это он о Москве. И совсем позабыв о тянущей в конце толпы его детишек угрюмо потупившей взгляд в землю жене. Как и не Кульгавого дети... В него ли, шутника-самоучку, и сейчас старательно веселящего собеседницу: «что вы все спешите, как на пожар?», — пойдут два мальчика, две девочки. Микляевы. Худенькие, малорослые, изо всех сил помогающие маме тащить им предназначенные подушки, одеяла, даже пальтишки, что успели они сами схватить с вешалки. Тогда, когда вечно занятый папа, шагающий и сейчас налегке, был в клубе, надрывался за телефоном.

— Тайк, ну ты глянь, как сидят, чистые баре, — всплеснула руками Нина Григорьевна, сунув востренький свой носик вначале в один, затем в другой, третий «пазик», стоявшие цугом у церковной ограды. — Там мест полно, а мне Ксюху взять не дали... Садись, Тай, сюда вот, на заднее, вы, батюшка с матушкой вперёд проходите, тут с детишками сядете, а я сейчас... Придёт Володька, уж я ему...

Не договорив, какой скандал она закатила Канапухину, сызмальства гостившему в саду сестёр, обедаясь их клубникой, малиной, крыжовником, а потом передававшему «уход» за ягодами своим прожорливым голопузиком, баба Нина опрометью кинулась мимо председателя сельсовета. Как раз примерявшего подаренную ему одним из шофёров автобуса удобную камуфляжную куртку.

Но не такая уж и простая баба Нина успела перед высадкой из автобуса, на бегу, едва ощутило прикоснуться к тёплой ладони отца Серафима, державшего поручни дверей. И дав понять чуток зардевшегося под густой щетиной усов и бороды батюшке, что помнит. Всё помнит; их выпускное школьное лето, катание на одном велосипеде по вечерним полям, лодчонку-плоскодонку в робких камышах да аире Тишинского затона, шалаш, сооружённый Симой от дождя, когда накрыл их ливень в Никольском лесу. И... и... и... пусть уж не хвалится заезжая из другого края матушка, что выпало ей такое счастье, как супруг, по лотерейному билету. Ну да, повезло бабе, что оказалась там, где она жила, духовная семинария, где и встретила суженого, обаяла его пением в церковном хоре. Только билетик тот был, честно сказать, раньше ещё пробитый, надкусанный... Но что теперь? Действительно вековухе Нине, если и оставалось чем напомнить о себе, мстя «неразумным хазарам», так

это каждую вновь покупаемую через пять-шесть лет козу называть Ксюхой. В пику залётной красавице, голосистой певунье Ксении — супруге некоего ласкового телёночка, думающего и читающего только о духовном. Есть, оказывается, такие мужчины и в сане настоятеля храма, которые идут, нет, которого ведут, покорного, за той бабёночкой, которая первой успела его заарканить. Грубо говоря, как Бобика на верёвочке. Витально!

Заметив неладное: птичьим скоком — куриным боком улепётывающую за кирпичной оградой храма бабу Нину, Канапухин тут же бросился ей наперерез, горланя в одолженный пожарным мегафон:

— Баба Нина, ты с ума сошла? Немедленно вернись, оштрафую!

Это было первое, что пришло на ум главе сельсовета в качестве самого сильного довода. Ничего так не боятся деревенские жители, как штрафов — тут у него угроза сработала, можно сказать, на автомате.

Но, куда там! Шиш подействовало. Сухонькая, лёгонькая Нина Григорьевна продолжала полёт, говоря пушкинским слогом, как пух от уст Эола. Балерина — и только! Эх, погляди, как балансирует бабка в свои 70 с хвостиком, пробираясь меж длинных жердин, закрывающих доступ дурам-коровам к трансформаторной подстанции. Батман-тандю! Гран-батман! Плие! Опа!! — поскользнулась, наконец, и села на... то самое место, которое крупнейший поэт современности из местных Пётр Петрович Г. без стеснения рифмует со словом Европа.

Раздосадованный Канапухин, не протягивая павшей бабе Нине руки на помощь, стоял над малым телом попрыгуньи-стрекозы, строго и сосредоточенно дуя в мегафон, и не находя подходящих слов для выражения. Так дальше их беседа и продолжалась: скорбно склонённый над нарушительницей конвенции голова «сильрадь» и кособоко лежащая на сирой июльской земле непокорная налогоплательщица, вздумавшая в считанные до часа «Ч» минуты самовольно пригнать из усадьбы своей в автобус козу свою, Ксюху, разместив её на три свободные в кормовой части «пазика» места. Может, ещё для кого-то попутно, о чём она не знала и знать не имела права, предназначенные.

— Баб Нин, скажи, как на духу, ты чё сегодня рыбу ела или так... очумела? — зло вышёпывал Канапухин. Пошлостью не сельской, а городской, привнесённой из подворотен, криво рифмованной фра-

зы напоминая лексику хулиганистого боцмана-пожарного (нахватался, знать, сельсовет от него новых словесных блох за время пожара). И тут же, не давая лежащей с поджатыми ногами бабке опомниться, заорал Владимир Иванович, срывая остатние связки, прямо в мегафон то, что воспроизводить в печатном виде ну никак и никому (за исключением, пожалуй, почти что гения — здешнего поэта П. П. Г.) нельзя. Срамно.

Только баба Нина, давно привыкшая к таким и ещё покруче оборотам речи за годы и годы работы уборщицей в колхозной конторе, и бровью не повела. Что, в свою очередь, не так удивило, сколь обрадовало председателя: во, пожалуйста, простой человек, тёмная, можно сказать, женщина, а понимает, что сорвался на неё не от злобы, а от чрезмерной усталости представитель местной власти... Переполнилась последней каплей чаша и его нечеловеческого терпения, что уж там... А посему — надо протянуть бабе Нине дружескую руку, позволив ей вначале встать на карачки, а потом уж подняться во весь рост.

— Володечка, милай, не серчай, голуба, но куды же я без Ксюхи? — причитала, давась крупными, каждая со сливу, слезами баба Нина. — Ни детей, никого у бабки нет, одна козочка. И той погибнуть в огне? Тогда нехай и я тута угорю, ехайте вы без меня к своей матери...

— Десять минут даю тебе, баб Нин! — для острастки ещё и постучал по запотевшему и потому слегка затуманенному стеклу часов давно не мытыми пальцами с чёрной каймой под ногтями по-прежнему нахмуренный Канапухин. — Не успеешь, всё, пеняй на себя.

Последние слова сельского мэра слушал уже только слабый ветерок за вьюном мелькнувшей бабкиной юбкой. Но Ксюха-то, Ксюха, а? Сама — вот и скажи теперь, дура она, да, козочка заанинской породы? — сама за версту почуяв свою хозяйку, ног под собой не чуя, бежала по улице Заречной. От переполненной морковкой, свекolkой, любимыми ею листочками свежего щавелька кормушки навстречу не имеющей под руками и корочки ржаного хлебца с крупной солью — любимого козьего лакомства — бабе Нине. Блеявыговаривая на ходу с утра заготовленные фразы о непорядочности и чуть ли не измене её душеправительницы с всегда так вкусно пахнущими сеном и хлебом руками. Но сегодня сбжавшей от неё

незнаю куда. И это — когда ветер-разведчик доносит в Милославку такой тяжёлый и такой тревожный запах пожара. Это называется любовь? Нет, милая хозяйюшка! Даже в самом первом козьем племени, девять столетий назад спустившемся четырёхлапыми дикими безоаровыми козлами с каменистых отрогов гор на обильные пастбища Венесуэлы и Чили, Аргентины и Новой Зеландии, такое безобразие отродясь не водилось. Там ещё родилось, сформировалось и веками свято действовало незыблемое правило, впоследствии принятое на вооружение московскими студентами: коль дружить, так дружить, а любить, так любить, горячей и нежней, чем Ромео Джульетту.

Вот что намеревалась высказать коза-дереза с чуть ли не позагубленной долей своей владелице, владычице морской, интересно, где это пропадавшей вне хаты столько времени в День военно-морского флота? Интеллигентная, тщательно причёсанная, как у первого всесоюзного старосты М. И. Калинина пегая бородка Ксюхи моталась на стайерской дистанции то в одну, то в другую сторону, не давая, к сожалению, сохранять приличествующую не такому уж и молоденькому домашнему животному положенную солидность и невозмутимость. По-спортивному ловко и красиво были загнуты за уши маленькие изящные рога Ксении. Кося левым, по-ленински прищуренным цыганским глазом румбов на пять в сторону, тем самым оценивая обстановку вдалеке от дороги, где могла вдруг вырваться из проулка и помчаться на неё безбашенная юрла самоубийца на мотоциклах (коза навидалась такого), а правым оком чётко сканируя состояние тротуарного покрытия на пути к храму, Ксюха, грациозно покачиваясь бочкообразным туловищем, скоординированно преодолевала последние метры перед финишем. Где под кустом бересклета горестно и умильно сложив руки на груди ждала её, чуть ли не по-козьему от счастья мекающая хозяйка, в сбитом набок то ли платке, то ли косынке. Прикрывавшей словно сдобренные крупной серой солью некогда каштановые волосы Симиной одноклассницы — Нинульки...

— Ксюшечка моя желанная, Ксюшечка моя родненькая, — гладила растроганная баба Нина шершавыми руками и целовала лобастую, костистую башку приземистой, жеманящейся для виду носительницы молока, целебней коровьего. — Малышунечка ты моя любименькая, никому теперь тебя не отдам!

«Ага, знаю я теперь ваши песни, — поджимая вплотную к брюху левую заднюю лапку, как всегда, когда нужно было облегчить себе жизнь избавлением от пары-тройки горстей горошин-балласта, думала Ксюха. — Пой, ласточка, пой, любо слушать...» И, жуя жвачку, игриво пуская слюну, тыкалась, бодалась в знакомый живот бабы Нины, затевая с ней давно полюбившуюся обоим игру в поддавки. Только трубный звук мегафона и тут прервал мирную идиллию, пастушескую пастораль обеих дам. А следом, перекрывая мирный, по-учительски беззлобно укоряющий глас Канапухина, окрестности прорезал поросячий визг взбешённого Эрнеста Павловича Кульгавого:

— Ты, просорушка... ё... пере... сколько ждать тебя будем, ё...

Так взывал немислимым фальцетом под стенами храма на всю округу ощущающий глубокую свою правоту интеллигент в третьем поколении, культпросветработник со средним специальным образованием, заведующий лучшим клубом района. Не желающий, конечно, сгореть в родном селе заживо. Ни в прямом, ни в фигуральном смысле слова.

Но вдруг! Хвостатая молния, ргутным высверком очертившая за доли секунды помрачневшее небо, промчалась над всем Никольским лесом, над полями, над лугами, взяв начало от черниговского села Верхний Бобрик, расположенного на высоте семьсот тридцать метров над уровнем моря, до русской Алешни-реки, текущей вровень с морем. Чтобы, словно стрела, прицельно пущенная из лука Робин Гуда, пролететь по дуге и впиться, вонзиться, воткнуться в песок точно у передней подножки автобуса, с которой полоумно вещал, закатывая к небу ошалелые от страха глаза Эрнест Павлович. Жаркий сноп взорвавшихся искр добавил копоты в побледневшую до состояния не мела, а украинской крейды, которая белее мела, крупнощёкую, породистую физиономию просвещенца. И гром, громище, равный по силе грохота всем враз заговорившим вулканам Камчатки, дополнил небесный аккорд необыкновенной красоты и мощи.

А следом ливанул... ДОЖДЬ! Да какой дождь-дождище! Первыми же его хотя и вступительными нотами был не ситничек, мелко сеющий капельки тёплой влаги на радость мирно беседующим на дачной веранде супругам-пенсионерам. Это был и не грязный, дрянной дождь, именуемый в тех местах чижа, лепень, чичер. Не

был он похож и на ливень-дозянуху, частенько посещавший до того ужасного лета село Милославку и другие сёла именно в середине июля.

Это грянул сущий океанский вал, равный по высоте волн вселенскому потопу. Невиданный доселе косохлёт с подстёгой при шумовом оформлении в полсотни децибел окатывал Никольский лес, не оставляя без внимания даже самые малюсенькие очажки пожара, но тщательно утюжа их за два, три, четыре прохода туда-сюда до полного уничтожения. А потом ещё и страховым пятым заходом, который нисколючко не верил часто бывающему ложным шипению угасания, но убеждался в капитуляции пламени только при появлении на месте бывшего огнища озерца с пузырями-бульбочками.

Бессильно сдувались, растекались, лопались развевавшиеся даже в безветренном воздухе вчера, позавчера, да и сегодня утром вздёрнутые на пики языки пламени, стяги огневых орд, остановленные тысячами кадок дождевой воды, расчётливо выплеснутой точно по всему фронту пожара. А ливень, ничуть не успокаиваясь, продолжал и продолжал полосовать новыми гигантскими потоками ельнички, сосёночки, березнички, смешанные посадки, от которых бы остались одни коряги и головешки, охвати их, не дай Бог, самый страшный — верховой пожар.

— Так, Канапухин, людей зачем ты держишь в автобусах? — гремел слышимый из полевой рации и сквозь дождь начальственный бас невидимого героя из областного штаба, куда в первую очередь поступали всегда сводки метеобюро. — Опять нам, Канапухин, выяснять с тобой отношения? Не морозь людей, развези всех по домам и отпуская автобусы, тут на остановках у нас, знаешь, столпотворение, а мы весь транспорт тебе на выручку кинули. Страшко позови-ка мне теперь...

Оказывается, Страшко была фамилия того боцмана-пожарного, который успел всё же пропахать с местными добровольцами-трактористами минерализованную полосу для организации, если потребуется, встречного пала против верхового огня, или защиты хлебного поля от пожара.

Поочерёдно докладывали и отчитывались о чём-то всё новым и новым невидимым представителям «верхов» Страшко и Канапухин. Оба своей открытой теперь лихостью напоминая после каж-

дого разгона сюжет известного присловья «Мокрый дождя, а нагой разбоя не боится»... Выезжали из лесных опушек, дико буксуя на промоинах, но вырываясь всё же на твердь накатанной грунтовой дороги устало фыркающие, жаждущие помывки и глубокого сна в депо, настрадавшиеся пожарные машины. Подпрыгивали как можно выше, пытаясь получше разглядеть, что там происходит на суше, бурунчики реки Алешни. А сельский люд, уже успев каким-то непостижимым образом напоить самогоном всех шестерых шофёров «пазиков», перед тем культурно пославших свою автобазу куда подальше и пообещавших начальству быть завтра на линии, как штык, готовился к большому загулу. Той праздничной пучине, которая сама себе причина.

Было на то незамедлительно дано ликующей пастве благословение всемогущего отца Серафима. Было согласованно и бесповоротно решено всеобщим кругом накрывать столы только во дворе сельского клуба, где и лавок для простого народа вдосталь, и местному руководству стульев хватит.

О музыке — его личном баяне и ещё одном, школьном, поручили заботу Кульгавому. А он и так не скучал; незаметно налил зацелованной всеми сельскими бабами Ксюхе четверть гранёного стакана сладковатой бражки и она, благодарная, в ожидании повторной бодрящей дозы, не отходила теперь от благодетеля ни на шаг. К полной досаде и Нины Григорьевны, и сестры её, Таисии, никак не могущих понять, что это с козой случилось, что это за новости — такое подхалимство перед чужим человеком всегда гордой и неприступной Ксюшки?

Но Ксюха не ждала ни славы, ни наград. Пьяненько тыкалась она в широкую спину заведующего клубом, отмахивавшегося теперь от неё за ненадобностью то шлепком по спине, а то и хворостинной. Отшлёпывая и напевая при этом: «У сестёр была коза, через ж... тормоза, я на ней дрова возил, через ж... тормозил». Ксюха, не понимая издевательских слов самопальной частушки, подпевать солисту не могла, но тихим бляением отношение своё к происходящему выражала. Трудно сказать, какое именно. Хочется верить, миролюбивое. А там... пойми эту душу в трёхпудовой всего лишь туше с тугим выменем и прицепившимся к холке розовато-фиолетовым репьишком...

А за недосыгаемой с земли небесной кисеёй происходил тем вре-

менем свой, нелицеприятный разговор. Там вызванное на ковёр Светило, стыдливо пряча глаза, отчитывалось перед Вседержителем за то, что натворило в эти сумасшедшие пятьдесят пять дней безумного пекла. И краснело, и так красное, ещё больше, когда слышало неопровержимые обвинения в свой адрес — за тысячи преждевременных смертей людей, предрасположенных к сердечным заболеваниям. За гигантские пожары, сгубившие тысячи гектаров лёгких Земли и хлебные нивы. За весь страшный ущерб, нанесённый и так не роскошествующему народу, населяющему шестую часть земной планеты. Тяжёлые звучали обвинения. И приговор ожидался тяжёлый. Но слетевшиеся на суд честной адвокаты Светила — Марс, Юпитер, Уран, Венера, даже представители вечно холодной Луны, не отрицая ничуть вины их доверителя за содеянное, просили Высший и Безгрешный Суд вынести приговор с отсрочкой исполнения на сто лет. Гарантируя впредь искупление вины и возмещение всего, что будет только возможно, пострадавшим землянам.

Выглянув в широко распахнутое окно и убедившись в добросовестности реализации обещания гвардейскими градо-дождевыми облачными подразделениями резерва Верховного Главнокомандующего, Создатель задумался.

И, достаточно долго поразмыслив в своих покоях наедине и при такой абсолютной тишине, что было слышно даже ровное дыхание шести стражников за дверями, объявил о созыве всех высокопоставленных Властвующих Лиц Совета Безопасности в Сверхсекретном Кабинете, на Особое Совещание. Длещаеся, обычно...

Сколько вы подумали, столько и будет... световых лет.

Николай НАСЕДКИН

РАССКАЗЫ

Обида

Моросит надоедливый осенний дождь. Капли долбят лужи, разбросанные по сырой земле, и, кажется, никогда не перестанут этого делать. Воздух сырой, чахоточный, тяжёлый.

Молодая собака Мушка всего третий год живёт на свете. Она никак не может найти себе место, где бы не доставала её вода. Тяжёлый живот, волочившийся почти по земле, мешает, тянет всё тело вниз и делает её неуклюжей, как черепаха. Сама Мушка, с отвислыми ушами, опущенным хвостом и мокрой шерстью, облепившей грубыми куделями её бездомное тело, представляла собой довольно плачевное зрелище.

Хозяина у Мушки не было, и она постепенно прижилась около большого многоквартирного дома; спала где придется и кормилась Бог знает чем. Это было забитое существо. Она ещё в жизни не то что никого не кусала, а даже не смела залаять или огрызнуться, когда мимоходом, от нечего делать пинали её прохожие, или когда мальчишки пробовали на ней новые рогатки. Она только печально смотрела на обидчика, и в глазах её можно было прочесть: «Ну, что я вам сделала? Зачем вы меня мучаете?».

Николай Наседкин родился в 1953 году в Сибири. Окончил Московский университет им. М. В. Ломоносова и Высшие литературные курсы при Литинституте им. А. М. Горького. С 1982 года живёт в Тамбове. Председатель правления Тамбовского отделения Союза писателей России.

Публиковался в журналах «Наш современник», «Москва», «Нева», «Урал», «Подъём» и др. Автор более 13 книг, вышедших в издательствах Москвы, а также Польши и Черногории.

Данные рассказы написаны автором в начале творческого пути, ранее публиковались в областных и центральных газетах.

Мушка, ждала щенят. Скулила. Проходивший мимо парень, которого почему-то качало, заорал:

— Чего воешь, стерва! Цыц!

И подняв кусок доски, швырнул в угол, где она сидела. Доска ударила по лапе. Мушка только взвизгнула и испуганно замолкла, затихнув и сжавшись, как можно больше. Потом из окна на неё долго смотрела девушка и, выбежав, сунула под нос что-то вкусно пахнущее. Мушка в знак благодарности хотела лизнуть ей руку, но та с жалостливо-брезгливым выражением на лице отодвинулась и, прошептав: «Беденькая!», — убежала в дом. После еды стало теплее.

Под утро у Мушки появились пять крепеньких, как маленькие бочоночки, щенят. Она облизала их и, прикрыв от дождя своим телом, утомлённо заснула.

С каждым днём щенята заметно прибавляли в росте и в весе, зато их мать всё сильнее обтягивалась шкурой. Голод донимал её, и, несмотря на страх за детей, она иногда покидала угол, чтобы найти что-нибудь погрызть.

В этот день она долго терпела. Наконец, когда живот начало дёргать судорогами голода, она поднялась и, стараясь не обращать внимания на отчаянный писк оставляемых детей, потрусила в неизвестность. Долго она не могла ничего найти, пока мальчонка, идущий из хлебного магазина, не кинул ей ломоть хлеба, крикнув:

— Ешь! Ешь! Вон у меня ещё сколько!

Она, наверное, подумала: «Есть же и среди них хорошие!».

Когда она приближалась к дому, за которым находилась её норка, сердце у неё почему-то сжалось, и она убыстрила бег. Жуткая картина представилась ей. Около её угла стояли двое людей, у ног которых валялись три её детёныша, страшно неподвижных, и один из парней с пьяной ухмылкой кричал другому:

— Всё равно я выше! Не спорь, я выше!

Пищавший щенок, неестественно изгибаясь, взлетел высоко в воздух и потом, отчаянно суча лапками, начал падать. Он ударился об край крыши сарая, замолк, и, вертясь, уткнулся в землю, не подавая признаков жизни.

— Я же говорил!

— Ну-ка, а я!

Какая-то сила бросила Мушку вперёд. Разум помутился. Она вцепилась в первого из них. Она, которая никогда не смела даже

залаять, — рвала, кусала, хрипя от ненависти, от горя и от сознания своей слабости.

Негодяи сначала опешили, потом тот, на котором она висела, пнул её, пнул ещё раз и ещё, пока она не оторвалась, и уже вдвоём они продолжали пинать: тупо, со всей силы, злобно.

Она почувствовала только первые удары. Потом мир начал темнеть в её глазах, всё стёрлось в быстронесущуюся мимо серую стену.

Жизнь кончилась.

1972 г.

Лучик солнца в дождливый день

Я не сразу понимаю, почему моё внимание привлёк отрывной календарь, почему я уже с минуту читаю — 13 октября — и мучительно думаю, что это за число, что с ним связано. Такие провалы в памяти последнее время беспокоят меня. Я каждый раз пугаюсь, сам себя обманываю: дескать, мне и не надо вспоминать, и совсем мне это не нужно вспоминать, но тем сильнее напрягается голова — до боли, до покалывания в глазах. Пытается вспомнить и не может. Это — старость.

А сейчас я вспоминаю: 13 октября? Так ведь сегодня ровно год, как я на пенсии!

Я опускаюсь в кресло, вдруг почувствовав усталость, рассматриваю свои руки: костяшки пальцев обтянуты синеватой кожей; смотрю на ноги в домашних брюках из пижамной материи и стоптанных шлёпанцах; провожу по остаткам волос на голове: я знаю, они — седы... Неужели это я? Ох-хо-хох!

У меня нет привычки разговаривать с самим собой (правда, я беседовал частенько с котом, но он уже неделя, как пропал куда-то), поэтому я только вздыхаю и начинаю суетиться. Подумалось, что надо как-нибудь отметить это событие — всё-таки годовщина. Непременно нужно выделить этот день из вереницы мокрых осенних дней.

Я встаю, кладу на кресло тряпку, которой вытирал пыль с полок, спохватываюсь, вытираю пыль до конца, включаю приёмник (вообще-то, я любитель тишины), открываю холодильник: есть ли там хоть пиво? Ищу консервный нож, протираю фужер... Но что это? Я понимаю, что мне не хочется делать то, что я делаю. Мне не

хочется... Я бы лучше полежал. Действительно, какой же праздник одному?

Я выключаю газ и, не убрав со стола (опять Вера будет ворчать), иду в свою комнату и ложусь на диван. Мне плохо. Нет, вроде нигде не болит, не ломит, — просто мне плохо. Одиноко. С тех пор, как уехали они. Они — это: Александра, моя дочь, её муж и внучек Игорёк.

— На пенсию папа выйдешь, так к нам и приезжай...

Потом письмо прислали: «Квартиру пока нам дали двухкомнатную. Теснота. Ты, папулечка, повремени, расширимся и вызовем тебя...»

Да-а-а... Теперь вот Игорюшка один почти и пишет. Где же письмо-то последнее? Я с трудом встаю, шарю за книгами и достаю конверт-авиа.

«Здравствуй дедушка!!! Я обязательно приеду летом, как только каникулы начнутся! Или лучше дедуля ты приезжай сюда у тебя же время много. Я очинь па тебе саскучился потому что люблю тебя милый дедуля! Мы будим ходить стобой в театр и ты мне поможеш по рускому языку а то двойку оянт севодня палучил. У нас очинь хорошо и мама с папой привет тебе сказали написать! Только не болей дедуля а лутше приезжай!»

Досвиданья дедушка!

Твой внук Игор Востриков ученик 3 “а” класса».

Ну вот, опять слеза капнула, слабый какой я стал. Я выключаю приёмник и долго лежу, почти ни о чём не думая. Так, отрывки какие-то мелькают в голове: из молодости, жена неожиданно вспомнилась, Александра маленькой...

В комнате уже полумрак. За стеклом монотонно шуршит дождь и тренькает по карнизу. Нудная осенняя погода уже третий день. В такие вечера особенно тяжело, острее чувствуется одиночество. Кажется, я один не только в комнате, не и во всём доме, во всём городе... А вдруг мне станет плохо? Вдруг я начну умирать?..

Меня пугают эти мысли, я стараюсь их отогнать, успокоиться и сам перед собой делаю вид, что засыпаю.

Мою полудрёму нарушил осторожный стук в дверь. Я хочу соскочить с дивана, спрыгнуть навстречу моему спасителю, кто бы он ни был, но получается не так быстро. Наконец, я нашариваю тапки (стук ни на минуту не прерывается), включаю свет и опираю дверь.

На пороге стоит молодая особа неполных трёх лет — моя сосед-

ка Ирочка и выжидающе смотрит на меня. (Веру Петровну с Ирочкой подселили ко мне полгода назад, и, как ни странно, с дочкой я быстрее нашёл общий язык, чем с матерью.) Ирочка смотрит на выражение моего лица и, верно решив, что я не буду препятствовать её вторжению, она, что-то лопоча, отталкивает меня в колено и устремляется в комнату.

Ирочка — презабавнейшее существо. Она в таком возрасте, что уже всё почти понимает, а язык ещё — увы. У меня всё ещё колотится сердце, я улыбаюсь.

— Ирочка, ноги вытирать! — и я показываю ей на половичок.

Ирочка с обиженным выражением на мордашке возвращается (ведь не дал дед до зеркала дойти!), лепечет: «Оги тирать!..» — и исполняет на половике что-то подобие современного танца, причём только правым сапожком.

— Вот-вот, теперь зайди и дверь закрой.

Она налегает на дверь обеими руками, всей тяжестью своего тельца и, не рассчитав силы, плюхается на пол. Я нарочно молчу. Минуту-две Ирочка лежит неподвижно, решая отнюдь не праздный вопрос: заплакать или подождать? Мамы близко нет? Дед вообще, может, внимания не обращает... Нет, не стоит!..

Потом я учу её разговаривать.

— Ирочка, вот это тётя, — показываю я картинку.

— Тётя! — бойко отвечает ученица.

— А вот это — спички.

— Пички!

— Фотоаппарат.

— Лёполёпат!

— Нет, Ира, фо-то-ап-па-рат...

— Лё-по-лят!

Ладно, «лёполят» спрячем, чтоб не мучиться. Я сажусь на диван и прошу гостью:

— Иринка, принеси-ка мне сигарету и спички.

Ирочка подходит к столу, цепляется за край, встаёт на цыпочки, и глаза её оказываются как раз вровень с крышкой. Долго она рассматривает, что на столе лежит, и приносит мне авторучку и спички. Стало быть, спички мы уже запомнили хорошо.

— Ну что, Ирочка, в прятки хочешь играть?

— Хоцю! — кивает она кудряшками.

— Тогда выйди, а я спрячусь и потом позову тебя, хорошо?

— Лёшо!

Я вывожу Иру из комнаты и, укрывшись за шторой, кричу её. В эти минуты я забываю, что мне — 66, что я седой одинокий старик. Сейчас я чувствую себя чуть постарше Ирочки, может, годка на три, не больше.

Ира забегает и сразу устремляется к столу — запомнила, что дед в прошлый раз там прятался. Мне видно, как она заглядывает под стол. Заходит с другой стороны и снова сгибается. Встаёт на четвереньки и обползает вокруг стола, пока не упирается в стенку головой.

— Нетю! Нетю?! — недоуменно шепчет она.

— Ира, ау!

Она отдёргивает штору и заливается счастливым смехом.

— Вот! Вот!!

Я смеюсь ещё громче — с дребезжанием, с присвистом, пока не закашливаюсь. Ирочка ждёт.

— Ну-ка, Ирочка, ещё разок.

Она выходит, а я прячусь за дверь и кричу её. Пока Ира вбегает и бежит к шторе, я успеваю выскочить в коридор и в щёлку наблюдаю. Тщательно обследованы пространства под столом, под кроватью, за занавесью...

— Нетю деда! Деда нетю! — всё громче и громче сообщает она и бежит с этой вестью к матери (я успеваю проскользнуть на кухню).

Мне слышно, как Вера Петровна отмахивается от Иры, как она ворчит: «Вот разыгрались! Скоро спать, Ира!» Но Ирочка поглощена поисками. Она бежит обратно в мою комнату и видит меня, спокойно лежащим на кровати. Она широко открывает глазёнки, беззвучно шевелит губками и, наконец, на весь дом кричит:

— Вот деда! Вот!!

Мы играем, играем, играем, забыв про время. Я страшусь минуты, когда девочка уйдёт.

Нас замораживает голос Веры Петровны:

— Алексей Захарович, сколько раз вам говорить, что перед сном ребёнку дурить вредно! Она же кричит потом по ночам! Хм, не понимаю, вроде старый человек!.. Ира, домой!

Я виновато молчу. Личико Ирины сморщивается, она сопротивляется, плачет, с взвизгиваниями, с переливами, с потоком слёз, топаёт ножкой, но мать тащит её из комнаты, напоследок бросив мне:

— Вот видите, до чего довели!

Вера Петровна меня ненавидит. Она собирается снова выйти замуж и ей нужна моя комната. Я понимаю её и не осуждаю: ей — жить. Меня просто удивляет эта ненависть к чужому, в сущности, человеку. Мне грустно от этого.

Я постилаю на диване, ложусь и, как всегда, долго не могу уснуть. Дождь не перестаёт. Я вслушиваюсь в его бормотание, шелест, вглядываюсь в темноту и думаю. Опять о жене, *той* семье... Думаю о Вере Петровне, и мне её жаль... Я вспоминаю Ирочку, её ужимки, лепет, солнечные её кудряшки, улыбаюсь и неожиданно думаю: «Почему у меня всего одна дочь?.. Почему всего один внук?.. Зачем они далеко?..»

А если б Ирочка была моей внучкой? Я долго, во всех подробностях представляю себе, как бы росла она у меня на глазах... Я бы помогал ей по русскому языку, когда она пойдёт в школу... Впрочем нет, она будет у меня отличницей!.. А на выпускной вечер мы сошьём ей розовое платье...

Дождь за окном постепенно смолкает. Может, я уже уснул?

1977 г.

Новый родственник

Дверь им открыл невысокий плотный мужчина, как можно было догадаться, — сам Юрий Николаевич Плетнёв. Его мясистые пунцовые губы были раздвинуты в сиропной улыбке. Нос, и щёки, и даже лысину он имел также мясистые, гладкие, с глянцем.

— Проходите, проходите, гости дорогие, давненько уж ждём с нетерпением...

Павел Афанасьевич Леснов, пропустив вперёд Оксану, с трудом перешагнул порожек, встал, прислонившись плечом к боковине массивной вешалки и тяжело опираясь обеими руками на трость. Лифт в доме отдышал, и восхождение на пятый этаж не прошло даром. Боль в левой ноге, там, где давил протез, становилась уже невыносимой. Казалось, под зашитой кожей лопаются маленькие шарики, из которых выплёскивается расплавленный металл. Скорей бы сесть, вытянуть ногу и сразу станет легче — проверено опытом.

Встречать их в прихожую вышла вся семья Плетнёвых. Виктор, жених, уже полнеющий блондинистый мóлодец двадцати восьми лет, суетливо, с шуточками-прибауточками помогал раздеваться Оксане. Хозяйка дома, маленькая худая женщина с испуганным взглядом, своей сухой детской ладошкой зачем-то пыталась обтрясти снег с каракуля и суконных плеч Павла Афанасьевича, — тому от такого чрезмерного внимания было неуютно.

Наконец перездоровались, перезнакомились, разделись, прошли из мрачной тесной прихожей в большую комнату с ковровыми стенами и полом, массивными гардинами на окнах, маленькой искусственной ёлкой в углу, от которой накапывал терпкий дезодорантовый запах хвои. В центре комнаты сверкал роскошью хрусталя и фарфора круглый какой-то антикварный стол на одной резной ноге. Праздник, судя по всему, обещал быть на дипломатическом уровне.

А вообще-то это были смотрины, знакомины, сватовство или чёрт его знает, как это ещё можно было назвать. Павел Афанасьевич уже давненько, примерно с год назад, стал замечать, что его Оксаночка, видимо, полюбила. Начались телефонные звонки, поздние возвращения, обнаружилась лёгкая мечтательная дымка в больших серых глазах единственной и ненаглядной дочери, появились какие-то намёки в разговорах. Потом в дом заявился в первый раз, а затем стал и частым гостем вот этот блондинистый Витя. Что его красавица Оксана нашла в этом парне — Павел Афанасьевич, хоть убейте, понять не мог, но не в его правилах было перечить дочке. Думал, может быть, разочаруется со временем в своём избраннике, ведь двадцать пять ей всего, успеет.

Нет, не вышло по-отцовски, пошло дело у молодых на совсем уже полный серьёз, и вот решено было, что наступил момент знакомства и родителей. А тут как раз день рождения Виктора подошел. Плетнёвы официально, на открытке, пригласили семью Лесновых, то есть Оксану и её отца, на 10 января к 20-00 в гости. Почествовать новорожденного, пообщаться, договориться о свадьбе. Чтобы всё, как у людей.

О серьёзном начали разговор в первый же час, после легкой закуски и вручения подарков Виктору (Павел Афанасьевич приготовил ему моднейшую вещь — шариковую трёхцветную авторучку, Оксана — чудесные самоцветные запонки и заколку на галстук), отправив молодых в другую комнату слушать музыку. Впрочем, дол-

гого разговора и не понадобилось. Павел Афанасьевич на всё был согласен, так что договорились быстро: и когда, и в каком ресторане, и по сколько денег с книжек снимать. Только в одном попытался сказать своё слово Павел Афанасьевич, только одно условие попытался выставить — чтобы молодые до получения своей квартиры жили с ним. Плетнёвы в голос начали возражать: дескать, на двадцати двух метрах втроем не уместиться, да и от центра города квартира Лесновых за тридевять земель... Правда, сильно спорить не стали, позвали детей — как они рассудят. А Виктор с Оксаной, оказывается, давно продумали этот вопрос, квартиру внаём нашли и уже хозяину «полтинник» задатку дали. Ну и ну!

Что ж, им, молодым, жить. Павел Афанасьевич, крепко потирая пальцами колено, пытался представить себе, как будет томиться в одиночестве, бродя по пустой квартире в глухие зимние вечера, но мешали голоса и музыка. «Надо собаку, что ли, завести...», — только и успел подумать он.

Снова сели за стол. Зашипело по-змеиному шампанское. Оксана была разгорячена, заалел на её щеках румянец (поди, уже и нацеловаться с женихом успела), голосок звенел. Павел Афанасьевич встряхнулся: главное, чтобы дочери было хорошо. Он пристально ещё раз взгляделся в лица своих, уже можно сказать, новых родственников; особенно — старших, которых видел впервые в жизни: что ж, начальное впечатление не всегда точное. Неужели Оксана будет называть вот этого... бодрого человека — папой?..

После всплеска оживления за столом наступило затишье. Все уставились в телевизор, шикарный «Рекорд» с большим экраном, и затихли — в программе повторялся новогодний «Голубой огонёк». Потом Плетнёв неожиданно, так что все вздрогнули и рассмеялись; прихлопнул пухлой ладошкой по краю стола и как бы между прочим предложил:

— Пойдёмте-ка, дорогой вы мой Павел Афанасьевич, на кухню да посумерничаем там по-мужски, а молодые пускай-ка с мамочкой посекретничают. Гут?

Пошли. На кухне Плетнёв сразу рванул дверцу холодильника и с наслаждением достал из его холодного светлого нутра почти полную бутылку заграничного коньяку и банку засахаренных лимонов.

— Ну вот, — сладострастно потирая руки, чуть ли не пропел он, — совсем другой колленкорчик! А то от шампанского уже икается и

в животе, прошу прощения, бурчит. Вы как — не против?

Павел Афанасьевич неопределённо пожал плечами, пристраивая ногу под узким кухонным столом. Вообще-то ему хотелось сегодня быть отзывчивым и любезным.

— Ну вот и чудненько! — рассыпался в счастливом смешке Плетнёв и изрядно плеснул в две фаянсовые ярко-красные пиалы.

Выпили.

За окном новогодними ватными хлопьями щедро валил снег. Недалеке темнели башни новостройки, и прожектор с ажурного подъемного крана казался диском ослепительной луны.

Плетнёв, тронув пальцами-сосисками за локоть замечтавшегося Леснова, придвинулся к нему и почему-то шепотом спросил, показывая подбородком вниз:

— Вы простите моё любопытство, хочу давненько уж спросить: с фронта отметинка?

— Да нет, — с неохотой, невольно сжав пальцами колено, ответил Павел Афанасьевич, — это память от сорок шестого. Так сказать, от мирного уже времени. На фронте за четыре года ни одного серьёзного ранения, а тут вот...

— О-о-о, сорок шестой! Действительно — «мирное» времечко. Да ещё в наших местах. Я, знаете, как раз в сорок шестом, зимой, в такое приключение раз влип, что не приведи Господь. Хотите расскажу? Но сначала надо голосовые связочки подмазать, пока моя кукушка не видит. Не подмажешь — не поедешь, хе-хе...

Судя по приготовлениям, Плетнёв рассказывал эту историю далеко не в первый раз и намерен теперь смаковать каждое слово, воротить подробности, делать эффектные паузы.

— Так вот, — начал он, промокнув бумажной салфеткой лоснящиеся губы, — случилось это, как я уже говорил, в сорок шестом, в наших Богом забытых местах. Я тогда в районе жил. Наверное, помните... Вы ведь здешний?

Плетнёв, дождавшись кивка головой слушателя, продолжил:

— В местах этих много разной шушеры сволочной в то время шлялось. Что ни денёчек, то и слышно: того убили, этого ранили, а с третьего одежонку содрали и последний кисет отобрали. И смех и грех: бабе вечером во двор по нужде надо и — ни-ни! — не пойдёт. Приходилось с ружьишком идти и сторожить свою благоверную.

Жили мы так неплохонько. Коровёнка имелась, курочек штук

двадцать, да ещё кой-чего. И вот пристала ко мне однажды моя кукушка (это я так свою Марью Петровну шутя величаю): дескать, продай бурёнку, и всё тут, а то даром пропадёт. Тогда, знаете ли, мода у этой швали бродячей появилась: вечером хозяин накормит скотину, прикроет её в стойке, а утром глядь — уже нет коровёнки, где-то в лесу в котле варится.

Уговорила, значит, меня жинка, взял я гнедого в колхозе, сел в сани, привязал нашу Розку сзади, да и — в райцентр. Долго я с ней провандалался, пока продал, так что назад поехал, когда уже свечерело. За пазухой деньги лежат, в платок бабий увязанные, и деньги по тем голодным временам немалые. А за плечами, надо сказать, ружьишко болтается, так что я себя относительно спокойно чувствовал, но, вот именно, только относительно. А вокруг — темнёхонько, звёздочки уже всюю, как говорится, ивановскую подмигивают, а мне ещё вёрст десять с гаком до хаты добираться.

Еду, еду, гнедка подгоняю и подъезжаю к самому растреклятому месту на всей дороге. Представьте себе: подряд три ложбины, и такие, чёрт бы их побрал, что как в колодец в них спускаешься. Глухомань и темень! И решил я, дурачина, для храбрости духа выпивончик себе позволить... А кстати, давайте и себе позволим, а?

Леснов молча и нетерпеливо пододвинул свою пиалу. Казалось, заминка в рассказе его раздражила, Плетнёв перевёл дух, смачно чмокнул губами и продолжил:

— И как раз перед этими балочками нечто вроде чайной притулилось у дороги. Привязываю я своего рысистого, охапку сена ему под ноги и — в тепло. И как оно получилось, чёрт его знает, только выпиваю я порцию, выпиваю и другую, а потом и третью. В шинке этом — народищу, и всё такие, знаете, на морду взглянешь и за ружьишко невольно покрепче цепляешься.

Водчонка здорово подействовала с морозцу-то. Я и ещё опрокидываю стопку. В голове уже шурум-бурум и уходить не хочется. Тут ещё какой-то мужичишка ко мне подсаживается,

— Угости, — кричит, — паря, век Богу буду за тебя молиться!

Наливаю я ему и сам с ним чокаюсь. А потом как кто за язык меня тянет, уж такой я дурак, когда выпью: «Ты, — говорю, — мужик, угостился и иди отсюда. Думаешь, деньги у меня выманишь? Нет, старче, мои денежки при мне останутся...» И так, знаете, самодовольно себя по карманчику, где деньжата лежат, похлопываю.

Мужичонка вдруг хлопнуть носом начал, а с меня хмель на минуточку слетел, и замечаю я, как за соседним столиком две образины бородатые шепчутся и на меня плотоядно поглядывают. А-а-а, думаю, чему быть, того не миновать! И ещё водочки заказываю.

Долго бы я ещё сидел так, прохладжаясь, как вдруг глядь, а тех мужичков-то уж и след простыл.

Плохо дело! Начинаю понимать, что дал маху, да уж позднечко. Спыхватываюсь я скорей да на улицу выскакиваю. Луна на небе сияет, и свет такой, знаете, зловещий, что у меня сердчишко — тук! тук! Бросаюсь я в сани, да и трогаюсь, сначала не спеша, шагом, а потом кэ-э-эк хватану по карьке бедному, он аж чуть из оглоблей у меня не выскочил... Что-то в горле пересохло опять, а?

Плетнёв, как бы испытывая заметное нетерпение слушателя, медленно налил, взял свою кровавого цвета пиалу, медленно, втягивая ноздрями аромат, поднес её к сочным губам, втянул в рот терпкую жидкость и начал со вкусом обсасывать прозрачный кружок лимона. Из большой комнаты донесся дружный, какой-то семейный взрыв смеха — «Голубой огонёк», видимо, получился удачный.

— А дальше? Дальше?! — не утерпел Леснов.

У него заметно дрожали руки, дыхание было неровным, выражение лица странно напряжённое, словно он чего-то ждал.

— Ну, значит, вжариваю я по гнедому и — аллюр три креста! — только снег столбом. В мозгах одна мыслишка: неужели ждут, падлюги! Первая балка всё ближе и ближе. Въезжаю я в неё, у двустовочки курки взвожу (патроны с картечью) и — ходу. Самая жуть, что прямо вдоль дороги кусты громоздятся, целый полк в таких зарослях спрятать можно. Каюсь, грешным делом пару раз чуть не звезданул дуплетом, но в последний момент удерживался — ложная тревога.

Выскакиваю из ложбины на лунный свет, останавливаюсь, снимаю шапку и пот с лица утираю. Пар от меня валит. Ну, думаю, разок пронесло, должен Бог помочь и дальше. А самого уже озноб бьёт...

Плетнёв, увлечшись рассказом, не замечал взгляда слушателя, не замечал усиливающейся в его глазах странной тревоги.

— Трогаю дальше, а сам чувствую, хмеля, кажется, уж и помину нет. Еду я, еду и вторую балку так же благополучно проскакиваю. А сердчишко всё равно ноет, и перед третьей опять останавли-

ваюсь я, чтобы, значит, дать и себе, и карьке передышку, а сам пальцы с курков не снимаю, хотя и мерзнут они страшно.

Стою, в балку, как в пропасть, всматриваюсь, потом перекрестился, хотя и неверующий. И — трогаю. Только начинаю погружаться, глядь — а луна всю светит — на самом дне фигура стоит и морду в мою сторону воротит. Я сдуру уже пытаюсь жеребчика удержать, чтоб, значит, назад заворотить — куда там! И сам чёрт на такой прыти не остановит. Ну, плююсь, двум смертям не бывать! Ожигаю кнутом карьку, ружьё вперёд выставляю и лечу. Слышу: «Стой! Сто-о-ой!..»

Ах ты, думаю, гадина, ещё стоять тебе! Да только сравниваемся, я гнедка в сторону передёргиваю да как рубану из обоих стволов — того сразу отбросило, только вскрик и повис в воздухе. И ведь так вскрикнул, словно удивился отпору — голыми руками собирался, сволочь, взять... Что это с вами, Павел Афанасьевич?

Леснов и сам чувствовал, как напряглось и побагровело его лицо, видел свои онемевшие пальцы, стиснувшие жёсткую кость набалдашника. Что? Что сделать этому человеку? Ударить его бутылкой по голове — да так, чтобы череп вдребезги?..

Словно вспышкой высветила память тот январский стылый вечер. Он вспомнил, как плёлся из последних сил, как понял, что обморозил лицо, а бесчувственные ноги уже так устали разгрести свежесвыпавший вязкий снег, что совсем не оставалось надежды добраться до жилья. И вот, когда уже готов был лечь на снег и успокоиться, вдруг услышал скрип полозьев, топот копыт, кинулся навстречу и — всполох огня, взрыв боли в ногах...

Его подобрала тогда, полуживого, замерзающего, истекающего кровью, и спасли чудом. И вот в эти прошедшие с тех пор двадцать лет Леснов не раз представлял себе в мечтах, как встретит когда-нибудь этого негодяя, этого паршивого труса, который ему, фронтовику, гвардейскому офицеру, искалечил жизнь в одну секунду — смял его семейное счастье, выбил из его судьбы любимое дело, швырнул в липкий плен каждодневной физической боли. Как Павел Афанасьевич в бессонные ночи, скрипя зубами и тихо, боясь разбудить дочурку, единственный свет в окошке, стоная, мечтал вот об этой встрече с человеком, у которого, он всегда это знал, губы будут обязательно мясистые, пунцовые и влажные от сытости, а взгляд будет говорить о том, что жизнь он прожил хорошо...

— Да нет, ничего, — почти прошептал Павел Афанасьевич, и ещё тише, как бы про себя, выдохнул: — Убийцей быть не хочу...

— Что, что? — встрепенулся поражённый Юрий Николаевич, чуть ли не притрагиваясь к руке Леснова своими потными пальцами. — Ах, да! Меня это, конечно же, ужасно мучает всю жизнь... Убивать, вы правы, — страшно! Но я надеюсь и Бога до сих пор молю, что не насмерть свалил того ханурика, а только ранил. Калечить же таких надо, разве не так?.. Что ж вы не налили?

Хозяин взял отставленную гостем темную пузатую бутылку и опрокинул её над жадно раскрытым белым ртом пиалы, стараясь не плеснуть на клеёнку. Он удивлённо вскинул посоловевшие глаза, когда Леснов вдруг резко встал и, мучительно хромая, пошёл из кухни.

— Нам пора, — резко и непререкаемо бросил он в полумрак комнаты и начал наматывать на шею колючий шарф.

Оксанка выскочила, удивлённая, ткнулась ему в шею.

— Папка! Ну, папка! Что случилось? Чего ты?..

— Пошли, пошли, доча, нам пора, уже поздно...

Что-то было в голосе отца такое, что дочь, сразу поскучнев, беспрекословно начала переобуваться.

Выскочила хозяйка, принялась охать-ахать, строить догадки («Мой чего-нибудь лишнего ляпнул?..»), Виктор снова начал ухаживать за невестой, держа наготове её шубку, уже без шуточек, обиженным тоном предлагая себя в провожатые. Сам Плетнёв маячил в дверях кухни, хватаясь руками за косяки, и, никак не находя устойчивого положения, медленно то поднимал, то опускал ресницы...

Павел Афанасьевич и Оксана стояли на стоянке маршрутного такси и молчали. Свежевыпавший рыхлый, вязкий снег, по которому вновь сейчас растревожил ногу Леснов, будил тяжёлые воспоминания. Отец смотрел украдкой на притихшую дочь, в этот вечер впервые остро и сладостно почувствовавшую себя невестой, и мучительно, до головной боли, думал: «Сказать или нет? Сказать или нет?..»

1978 г.

Лебединый крик

Нас было, как в знаменитой книге Джерома, — трое в лодке. И даже — бывает же совпадение — была собака. Только звалась она не Монморенси, а тривиально и глупо — Шарик.

Солнце уже растранижило все свои лучи за бесконечно длинный майский день и теперь чётко очерченным диском стыдливо катилось к искромсанной линии горизонта. По блестящей водной глади озера лишь изредка пробегала дрожь, словно он ёжился от налетевшего прохладного ветерка, да время от времени нахально, прямо возле лодки, всплёркивала хвостом рыбёшка. Поплавки, как луковицы на грядке, торчали абсолютно неподвижно.

Первым не выдержал Лёшка:

— Ну вас к Богу с такой рыбалкой! Начерта нам эта дурацкая рыба — есть банка борща и заварим. Поплыли, а то водка прокиснет!..

Щуплый Мишка своим всегдашним ужасно серьёзным голосом задумчиво спросил:

— Неужели тебе, Лешка, не хочется увидеть закат на воде? Ведь кои веки на озере не были. Это же — картина!..

— Тьфу ты, опять за своё! А от палатки ты закат этот дурацкий не увидишь, да? Витька, ну хоть ты ему втолкуй... Ух, ты!..

Лёшка так и остался с открытым ртом, уставившись в небо. Мы с Мишкой обернулись и тоже замерли. Сказка! Довольно высоко, прямо над нами, плыла в воздухе стая белоснежных лебедей. Необыкновенно огромные даже издали птицы медленно и устало махали крыльями.

— Эх, ружья нет! — простонал Лёшка и вдруг, схватив рулевое весло, прицелился в стаю.

Раздался выстрел. Мы вздрогнули. Лёшка испуганно отбросил весло. Передний лебедь, летевший на острие стаи, видимо, вожак, резко кувыркнулся и, неловко шевеля крыльями, комом упал рядом с нашей лодкой.

Грянул второй выстрел и сразу третий — откуда-то слева, из камышей. К счастью, теперь мимо. Но, странное дело, лебеди, словно не слыша смертоносного грома, начали резко кругами снижаться. А раненый вожак кричал. Кричал он страшно. Пронзительно, со странными всхлипами: боль и гнев слышались в стоне-крике гордой птицы, а слабеющие мощные крылья всё реже и реже пенили розовую воду.

Мишка побледнел и, не мигая, с ужасом смотрел на страдания умирающего лебедя. Вдруг истошно и обречённо взвыл Шарик, прижимаясь к моим ногам.

— Подгребай! Надо добить, пока те не приплыли, — скомандовал Лешка. — Всё равно каюк ему, так чего мучить-то!..

Он широко размахнулся и, противно крикнув, опустил весло на

стонущую птицу. Лебедь страшно, совсем по-человечески вскрикнув, затих. Лёшка уже втащил тело птицы в лодку, и мы в гнетущем молчании разворачивались к берегу, когда на нас напали. Все оставшиеся семь лебедей, словно пикирующие бомбардировщики, стремительно падали на лодку и с воинствующими криками били нас. Напрасно мы пригибались к дну лодки, прикрывались руками — оглушительные пощечины крыльев чуть ли не сбрасывали нас в воду. Лебеди перед каждой атакой заходили на новый круг, и только тогда мы успевали сделать несколько взмахов вёслами. Этот кошмар, казалось, никогда не кончится...

* * *

Уже давно стемнело, пылал перед палаткой костёр, а где-то там, выше деревьев, всё так же явственно слышались гортанные крики. Лебеди продолжали кружить над нами. Тщетно Лёшка, выпивший уже чуть ли не полбутылки, пытался показать, что он не слышит плача лебедей и не замечает нашего молчания. Он сам развёл костер, поставил в ведре воды, где-то рядом, за кустами, ошипал мёртвую птицу и теперь, помешивая в ведре оструганной веткой, надувно паясничал. Он подчёркнуто обращался только к Шарик:

— Вот, мсье Шарик, птичку кушати будем... Вкусенькую птичку, жирненькую...

Собака от нетерпения прыгала вокруг костра. Лебеди кричали. Лёшка привязал на конец ветки вилку и полез ею в ведро. Он выудил кусок мяса и поднёс ко рту, дурашливо облизываясь. Вдруг Мишку, который сидел перед палаткой на рюкзаке, резко перегнуло пополам. Он побледнел, кое-как отполз за палатку и его начало выворачивать.

— Чего это он? — недоуменно и серьёзно спросил Лёшка.

— А то, что свинья ты! — резко ответил я. — Снимай ведро с огня!

Лёшку спасло то, что он сразу, как выражаются, врубился. Мы выкопали топором и палками яму, сложили туда всё, что осталось от птицы, всё до последнего перышка, и закопали.

Мишка уже лежал в палатке. Мы молча в темноте забрались, закутались в одеяла и намертво затихли. За стенкой обиженно поскуливал голодный Шарик. Где-то совсем низко, прямо над ухом, кричали лебеди.

Они кричали всю ночь.

1980 г.

Михаил ГРИШИН

ДЕВОЧКА-УНИКУМ,
или Необыкновенные приключения
Витьки Картошкина
и его старой знакомой Люськи Кукушкиной
по прозвищу Рыжая Лиса*

Повесть-сказка

1

В этот день Витька, направляясь по своим делам, встретился с одной знакомой девчонкой по прозвищу Рыжая Лиса. Вообще-то её настоящее имя Люська, а Лисой он прозвал её за острый нос, который она всюду суёт, и огненно-рыжие косички, пламенеющие, будто листья клёна осенью.

Она шла на пляж любоваться скульптурами из песка. Там проходил городской творческий конкурс, в котором мог принять участие любой желающий.

---

* Фрагмент. Полностью повесть будет напечатана в книге, которая готовится к изданию в издательстве Тамбовского Литфонда.

---

*Михаил Гришин родился в 1959 году и живёт в Тамбове.
Публиковался в «Тамбовском альманахе», журналах «Подъём», «Север», «Литературные незнакомцы» и др.
Автор четырёх книг прозы: сборника рассказов «Дождь, самогон и коробка конфет» и «Паутина» (Тамбов) и романа «Вкус мести» (Москва), «Старая прялка» (Москва).
Дипломант Международного конкурса детской литературы им. А. Н. Толстого (2010 г.).
Член Союза писателей России.*

Знай Витька, чем обернётся для него этот незапланированный поход на пляж, он ни за что бы не составил ей компанию и тем более отговорил бы саму Люську. Через неё, собственно, и произошла вся эта невероятная история. Хотя в конце концов всё обошлось и даже принесло Витьке неувядаемую славу человека, способного на геройские поступки.

Да и как откажешься, если они в прошлом году с Люськой целое лето гостили у своих бабушек, которые с незапамятных времён жили в одной деревне, на одной улице, были соседками и даже слыли в молодости закадычными подругами. Одним словом, им было о чём вспомнить.

И неугомонный Витька, отложив свои дела на потом, отправился посмотреть, какие такие скульптуры можно вылепить из такого непрочного материала, как песок.

Праздничное настроение они почувствовали уже на Набережной. Со всех улиц города к пляжу тянулись мальчишки и девчонки всех возрастов: и по одиночке, и по несколько человек, и даже целыми «стайками». Самых маленьких вели за руки родители, а совсем крошечных младенцев, которые и в скульптурах-то ничего не понимают, везли в колясках.

На пляже звучала музыка, и весь он был заполнен детворой. Даже кое-какие взрослые вели себя совсем как дети: сидели на корточках и возились в песке. Среди скульпторов-одиночек, лепивших небольшие по размерам фигуры, особое место занимали организованные группы, которые, по-видимому, представляли свой двор или улицу. Эти, как правило, не мелочились и возводили целые композиции из древних замков в рост человека, а то и городов с улицами и площадями.

Собравшаяся вокруг пляжа громадная орда зевак веселилась, выкрикивая всякие кричалки, будто они находились на футбольном матче, а вовсе не на творческом конкурсе.

Ребята, по разным причинам не осмелившиеся принять участие, бродили между фигурами, довольствуясь их созерцанием. К ним и присоединились Витька с Люськой. Они ходили, разинув рты, захваченные представлением. Чего тут только не было! И тебе космическая ракета, и рыцарь на коне с карандашом вместо копья, и девочка на шаре, и приготовившийся к прыжку лев с гривой, выглядывший, как точно подметила Люська, как начёс у модной тётеньки.

К ним подошёл распорядитель конкурса и вежливо осведомился:
— Не желаете ли, ребята, принять участие?

Витька поглядел на Люську, Люська на Витьку, и оба враз кивнули:
— Ещё как желаем!

Улыбчивый распорядитель отвёл им местечко у самой воды, выдал жетон с номером и, торопливо пожелав успехов, убежал разнимать двух бузотёров. Творческого соперничества карапузам, по видимому, было недостаточно, и они перешли к более действенным силовым методам выяснения отношения. Они сидели в песке и азартно размахивали лопатками, стараясь поразить соперника в наиболее уязвимое место и тем самым исключить его из дальнейшего участия в конкурсе, что, конечно, увеличивало бы шанс в победе у оставшегося.

Витька потрогал свой вихор на затылке, который торчал у него, как перо у индейца, и протянул:

— Да, не шуточные баталии разворачиваются!..

И, скосив глаза, подозрительно пригляделся к соседям — не замышляют ли они нечто подобное по отношению к нему с Люськой. Но соседи, кажется, были увлечены настолько, что никого вокруг себя не замечали, и Витька слегка успокоился, всё же решив для себя на всякий случай держать их в поле зрения.

Люська, поглядев в жетоне, под каким номером они числятся, сильно удивилась количеству объявившихся в городе скульпторов.

— Да тут полгорода! — воскликнула она.

— Тем будет для нас самоотверженнее победа! — возгордился Витька. — Только вначале надо определиться, кого будем лепить.

После непродолжительного спора, чуть не завершившегося ссорой с самыми чудовищными последствиями, когда из-за пустяка крепкая дружба порывается на вечные времена, стороны пришли к взаимопониманию.

— Это ты здорово придумала! — заликовал Витька и на коленках принялся елозить по мокрому песку, нагребая огромную кучу.

Люська, деликатно подвернув розовое платице, присела рядом на корточки.

Новоявленные скульпторы приступили к валянию во всей своей древней красе сказочного существа по имени Бабася, с которой одно время водили дружбу в деревне. Через час кропотливого труда песочная Бабася уже самостоятельно глазела на речку и даже дальше.

Жёлтые глаза из одуванчиков придавали ей дополнительную красу.

Витька, с ног до головы перепачканный в песке, отошёл подальше, чтобы со стороны полюбоваться своим творчеством. Бабася была до того похожа на саму себя, что у не успевшего пока прославиться скульптора захватило дух. С внутренним ликованием он молча показал Люське большой палец. Конечно, после такой оценки никто не удержится, чтобы самому не взглянуть на Бабасю со стороны.

Мигом подскочив к Витьке, Люська проглотила вздох:

— Как настоящая!

Так и казалось, что сейчас Бабася взмахнёт рукой и пойдёт плясать вприсядку, залихватски выкрикивая: «Эх, жить мне, не пережить!». И сразу ребята по ней соскучились: хоть бросай всё и беги в музей славянской мифологии, где у неё теперь имелась постоянная прописка.

Неожиданно на небе, где не по-весеннему целую неделю непрерывно жарило солнце, будто по щучьему велению образовалась подозрительная тучка жуткого иссиня-чёрного цвета. И тотчас порыв горячего ветра поднял на реке рябь. Но этого расшалившемуся сорванцу показалось мало, и он, шутки ради, унёс у рассеянной мороженщицы тент, со всего маху бросив его в окно кафе. Звон разбитого стекла одновременно с оглушительным ударом грома посеял на пляже панику. Дополнительно сверкнула ослепительная молния, от которой вокруг сделалось сине-сине, как при лунном свете, только во много раз ярче. И в завершение крупные капли дождя горохом ударили в песок, выбивая многочисленные ямки.

С визгом бросились врассыпную ребятишки, забыв о конкурсе. И только взрослые, поддерживая авторитет родителей как самых-самых храбрых на свете, не побежали сломя голову, а покидали пляж, крупно шагая и то и дело поглядывая с тревогой на небо. При этом удивительно было видеть, как они умудрялись широко расставлять ноги, ведь никто из них наверняка не был знаменитым гимнастом.

Бросать в беде одинокого беззащитного человека — последнее дело, и Витька, мигом куда-то смотавшись, вернулся с газетой в руках, забытой кем-то на лавочке. Вместе с Люськой быстро развернули её над головой Бабаси и замерли, будто военные на часах, стойко пережидая непогоду.

2

Под проливным дождём рушились с таким трудом возведённые замки, города и скульптуры: доблестный рыцарь вначале потерял своё копьё, а так как защищаться стало нечем, быстро потерял и голову. Девочка на мокром шаре, конечно же, не удержалась и полетела с него вверх тормашками, переломав себе и ноги, и руки. Готовящийся к прыжку лев замаскировался так, что о нём напоминал лишь небольшой песчаный бугорок.

Неожиданно протянувшаяся до самой земли молния ослепила, а следом треснул гром такой силы, будто раскололось надвое небо.

Оглушённый и ослеплённый, Витька выронил газету и волчком закружился на месте. А когда сияющее пятно перед глазами померкло, увидел Люську, лежавшую на песке. С отрешённым лицом она выглядела непривычно строгой и недоступной, какими бывают... покойники.

У Витьки мигом подкосились ноги, он рухнул на землю и на четвереньках пополз к распростёртому телу, поскуливая, точно потерявшийся щенок. От искусственного дыхания, которое он тут же начал делать, не было никакого толка: то ли в спешке он проделывал что-то не так, то ли ничего не получалось по причине сильной наэлектризованности Люськи молнией.

Тогда ему в голову своевременно пришла удачная мысль воспользоваться народным методом, которым как-то поделилась бабушка: когда однажды в молодости её с подругами застала в поле гроза, им пришлось в срочном порядке одну девушку засыпать землёй, что ту и спасло.

Витька, не раздумывая, разорил скульптуру Бабаси и песком засыпал Люську, оставив снаружи лицо, чтобы не задохнулась, когда придёт в себя. А сам сел возле неё, вытянув ноги, и с нетерпением стал поджидать, когда из Люськи выйдет ток. Через несколько минут, а может, и часов (Витька точно сказать не мог, потому что от такого горя у него случился временной провал в памяти), Люськино землистого цвета лицо стало наливаться живительными соками, приобретая прямо на глазах цветущий розовый вид.

Витька облегчённо вздохнул и оглянулся по сторонам с таким выражением на лице, будто только что вернулся с далёкой планеты.

Омытое дождём небо было нежного василькового цвета. Посве-

жевшее солнце сияло лучами так ярко, что на него больно было взглянуть. В многочисленных блестящих лужах купались шустрые воробьи, чирикавая в своё удовольствие.

Вдруг отчаянный женский крик разорвал тишину:

— Девочку молнией убило!

И сразу вокруг всё пришло в движение, внеся в спокойную размеренную жизнь нервозность.

У дежурившей на всякий непредвиденный случай машины «Скорой помощи» распахнулись задние двери, и оттуда «выкатились» две полные тётеньки в белых халатах. С развёрнутыми носилками в руках они рысью припустились к сидевшему у воды Витьке. За медсёстрами, едва поспевая, заторопился доктор с чемоданчиком. К ним со всех сторон стали присоединяться другие люди. Неизвестно, из каких мест они брались, но скоро маленький отряд медиков вырос в многолюдную армию любителей поглазеть на всё, что угодно...

— Очухались! – невесело усмехнулся Витька.

В этот момент Люська открыла глаза, улыбнулась, будто сроду не умирала, и, быстро поднявшись на ноги, схватила Витьку за руку:

— Бежим!

Витька не успел опомниться, как уже мчался вместе с Люськой по пляжу, слыша позади злобные крики разочарованной толпы:

— Держите их, держите!

— Окружай!

— Ату!

Больше всех возмущалась баба с визгливым голосом.

— Сбегут ведь! — почти стонала она и взывала к справедливости толпы. — Где это видано, чтобы убиенные молнией бегали?!

Когда запалённые Витька и Люська упали на скамейку в каком-то дворе, Витька подивился избалованности незнакомки:

— Прикинь, эта тётка не может спокойно жить, если не станет свидетельницей чужой беды!

— Сказать, почему? – спросила Люська.

— Почему?

— Потому что дура набитая!

— Это ты точно подметила, — ухмыльнулся Витька и полюбоществовал: — А чего мы убежали?

— Да ну их, — махнула Люська. — Когда надо было, их не дозовёшься... А теперь прилетели, как сумасшедшие... Что им тут, кино показывают?..

Витька пристально пригляделся к Люське и осторожно осведомился:

— Вот когда ты сказала, что надо было вовремя прибегать, ты что имела в виду?

— Сам знаешь! — ответила Люська. — Конечно то, как ты делал мне искусственное дыхание... Да так неумело, что я думала, что уже никогда не оживу...

Витькины круглые глаза сделались такими узкими, какие и у китайца редко встретишь.

— Выходит, ты притворялась? — процедил он зловеще.

— Дурак, — отрезала Люська, — а не лечишься! — и внезапно призналась: — Я и ещё кое-что видела.

— Чего ты клеишь? — не поверил Витька.

— А вот слушай... — и Люська выдала такое, от чего Витька чуть не свалился со скамейки, сильно удивившись. — А всё это я видела сверху, будто парила в воздухе... Вот! — она победоносно взглянула на Витьку.

Витька уставился на Люську ошалевшими, как у козы Фроськи, глазами, когда ей от величайшего испуга пришлось без остановки скакать целых два дня и две ночи. Потом хрипло произнёс:

— Получается, твоё тело лежало на пляже, а сама ты парила в воздухе, как... пушинка?

Люська печально кивнула:

— Я как бы отделилась от своего тела и могла лететь, куда мне захочется... Даже к бабушке в деревню летала...

Витька не утерпел, чтобы не проверить Люську, и поинтересовался:

— Как там наш родничок себя чувствует?

Люська повеселела и принялась рассказывать:

— Родничок наш ничуть не изменился... Я как раз прилетела, когда моя бабушка с твоей бабушкой несли оттуда воду. Пройдут немножко, потом отдохнут... Потом опять несут... Твоя бабушка и говорит: «Вот был бы Витька, нам не пришлось бы самим носить воду». А моя бабушка ей на это отвечает: «Славный парень растёт, всё у него в руках спорится». А твоя бабушка обрадовалась и сразу начала хвалиться: «В нашу родню пошёл».

Может, она и врала, но Витька, желая поддержать свой авторитет, неторопливо поднялся со скамейки, выпятил свою богатырск-

кую грудь и, старательно выставляя по очереди вперёд то одно, то другое мощное плечище, тяжёлой поступью прошёлся перед Люськой. Затем широко расставил ноги, упёрся руками в бока, будто вызывал на честный бой самого Соловья Разбойника или какого-нибудь другого не менее опасного злодея и заносчиво сказал:

— Если хочешь знать, да для меня натаскать воды — пара пустяков, хоть на всю деревню...

На это Люська ничего ответить не успела, потому что удалой молодец, неожиданно быстро подсел и, заглядывая в её лицо своими горящими глазами, спросил:

— А в Африку ты не догадалась слетать?

Люська шмыгнула своим острым лисьим носом и отчеканила, как отрезала:

— У меня в Африке родни нет!

— А я бы слетал, — размечтался Витька. — На негрятят поглядел бы, чем они там занимаются... Теперь небось на слонах катаются, — вздохнул он завистливо.

— Чем летать, — здраво рассудила Люська, — лучше на земле жить. Смотри, как тут здорово!

3

В сочной зелени цветущего кустарника чирикали воробьи. К ним подкрадывалась рыжая кошка, от возбуждения подрагивая кончиком хвоста.

По двору катался на трёхколёсном велосипеде маленький пацанёнок — загорелый, толстый, весёлый, со знанием дела издавая губами различные звуки. Конечно, несведущему в технике человеку нипочём не разобраться в этих звуках, которые, несомненно, принадлежали каким-нибудь механическим средствам передвижения, и он ошибочно принимал их за обычные выкрики.

Зато сам механик был полностью уверен в своих знаниях, как и его молодая мама, которая читала на скамейке детскую книжку «Старая прялка». Время от времени она приподнимала голову от страниц и умильными глазами смотрела на своё технически образованное чадо.

Пока Витька крутил головой, не понимая, чего хорошего Люська могла найти в обыденном существовании, сама Люська, отки-

нувшись на спинку и прижмутив глаза, наслаждалась жизнью.

— Знаешь, Витя, — вдруг сказала она, — мне, кажется я — это уже не я, а совсем другой человек...

Витька протянул было руку потрогать её лоб на предмет определения температуры, но Люська сердито топнула ногой:

— Перестань! Я тебе серьёзно говорю. Понимаешь, снаружи будто это я осталась, а вот тут, — она постучала пальцем себя по голове, — как будто уже не я... Мне представляется, что во мне теперь живут два человека... Хочешь, скажу, что сейчас произойдёт вон с тем мальчишкой?

Витька поглядел, какие кренделя выписывает на своём велосипеде сорванец, и заинтересованно уставился на Люську:

— Что произойдёт?

Люська даже отвернулась, чтобы Витька не подумал, что будто бы она подглядывает:

— Он сейчас упадёт в лужу.

— Чтобы упасть с трёхколёсного велосипеда, надо очень постараться, — разочарованно протянул Витька.

— Сейчас увидишь!

Не успел Витька повернуть голову, как колесивший по двору пацанёнок без всякой на то причины вдруг вознамерился с разгону проскочить через лужу. Он на всей скорости влетел в неё и на самой середине, где, по-видимому, боковое колесо попало в глубокую выбоину в асфальте, перевернулся, подняв грязные брызги на три метра. Тут же испуганно вскочил и, вытаращив глаза, во весь голос заревел, глядя на мать.

— Вот это да! — воскликнул Витька и медленно поднялся, от изумления вытягивая шею всё длиннее и длиннее, так что через некоторое время она стала похожа на жирафью. Потом кулаками потёр глаза, чуть не вдавив их внутрь, и произнёс, всё ещё не глядя на Люську: — Если бы я собственными глазами не увидел это, ни за что бы тебе не поверил.

— Значит, теперь веришь? — уточнила Люська.

— Железно!

Тем временем молодая мама, увидев своё ненаглядное дитя посреди грязной лужи, ничего лучше не придумала, как, вскинув брови, спросить:

— Ты как туда попал?

Маленький сорванец оглядел лужу с далёкими от него берегами

и от безысходности заревел ещё громче, будто не сам в неё въехал, а занесла его туда какая-то неведомая волшебная сила.

— Может, хватит уже стоять, — подала дельный совет на редкость терпеливая мама, — выходить пора.

Мальчишка слегка убавил голос, но покидать лужу не спешил, видимо, мало веря в прославленную доброту своей матери.

— Так я жду, — напомнила о себе мать подозрительно дрогнувшим голосом и, вдруг запрокинув голову, захохотала так заразительно, что у неё из глаз брызнули слёзы. — Или ещё не накупался вдоволь?

Через минуту, когда казалось, что смех пошёл на убыль, она взглянула на озорника, стоявшего по колени в воде со скорбным видом, и опять откинулась на скамейку, успев на последнем вдохе выкрикнуть меткое определение:

— Поросёнок!

Глядя, как по лицу миролюбивой родительницы текут слёзы вперемешку с тушью, Витька восхищённо заметил:

— Вот это у неё сила воли! Да меня бы за такие проделки мать на целую неделю в угол поставила!..

— Он своё ещё получит, — пообещала Люська.

— Да ладно, — засомневался Витька такому нелепому предсказанию.

Люська поджала свои тонкие губы и, будто они находились на сеансе двухсерийного приключенческого фильма, жеманно сказала:

— Смотрим продолжение.

Волоча за собой велосипед, мальчишка задом наперёд выбрался на сухое место. В пропитанной водой одежде он выглядел, как маленькая дождевая тучка. Мальчишка оглядел себя со всех сторон, наклоня голову то направо, то налево, как петух, и принялся старательно отряхиваться, хлопая себя по бокам.

Чтобы случайно не заляпаться грязными каплями, которые окружали сына, будто рой озлобленных пчёл, мать звонким голосом скомандовала:

— Замри!

Мальчишка послушно застыл с раскинутыми руками, выпучив от напряжения глаза.

Молодая мама очень внимательно оглядела печальную мокрую фигурку — вначале с головы до ног, потом с ног до головы — и

весело щёлкнула пальцами возле самого его носа, будто от этого «поросёнок» должен был, как по мановению волшебной палочки, превратиться опять в опрятного мальчика, чего, конечно, не случилось. Тогда она с вздохом вынула из сумочки носовой платок и, видимо для того, чтобы в целях воспитания потянуть время, стала тщательно вытирать на своём лице чёрные разводы туши, которые выглядели просто замечательно, совсем как боевой раскрас у настоящего дикаря. И только вернув себе прежнюю красоту (что в полной мере подтвердило миниатюрное зеркальце, в которое она долго на себя любовалась), мать занялась сыном, дабы придать ему надлежащий вид, с которым будет незастенчиво прийти домой. Ведь дома муж её тоже по головке не погладит за то, что не углядела за сыном.

Мальчишка некоторое время молча стоял и сопел. Потом, видимо, решив, что угроза наказанием в виде физической расправы миновала, горделиво задрал курносый нос и неожиданно заявил:

— Мам, а мам, ты видела, как я здорово кувыркнулся? Теперь мне все ребята в нашем дворе станут завидовать!

Лучше ему было промолчать, потому что даже у такой мировой матери тоже иногда сдают нервы. Она отвесила ему звонкий подзатыльник и с досадой воскликнула:

— Водолаз какой выискался!..

Мальчишка надулся, покраснел, но не разревелся, как ожидал Витька, а проявил выдержку, видно, всё-таки чувствовал, что не совсем прав.

Мать одной рукой подхватила велосипед, другой уцепила мальчишку и поволокла за собой, ругаясь:

— Из дома теперь ни ногой до тех пор, пока не высохнет лужа.

Поглядев на мокрые следы, которые цепочкой тянулись за мальчишкой, Витька обратился к Люське:

— Как у тебя это получается?

Люська дёрнула плечиком, а потом, подумав, ответила:

— У меня где-то внутри головы картинки возникают.

— Научишь?

Люська в просьбе, конечно, не отказала: всё-таки просил не какой-нибудь сторонний человек, а самый близкий товарищ, только поставила одно неперемное условие:

— Для этого требуется, чтобы в тебя ударила молния.

— А без этого никак нельзя? — озадачился Витька.

— Наверное, можно, — не стала кривить душой Люська. — Только я другого способа не знаю.

Витька наотрез отказался, чтобы в него ударяло одно из самых ужасных явлений природы, как и от того, чтобы использовать в качестве ударной силы земные предметы, такие, как молоток и кирпич, которые предлагала Рыжая Лиса, изо всех сил желая ему хоть чем-нибудь помочь.

— Тогда живи, как жил, — утешила Люська. — Что в непонятном хорошего?

Витька растроенно махнул рукой и отвернулся, размышляя о своей неудаче.

Люська поелозила подошвой босоножки по земле, смухортилась и сняла её с ноги. Высыпав из босоножки сырой песок, она увидела в подошве маленькую аккуратную дырочку, оплавленную по краям.

— Смотри, Витя! — воскликнула поражённая Люська и пошевелила просунутым в дырочку указательным пальцем. — Оказывается, молния меня насквозь прошила. Вот в это место вошла... Только сейчас я об этом догадалась... — она показала ожог за ухом, — а вот отсюда вышла, — и опять зашевелила пальцем. — А я ещё думаю, чего это у меня так в ухе стреляет и ногу колет... Теперь понятно, отчего...

Без лишних слов Витька вырвал у неё босоножку и с жадным любопытством начал обследовать, даже приставил к глазу и сквозь дырочку поглядел на свет.

Перспектива ходить всю жизнь с оплавленной дырочкой в голове Витьке совсем не понравилась и он, без сожаления вернув босоножку хозяйке, с неизвестной радости заявил:

— Я уж как-нибудь...

Посторонний человек, если бы он в это время проходил мимо, ни за чтобы не догадался, что имел в виду этот взьерошенный, как воробей, мальчишка. Только не Люська, которой сегодня повезло необыкновенно.

4

Будние дни для Витьки всегда начинаются одинаково: в его комнату входит отец и радостным голосом сообщает:

— На зарядку становись!

Будто свободный человек не имеет полное право распоряжаться своей жизнью так, как ему захочется. Например, поспать лишние пять минут, потому что до занятий ещё целых два часа, а идти до школы даже самым ленивым шагом всего несколько минут.

И вообще, если хотите знать, он запросто проживёт и без какой-то там зарядки. Тут даже и рассуждать нечего. Одно время, когда Витька гостил у бабушки в деревне, он набирался силы с помощью блинов. Но отец, узнав про такой сомнительный метод оздоровления, быстро его забраковал, авторитетно заявив, что от этого прибавляется не мускулатура, а живот. Хотя бабушка побольше его знает, потому что живёт долго и всё на своём веку повидала.

Правда, в субботу и воскресенье отец не пристаёт, и можно дрыхнуть, сколько угодно, а всё оттого, что сам отсыпается после трудовой недели. Но именно в выходные с Витькой и начинают происходить удивительные вещи: он обязательно просыпается спозаранку и ворочается без сна до тех пор, пока по дому не начнёт хлопотать мать, для которой он является первым помощником.

Однако, если признаться по-честному, после зарядки и закаливания ледяной водой в Витьке всегда просыпается такая силища, что прямо так и хочется совершить что-нибудь геройское...

Когда он вошёл на кухню завтракать, отец, как ни в чём не бывало, сидел уже за столом и предавался своему любимому занятию — чтению. Свежую газету ему еженедельно поставлял сосед дядя Толя, который работал печатником в типографии и любил без спросу брать все, что там печатается, и менять на кружку пива. А чтобы не беспокоить других соседей на площадке, которые новостями не интересуются, а только и делают, что по ночам спят, до утра оставлял её в дверной ручке.

Отец мельком взглянул на Витьку и, вполне удовлетворившись его бодрым видом, опять уткнулся в газету. Через минуту он воскликнул:

— Гляди-ка, что у нас в городе происходит! Мать, а мать... — обратился он к Витькиной матери, которая стояла у плиты, орудуя одной рукой в скворчащей сковородке, а другой взбивая яйца для яичницы, вслух сетуя на то, что у неё не хватает двух рук и приходится крутиться, как белке в колесе.

— Ну, чего там ещё? — откликнулась она раздосадованным голосом.

— А вот слушай: «Вчера на городском пляже возле лодочной

станции, где проходил творческий конкурс по изготовлению скульптур из песка, разряд молнии ударил в девочку...»

Впечатлительная мать ойкнула и уронила чашку с яйцами, успев в последний момент ловко подхватить её почти у самого пола, не хуже какой-нибудь знаменитой циркачки.

— Да ты не переживай так! — успокоил её отец. — А слушай дальше. «Трагедии не случилось только из-за того, что рядом находился товарищ, который, используя приобретённые в школе знания на уроках основ безопасности жизнедеятельности, с помощью искусственного дыхания привёл девочку в чувство», — тут отец торжественно поднял палец и обратился уже непосредственно к самому Витьке: — Видел, какие герои ещё встречаются?

— Чего ж тут геройского? — страшно удивился Витька.

— А того и геройского, — поучительно объяснил отец, — что мальчишка не растерялся. А будь с девочкой какой-нибудь... нюня, — отец вздохнул, и стало понятно, какого нюню он имел в виду, — вот тебе и трагедия! Между прочим, я на сто процентов уверен, что смелый мальчик занимается по утрам зарядкой...

Витька покосился на отца и с набитым ртом невнятно произнёс:

— Из-под палки...

Отец перестал жевать:

— Что ты сказал?

Витька замахал руками, чтобы его не отвлекали пустыми разговорами, проглотил яичницу, запил её кофейным напитком и выскочил из-за стола:

— Спасибо, говорю! Я побежал!

Он кубарем скатился по лестнице, вылетел из подъезда и понёсся по улице, как ураган. Школа хоть и находилась неподалёку, до уроков следовало прояснить кое-какие свои запутанные дела и успеть их проверить, пока другие не опомнились. Но как бывает в таких случаях, что-нибудь да обязательно произойдёт, отчего незамедлительные дела, конечно же, придётся на время отложить, а то и вовсе о них забыть на неопределённый срок.

Только успел Витька как следует разогнаться, совсем близко послышался весёлый голос:

— Картоха!..

Это был его закадычный друг Колюня по прозвищу Пельмень, которому отец тоже не давал никакой жизни по причине его несурьезно толстого вида, придумывая ему всевозможные козни для по-

худения: бег с препятствиями, дальние походы, лазания по канату, прыжки на скакалке и другие вредные для нормальных людей вещи.

Витька, не расположенный к долгим разговорам, насмешливо сказал:

— Чего обзываешься, когда ты сам Пельмень?

Колноня подбежал, гремя в ранце за спиной школьными принадлежностями, и, не обращая внимания на его недовольный вид, выпалил:

— Слышал новость? На пляже девчонку молнией убило!

Уж кто-кто, а Пельмень точно, никогда новостями не интересовался и по утрам газет не читал, как, впрочем, и в остальное время суток, и Витька спросил:

— Откуда знаешь?

Пельмень был, как всегда, в самом лучшем настроении:

— Тараторка сообщила!

Витька очень подивился такому чудному имени и полюбопытствовал:

— Что за Тараторка такая?

— Это у нас одну тётеньку из соседнего подъезда так величают, — пояснил Пельмень. — Вообще-то она тётя Шура... Только любительница собирать разные сплетни, а потом по городу их распускать... Вот её все и зовут, как мама говорит, по-народному — Тараторка.

Витька, не сводя пытливого взгляда с Пельменева лица, задумчиво поморщил лоб и осторожно осведомился:

— Тараторка, она из себя на вид такая маленькая, да? И шустрая, как... как веник, и голос у неё визгливый...

По-видимому, описание той тётеньки, которая больше всех возмущалась на пляже, полностью совпало с характером таинственной Тараторки, потому что Пельмень вытаращил глаза и спросил:

— А ты её откуда знаешь?

— Не знаю я никакой Тараторки, — поспешил отречься Витька от сомнительного знакомства, чтобы его за компанию тоже не посчитали непорядочным человеком. — Это просто я так подумал... раз она сплетница.

— Сплетница и есть! — подтвердил Пельмень. — Только в этот раз никакая она не сплетница, потому что всё это оказалось правдой!

Витька сложил фигу, поднёс её к самому носу Пельменя и загадочно спросил:

— Это видел?

Пельмень честно свёл глаза к переносице, видимо, для того, чтобы получше разглядеть известную фигуру из пальцев, и быстро кивнул:

— Видел.

Витька потянул время и торжественно объявил:

— Так вот! Всё это — наглая ложь! Про этот случай отец сегодня мне прочёл в газете в разделе «Новости», где чёрным по белому было написано то, что Люсь... то есть та девочка осталась живая. А твоя Тараторка — она... она и есть Тараторка и к тому же ещё и балаболка, — ухмыльнулся Витька.

Пельмень, представив, какую позорную славу чуть не приобрёл из-за Тараторки, распространи он на всю школу непроверенный слух, запыхтел, как рассерженный ёжик, и зловеще произнёс:

— Я ей устрою...

— Чего ты ей устроишь? — заинтересовался Витька дальнейшей судьбой Тараторки, зная, что если уж Пельмень за что возьмётся...

— Знаю чего, — многозначительно пообещал Пельмень. — На весь город будет ославлена.

Не успели друзья до конца обсудить подлость Тараторки, как прозвенел звонок, приглушённый расстоянием и дополнительно старинным двухэтажным особняком, который располагался прямо посередине пути.

Ребята встрепенулись, будто кони от походной боевой трубы, и наперегонки поскакали к школе, топя ботинками, как копытами.

5

Первым уроком была «История», которую преподавал всеми уважаемый историк Серафим Фёдорович по прозвищу Фантомас. Кем он был назначен так прозываться, неизвестно, потому что ещё в давние времена, когда в школе учились родители Витьки и Пельменя, он уже Фантомасом числился. Хотя в отличие от настоящего Фантомаса, который, как известно, был лысым, у Серафима Фёдоровича росли густые волосы, только совсем седые. Скорее всего, сходство было в голосах — ровных, бесцветных и монотонных, как у современных роботов с искусственной речью.

Особенностью характера Серафима Фёдоровича было то, что он любил подковырнуть над нерадивыми учениками. Например,

лодыря Пельменя он иначе как Митрофанушкой не называл, а в особо торжественных случаях величал даже — господин Митрофанушкин.

Поэтому Пельмень не стал дожидаться, пока Фантомас раскроет классный журнал, а заблаговременно спрятался за широкую спину школьного спортсмена Макса и зажмурил глаза, видимо, рассчитывая на то, что от этого он будет ещё незаметнее.

Серафим Фёдорович, посмотрев поверх очков на затаившихся учеников, не поленился приподняться и заглянуть за спину Макса. Увидев сползшего под парту Пельменя, у которого только голова находилась на виду, да и та была плотно прижата щекой к поверхности парты, он печально покачал головой и опять уселся на своё место.

Остальные ученики, давась смехом, изо всех сил крепилась, чтобы не расхохотаться вслух и тем самым не накликают на себя беды в виде вызова к доске.

— Сегодня что-то я не вижу господина Митрофанушкина на уроке, — заговорил Фантомас своим знаменитым замогильным голосом. — Видно, не посчитал сей господин осчастливить нас своим присутствием. Нехорошо получается, право дело нехорошо... Придётся вызывать родителей в школу...

— Почему это я отсутствую? — выдал себя Пельмень. — Я присутствую... Просто у меня ручка под парту укатилась...

Фантомас вскинул брови:

— Слона-то я и не заметил. Видно, старенький становлюсь, — посетовал он. — Пора на пенсию.

Пельмень сел ровно и даже аккуратно сложил перед собой руки, будто примерный ученик.

Но Фантомас уже успел оседлать любимого конька и продолжил:

— Ты нам хочешь что-то рассказать? Ну-ну, смелее... Мы все внимание...

Пельмень с неохотой кособоко поднялся и, наморщив лицо, как можно жалобнее, заныл:

— Напрасно вы, Серафим Фёдорович, думаете, что я хочу что-то сказать... Совсем я не хочу ничего сказать... И даже... и никогда не хотел...

Фантомас развёл руками:

— Какие мы оказывается щепетильные.

— Чего это я щепетильный, — обиделся Пельмень. — Совсем я

не щепетильный. Просто нам с вами... не о чем разговаривать... У нас, Серафим Фёдорович, разные интересы...

— Скажите, пожалуйста, — умилился Фантомас. — Ну, может быть, хотя бы на моём уроке истории наши интересы совпадают? Расскажите нам, господин Митрофанушкин, о происхождении восточных славян... — он сделал галантный жест рукой: — Прошу...

Пельмень с тоской оглядел класс и медленно двинулся к доске, волоча ноги, будто каторжанин, закованный в цепи.

— Значит, так, — начал он припоминать, глядя в потолок, — Европу и Азию населяли племена... Как их?.. А, вспомнил, индоевропейцев... Между собой они изъяснялись на одном языке... А потом вдруг раз... и общаться стали на разных языках...

Фантомас задумчиво потёр переносицу:

— Допустим... А скажите, товарищ Митрофанушка, почему это произошло?

— Что они стали разговаривать каждый на своём языке? — для уточнения переспросил Пельмень.

Фантомас вздохнул и взялся за ручку.

— Потому что им так удобнее! — быстро сказал Пельмень и, чтобы опередить Фантомаса с его ненавистной ручкой, которая хорошиими отметками Пельменя и в добрые времена не баловала, привёл пример из собственной жизни: — Вот если я какой-нибудь иностранный язык не знаю, то мне на нём разговаривать совсем не хочется... А если я вот свой родной язык знаю, то я могу на нём болтать хоть целый день обо всём на свете... Значит, получается... Что получается? А получается то, что кому какой язык нравится, тот на таком и разговаривает. Вот! — выпалил он, запыхавшись.

— Ну о-очень хорошо разъяснил... Доходчиво... — проговорил Фантомас, медленно моргая. — Теперь носи свой дневник, я послание твоим родителям напишу, чтобы они не заскучали, когда с работы придут домой усталые...

По его угрюмому виду не было похоже, чтобы Фантомас обрадовался, и Пельмень брякнул:

— У меня его украли!

Сильно же он этим удивил Фантомаса.

— Это какой же дуралей позарился на твои отметки? — спросил он.

— Вы вот не верите, Серафим Фёдорович... — забормотал Пельмень, — а у меня его правда украли...

Фантомас сокрушённо покачал головой:

— Вот незадача... Хотя, с другой стороны, понятно желание каждого школьника иметь в наличии такой дневник... Им очень хорошо пугать своих родителей... Начнут они придирааться к своему балбесу, что учится неважно, а он возьми и подсунь им твой дневник... И сразу родителям становится всё ясно: уж лучше пускай их охломон учится как учился, чем будет равняться на такого лодыря, как хозяин такого знаменитого, можно сказать, эксклюзивного дневника.

Пельмень печально вздохнул:

— Вы вот, Серафим Фёдорович, всё шутите, а знаете, как я сильно переживаю?

— Ну-у, это само собой, — согласился с ним Фантомас. — А как же иначе? За год столько добрых пожеланий учителя в нём понаписали, что тут любой переживать станет... — и он, проникнувшись сочувствием, принял самое горячее участие в судьбе обворованного ученика: — Придётся тебе помочь и сделать первый взнос в копилку, так сказать, твоих неповторимых знаний... — Фантомас достал из старинного потёртого бумажника пятьдесят рублей и протянул Пельменю.

— Это ещё зачем? — покраснел Пельмень.

— Это для того, чтобы ты ходил в магазин «Канцтовары» и купил себе новый дневник, — самым добрым голосом объяснил Фантомас. — Должен же я тебе куда-то оценку поставить.

Пельмень быстро спрятал руки за спину и замотал головой:

— Не возьму! Даже и не надейтесь, Серафим Фёдорович... У вас и так зарплата маленькая... А я что, нищий какой-нибудь?.. Лучше я свой старый дневник разыщу...

Тут прозвенел спасительный звонок с урока, и Фантомас больше настаивать не стал, а, спрятав деньги опять в бумажник, с чувством произнёс:

— Спасибо за заботу... Митрофанушка.

Он зажал локтем кожаный портфель, весь от старости в трещинах, и, задумчиво свесив голову, вышел из класса.

Проводив его сутулую фигуру взглядом, Пельмень вытер свой распаренный лоб и пожаловался Витьке:

— Вот пристал! И чего я ему такое сделал?

Витька постучал согнутым пальцем по его выпуклому лбу, о ко-

торый можно колоть кирпичи без всякого опасения за здоровье хозяина, и назидательно сказал:

— Учиться надо... Митрофанушка.

— Тоже мне друг называется, — непонятно почему обиделся Пельмень и даже на перемену не пошёл, засев в пустом классе один, как куркуль.

Больше в этот день в школе ничего интересного не произошло. А если что и было в других классах, так то Витьке не ведомо, потому что у него дела появились и поважнее: его самый старинный друг, который никогда злопамятным человеком не числился, неожиданно прислал записку, где настоятельно требовал дуэли. После того, как конфликтующие стороны обменялись дипломатическими посланиями на вырванных из тетради листах, переговоры зашли в тупик по причине отсутствия у них пистолетов, шпаг и прочих просто необходимых для дуэли принадлежностей. Дополнительно дело осложнилось и щепетильным отношением соперников к поединку на кулаках, которое они посчитали по праву достойным разве что последних плебеев. Но и тут доблестные рыцари Айвитя и Айколюня, пораскинув умом, нашли блестящий выход из положения: было решено сыграть сто партий в морской бой. А так как противоборствующие стороны располагались за одной партией, они немедленно приступили к военным действиям.

После невиданного по размаху кровопролитного сражения флоты обоих неприятелей были потоплены не по одному разу. Подсчитав потери, главнокомандующие нашли их равными и с чистой совестью приступили к мирному урегулированию конфликта. Вскоре между славными рыцарями в который раз был заключён мир на вечные времена, что, собственно, и следовало ожидать от самых крепких друзей.

А тут и занятия закончились. Витька и Пельмень вышли на порог школы. Вовсю светило солнце. Травка зеленела. Цветочки цвели. На улицах кишела детвора.

Витька с удовольствием потянулся и произнёс:

— Скоро каникулы!

— Быстрее они бы что ль наступали! – трагически выкрикнул Пельмень и с отвращением потряс своим ранцем. — А то ходишь, как к нему привязанный.

Витька одобрительно похлопал Пельменя по плечу:

— Ничего! Совсем пустяк остался!

Пельмень изумился:

— Ничего себе пустяк? Я слышал, что один преступник целых десять лет провёл в тюрьме, и ничего... А когда ему оставалось всего два месяца, он взял и сбежал...

— Так то тюрьма, — поучительно ответил Витька. — Какое тут может быть сравнение?

Пельмень оглянулся на школу и злобно пробормотал:

— Это смотря для кого как...

6

Вдалеке показалась Люська в школьной форме и помахала рукой, свободной от портфеля.

— Кто это? — вылупив глаза, поинтересовался Пельмень и помахал ей в ответ.

— Да так, — неопределённо ответил Витька, — одна моя знакомая.

Пельмень стоял и лыбился, как всё равно какой дурачок, вроде никогда не видел девчонки.

Люська подошла своей прыгающей походкой, от которой её торчавшие по бокам косички с белыми бантами подрагивали, как две антенны у инопланетянина, и весело сказала:

— Привет, мальчишки!

Пельмень зачем-то обтёр ладонь о рубашку на животе и солидно поздоровался с ней за руку:

— Привет! Меня зовут Николай!

— Люся... Кукушкина!

Пельмень, видимо, сражённый наповал птичьей фамилией незнакомки, только и смог, что разинуть рот:

— О-о!

Лёгким прикосновением ладошки Люська вернула подбородку свойственное ему положение:

— Вот тебе и «о»!

Тут Пельмень понял, что уже пора хвалиться своей медалью «За отвагу», которой наградили его вместе с Витькой и ещё одним мальчишкой по имени Вовчик, на вид задохлика, но, тем не менее, от-

важного до безрассудства. А уж про самого командира Витьку и говорить нечего...

Пельмень, предчувствуя всю торжественность момента, напыжился и важно произнёс:

— Вот когда мы брали преступников...

Больше он сказать ничего не успел, потому что Люська, глядевшая весёлыми глазами на смешного толстого мальчишку, вдруг заинтересовалась:

— Скажите, Николай, почему вы обманули учителя истории, будто бы у вас украли дневник? Хотя на самом деле он лежит дома под диваном, куда вы его сами и спрятали.

Пельмень мог ожидать от глупой девчонки всё что угодно, но уж точно не такого коварного вопроса, и чуть не подавился собственной слюной. Он сложился пополам и, вытаращив глаза, начал кашлять с такой силой, что стало страшно за его лёгкие, которые в любой момент могли отвалиться и выскочить наружу.

— Ты чего? — озабочился Витька его здоровьем и со всего размаху стукнул кулаком по спине. — Так полегче?

Пельмень, лицо которого прямо на глазах приобретало цвет спелой сливы, боднул воздух:

— По... получше...

Но стремление Витьки в очередной раз проделать лечебную процедуру почему-то не одобрил.

— Как знаешь, — не стал настаивать Витька и отвернулся, чтобы не видеть, как мучается перед смертью его самый близкий друг. Когда, по расчётам Витьки, Пельмень должен был уже окочуриться, чего, как видно, делать он не собирался, потому что всё ещё продолжал издавать свои противные звуки, совсем не похожие на предсмертные, Витька обернулся к нему и, грозно сдвинув брови, закричал:

— Хватит! Надоел ты уже со своим кашлем!.. Вот стоит, перхает и перхает... как больная овца... Ты лучше скажи, идёшь ты с нами или нет?

Пельмень испуганно вздрогнул и скрипучим голосом быстро оправдался:

— Я тут ни при чём!.. Это всё из-за неё!..

И, сославшись на неотложные дела, про которые он совсем забыл, но которые, тем не менее, требуют немедленного выполне-

ния (в противном случае он получит от отца такой нагоняй, что мало не покажется), Пельмень, не разгибаясь, побрёл по дорожке между цветами, поминутно оглядываясь на Люську. За школьными воротами он вдруг выпрямился и с невероятным грохотом припустился вдоль улицы, будто вырвавшаяся на простор лошадь-тяжеловоз.

— Чего это с ним? – удивилась Люська.

— Умом повредился, — на полном серьёзе ответил Витька, — когда ты ему про дневник сказала.

Люська виновато отвела глаза:

— Откуда мне было знать, что он примет это близко к сердцу. Я же не нарочно. Просто, когда я на него смотрела, у меня в голове возникли две интересные картинки: одна, как он говорит про кражу, а другая, как в панике мечется по всей квартире, не зная, в какое место спрятать дневник, чтобы родители случайно на него не наткнулись. Вот я и спросила.

Витька развеселился:

— Он же не знает про твои способности. Теперь всю голову сломает, разгадывая, откуда тебе всё это стало известно... Одну ночь не будет спать, другую, месяц, год... Потом совсем сон потеряет... Так всю жизнь и будет по крышам ходить, как какой-нибудь лунатик!..

— Все свои самые неотложные дела забросит, — подхватила Люська. — В школу перестанет ходить!..

Очень смешно было представлять, какая теперь невесёлая жизнь поджидает впереди Пельменя, который об этом пока и сам не догадывается.

— Вить, — спохватилась Люська, — вообще-то я к тебе за советом пришла, а не твоего Пельменя пугать.

Витька заносчиво задрал свой веснушчатый нос:

— Я люблю всякие советы давать. Мне не жалко. Пусть кто хочет ими пользуется.

— Ой, как здорово! – обрадовалась Люська и даже захлопала в ладоши, будто пришла на концерт, а не за советом. — Но мне надо такой совет, чтобы всё получилось, — уточнила она.

— А что должно получиться? – заинтересовался Витька.

Озираясь по сторонам, Люська взволнованным шёпотом сообщила:

— Я сегодня утром проснулась... опустила ноги с кровати...

глянула на них... и чуть в обморок не упала, — она сделала большие глаза и крепко ухватилась за Витькину руку, наверное для того, чтобы он, сильно удивившись, сам не брякнулся в обморок. — Я увидела, как по моим венам течёт кровь... А ещё я видела кости и мышцы так чётко, словно у меня на ногах не было кожи...

Конечно, Витька ни в какой обморок не брякнулся, а только остолбенело уставился на Люську.

— Вить, ты чего? — забеспокоилась Люська и помахала ладошкой перед его глазами.

Витька продолжал молча стоять, как будто она разговаривала не с ним, а с телеграфным столбом, и возмущённая Люська больно его ущипнула.

Витька слабо улыбнулся и пролепетал, проявив хоть какие-то признаки жизни:

— Тебе хорошо...

Ясное дело, что человек ещё не оклемался, иначе он ни за что бы такую глупость не ляпнул, но Люська обиделась до глубины души:

— Чего ж тут хорошего, — закричала она, — когда видишь вокруг себя не людей, а одни ходячие скелеты!

С визгом и воплями пронесившаяся мимо орда диких школьников замерла и с подозрением уставилась на дерзкую девчонку с волосами, горевшими на солнце, словно пламя. Сразу было видно, что училась она в другой школе, и поэтому обзывать не имела никакого права, а должна была вести себя на чужой территории очень скромно и даже с робостью. В противном случае, по неписанному закону любой чужак, даже и такой чудной, как эта девчонка, обязан был подвергнуться беспощадной расправе.

Витька быстро подхватил Люську за руку и поволол подальше от школы, оживлённо интересуясь:

— Вот так прямо одни скелеты? Вот так прямо и ходят по улицам?

— Ну, допустим, не всегда я их вижу, — сбавила тон Люська. — Но довольно часто.

Витька глубокомысленно помолчал, а потом сказал:

— Вообще-то, правда, чего в этом хорошего? Как будто нашу планету захватили одни скелеты, — и он, скривив лицо, передёрнул плечами: — Бр-р...

— Но это ещё не всё, — опять перешла на зловещий шёпот Люська, заметив, как за ними неотвязно следуют несколько подо-

зрительных личностей. — Во мне обнаружилась и другая особенность... Вот, смотри... — Люська растопырила пальцы.

Через пять секунд Витька с удивлением увидел, как кончики её пальцев начали излучать слабый голубоватый свет, который становился всё ярче и наконец превратился в мощный поток света, по сравнению с которым электрическая лампочка выглядит просто смешной бледной тенью.

— Вот это да! — вырвалось у Витьки.

Подозрительные личности, видно, из числа самых закоренелых блюстителей традиций с угрожающим видом двинулись к Витьке с Люськой, чтобы навалить им обоим: нахальной девчонке — для того, чтобы впредь держалась подальше от их родной школы, а Витьке — чтобы не приучался приманивать чужаков на школьную территорию.

Главным в этой компании числился долговязый губастый малый, который имел позорную собачью кличку Барбос. Он был на четыре класса старше Витьки и славился своим хулиганистым характером.

При виде этой известной личности со своими подчинёнными Витька понял, что им с Люськой ничего хорошего ждать не приходится. Люська, по-видимому, про это подумала раньше и давно уже прятала руку за спиной.

— Эй, ты, — обратился безжалостный грабитель Барбос к Люське, — чего там прячешь?

— Какое твоё дело? — огрызнулась смелая до невозможности девчонка. — Что хочу, то и прячу. Тебя не спросила.

От такой наглости Барбос просто обалдел, и другие тоже.

Всё так же скрывая руку, Люська начала медленно пятиться, потянув за собой Витьку.

— Стой! — скомандовал опомнившийся Барбос и распорядился: — Ноздря, проверь, чего это там у неё.

— А ну показывай, — бесцеремонно заявил Ноздря, прозванный так за свой сломанный в драке нос, который после заживления выглядел криво, будто с одной ноздрёй.

Люська, чтобы сильнее досадить компании безмозглых старшекласников, затеяла опасную игру: сделала обманный финт влево, потом вправо, словно готовясь убежать.

— Горилла! — рявкнул Барбос. — Взять её!

Приземистый крепыш раскинул длинные, как у обезьяны, руки и на полусогнутых ногах угрожающе двинулся на Люську, которая не только передумала убежать, но и воинственно пошла навстречу, блестя своими озорными глазами.

— Мальчишки, лучше убегайте, — посоветовала она. — Не то вам будет хуже.

— Ты чего это, — оторопел предводитель, — грозишься что ли?

— Она нам грозитя! — принялся кривляться Горилла, размахивая своими длинными руками, будто выступал в цирке, жонглируя бананами.

Барбос заржал, а за ним все подчинённые.

Люська терпеливо дождалась конца веселья и сказала:

— Последний раз предупреждаю.

Большие мальчишки переглянулись и опять заржали, как дураки, а Горилла, куражась, стал на колени и, протягивая к Люське руки, так пронзительно заверещал, что даже соратники изумились его противному голосу:

— Не губи, старуха!

— Считаю до трёх, — сказала Люська. — Ра-а-аз...

— Ой, боимся-боимся!.. — нагло выкрикивал Горилла.

— Два-а...

Горилла вошёл в раж и начал биться лбом об асфальт, наглядно продемонстрировав всему свету отсутствие мозгов, хотя это и так было видно.

— Чего пристали? — закричал Витька, забыв про осторожность.

Барбос с ухмылочкой взглянул на него и полюбопытствовал:

— В глаз хочешь?

И, видимо, посчитав, что Витька из-за своей скромности никогда в этом не признается, скомандовал:

— Ноздря!

Крепыш вразвалочку подошёл и, недобро поглядывая на Витьку, начал не спеша подсучивать и без того короткие рукава, наверное, для того чтобы удобнее было размахнуться.

— Три! — выкрикнула Люська и вытянула перед собой светящуюся руку.

Барбосова компания примолкла.

— Кто не спрятался, я не виновата, — сказала Люська, и из кончиков её пальцев до Гориллы протянулась маленькая синяя молния.

Глядя, как у него на груди рассыпаются искры, Горилла вскочил на ноги и с остервенением принялся их стряхивать.

— Ой, ой, ой! — опять тем же противным голосом заверещал он, но теперь уже по делу.

Вот где, оказывается, пригодились его длинные руки.

— Кто ещё хочет горяченького? — поинтересовалась Люська и поочерёдно оглядела всю шайку. — Ты?.. Или ты?.. А, может, ты?..

Отчаянные мальчишки отводили глаза, не желая встречаться с её насмешливым взглядом, и торопливо мотали головами.

— Ну что ж, — сказала Люська, — придётся самой выбирать, кого поджаривать.

И она пустила электрический разряд в крепыша, который стоял с растерянным видом, так и не удосужившись до конца засучить рукава.

Ноздря схватился за свой живот и начал испуганным голосом выкрикивать:

— Ты чего? Ты чего?!

Не дожидаясь, когда настанет его черёд, Барбос угрюмо объяснил:

— Мы для чего вас пугали? Просто для смеха. Чтобы жить не скучно было.

Люська сочувственно кивнула и предложила:

— Ну что ж, давайте тогда веселиться вместе.

И она принялась метать огненные стрелы под ноги любителям надсмехаться над маленькими беззащитными жителями городка. Со стороны смешно было глядеть, как безжалостные школьные грабители и бандиты в смятении и ужасе подпрыгивают на месте, будто совершают какой-то таинственный первобытный ритуал. Люська довольно быстро увлеклась красочными фейерверками и спалила нарядные кроссовки у Барбоса, которые, вспыхнув голубым пламенем, мгновенно исчезли, будто их сроду и не было. Оставшись в одних носках (что намного позорнее, чем босиком), Барбосу стало не до стыда перед девчонкой за свою трусость и он, сломя голову пустился бежать, а за ним и его подчинённые, которые пять минут назад слыли один одного опасней.

Очутившись на почтительном расстоянии, где место было тихое

и спокойное, Барбос обернулся и погрозил кулаком.

— Ну, Картоха! — надрываясь, прокричал он, больше всего почему-то возненавидев Витьку, хотя страх на всю его шайку нагнала Люська, а вовсе не он. — Попадись нам теперь!

Ответом банде вымогателей был ухарски исполненный Витькой дикарский танец, который следовало понимать как презренное к ним отношение.

Горилла в бессильной ярости выломал из ограды кол и запустил им в сторону Витьки с Люськой, но тут из двора выскочил хозяин ограды и всех разогнал. Жаль, что никто ему в руки не попался, а то они узнали бы как портить чужое имущество!

— Теперь тебе попадёт, — сказала Люська. — Вон они как разозлились.

— А пускай вначале поймают, — беспечно ответил Витька.

После такого необычайно смелого заявления Люська ещё больше прониклась уважением к героическому мальчишке и сразу опять стала просить совета, который из-за непредвиденных обстоятельств совсем выпал из головы:

— Есть в нашей школе одна училка литературы и русского языка... худющая-прехудющая... как соломинка. Её настоящее имя Нинель Соломоновна... А ученики всех классов и даже кое-какие недобросовестные преподаватели за глаза величают её — Кошка. Прозвали её так из-за того, что она, чуть что, так сразу начинает фыркать... Ну то есть злиться... Правда, злится она не на всех, а только на ленивых да на тех, кто не выучил урок... В общем, получается, что на всех дураков...

— Это мне знакомо, — ухмыльнулся Витька. — У нас тоже один такой имеется — Фантомас.

— Но Нинель Соломоновна учительница справедливая... даже иногда улыбается... Бывает и пошутит... А сегодня я случайно выяснила, отчего она такая худая и злая... У неё вот здесь, — Люська наглядно продемонстрировала на себе в каком именно месте, — я увидела грязноватое белое пятно... на внутреннем органе... И ясно почувствовала, что это пятно о-очень нехорошее...

— На себе не показывают! — всполошился Витька, известный знаток всяческих обрядов и церемоний, и быстрым движением руки отряхнул Люськино платье, куда она так необдуманно прикоснулась, а для верности ещё и несколько раз сильно подул, чтобы и

следа не осталось от невидимой заразы.

Тем временем Люська продолжала рассказывать:

— Про эту болезнь она даже не подозревает... А вот так подойти к Нинеле Соломоновне и сказать об этом я не могу... Во-первых, сама не знаю, как этот орган называется, так как в медицине не бельмеса не смыслю. Во-вторых, она подумает, что я с ума спятила, и ославит на всю школу. А в-третьих, если и поверит, то придётся всё ей выложить, как на духу, о моих необыкновенных способностях... А этого я как раз ни в коем случае делать не собираюсь... Потому что, чем дольше об этом никто не будет знать, тем спокойнее у меня будет жизнь...

— А Барбосова команда? — спросил Витька.

— Кто им поверит, — презрительно отмахнулась Люська, — таким дуракам!

Витька приложил ладонь к щеке, как делают все страдающие зубной болью, а локоть подпёр другой рукой и стал ходить возле Люськи вперёд-назад, размышляя о том, как следует поступить в столь щекотливой ситуации. Но постепенно задумчивость с его лица исчезала, и наконец он заявил:

— Надо пойти в книжный магазин и почитать специальную медицинскую литературу... Или хотя бы посмотреть цветную картинку, где изображены все человеческие внутренности... По ней ты сразу определишь, что у твоей училки болит...

— А как мы ей об этом скажем? — обеспокоилась Люська.

— Что за дела! — воскликнул неунывающе Витька. — Напишем на открытке и подкинем в почтовый ящик.

У Люськи с плеч будто тяжёлый камень свалился, потому, что если позвонить по телефону изменив свой голос, как она вначале предполагала, всё равно от жалости к Нинель Соломоновне разрыдаешься в трубку.

— Это ты здорово придумал! — восхитилась она мудрому решению. — Будет она свою почту брать и наше послание заметит.

— Особенно, если напишем мы на большой открытке, — моментально сообразил Витька.

И они отправились в магазин бодрой походкой, по которой Любой поймёт, что люди не просто так слоняются по городу, а идут по важному делу.

В магазине находилось всего несколько человек, потому что был ещё не конец рабочего дня. Они тихо перемещались между стеллажами, выбирая самые интересные книги. У одной тётеньки, которая расплачивалась у кассы, Витька даже разглядел название детской книжки «Остров с призраками», видно, предназначенной какому-нибудь счастливчику в подарок.

Витька завистливо вздохнул и громко обратился к Люське:

— А вон и раздел медицинской литературы!

Чем сразу насторожил пожилую продавщицу. Она поверх очков поглядела на подозрительную парочку и скрытно двинулась за ними, подглядывая из-за стеллажей. Предчувствие опытную женщину не подвело, и она, к своему ужасу, увидела, как совсем ещё несмышлёные ребята стали копаться в книгах для взрослых. Чтобы спугнуть любителей разглядывать взрослые картинки, продавщица напустила на себя строгий вид и неторопливо прошла мимо, покашливая в кулак.

Единственное, на что у любознательной парочки хватило сил отвлечься, так это на то, чтобы взглянуть на неё загоревшимися глазами и быстро кивнуть:

— Здравствуйте!

И они опять продолжили листать книги с таким азартом, который и среди профессиональных медиков не всегда встретишь.

Подобной наглости продавщица никак не ожидала и в замешательстве ответила:

— Здравствуйте!

Сделав круг по магазину, она вернулась и уже без прежнего почтения сказала, стараясь придать своему голосу металлические нотки:

— Ребята, здесь литература только для взрослых.

— Мы знаем, — ответил Витька, сидя на корточках и с ухмылкой что-то прочитывая. — Это как раз нам и требуется.

— Неужели? — вскинула брови продавщица и, поджав губы, полюбопытствовала: — И что же вас конкретно интересует?

На самом же деле ей до зуда в руках не терпелось отвесить им хороших подзатыльников без всякого выяснения. Витька захопнул книжку, проявив к продавщице интерес, и пояснил:

— Нам нужна книжка, где есть цветная картинка человека в разрезе.

— Что нужно? — переспросила поражённая женщина.

— Ну, картинка такая... с человеком, — попробовал вразумить непонятливую продавщицу Витька. — И что б всё у него было видно... И обязательно, чтобы это была женщина, — уточнил он.

Продавщица вылупила глаза и стала хватать ртом воздух, привалившись к стеллажам.

— Что с вами, тёнька? — встревожился Витька. — Вам плохо?

Он поспешно развернул книжку и принялся, как веером, нагонять к её побледневшему лицу побольше воздуха, чтобы было чем дышать лёгким. Конечно, можно было применить к ней искусственное дыхание «рот в рот», что намного действеннее, чем обыкновенное махание книжкой, но Витька побоялся, что от такого непредвиденного поступка у тёньки случится самый настоящий разрыв сердца, и она умрёт, а во всём обвинят его и посадят.

Но беспокоился Витька, оказывается, зря, потому что, когда продавщица разглядела, что у неё на глазах вытворяют с бесценной книгой, она тут же опомнилась и её отобрала, возмущившись:

— Не смейте лазить во взрослую литературу!

— Это ещё почему? — начал спорить Витька, уподобившись Пельменю, которого мёдом не корми, только дай с кем-нибудь поспорить.

— Потому что вам там делать нечего, — заявила продавщица. — Не-до-рос-ли.

— А если я учусь в медицинском университете? — ни с того ни с сего ляпнул Витька.

— Ты? В университете? — захохотала женщина. — Да быть того не может!

— Ну пусть не я, — покладисто согласился Витька, — а вот она...

Продавщица подозрительно пригляделась к Люське и опять замомнелась:

— Что-то не очень похоже.

Витька тоже оглядел Люську, которая не то чтобы на студентку, но и на старшекласницу не тянула, и стал выкручиваться:

— Она заочно учится... потому что страшно талантливая... А в медицине разбирается не хуже какого-нибудь профессора... И даже намного лучше...

Пока разгоряченный Витька вешал на уши лапшу недоверчивой

продавщице, Люська, не теряя времени, набиралась медицинских знаний, к которым у неё с сегодняшнего дня появились просто необыкновенные способности.

— Она любую болезнь, даже совсем мелкую, лучше самой современной аппаратуры определит, — расхваливал на все лады Витька.

Продавщица покачала головой:

— Ну и врать ты здоров, парень, как я погляжу.

— Врать... — обиженно протянул Витька. — А хотите, она в вашем организме какую-нибудь болезнь найдёт?.. Или думаете, что вы здоровы, как Геракл? — хитро прищурился он.

Женщина невесело усмехнулась:

— А чего её разыскивать? Она и так имеется. Никакой жизни от неё.

— Вот и хорошо! — несказанно обрадовался Витька. — Значит, она посоветует, как её надо с умом вылечивать, — и обратился к Люське: — Эй, студентка-практикантка, можешь организовать лечение этой добренькой тётеньке? — тут он, конечно, слегка приврал, чтобы польстить грозной продавщице.

Люська напустила на себя важность, прямо не хуже какого-нибудь всемирно известного учёного (вот только очков ей не доставало, а так ни дать, ни взять, ну просто настоящая профессорша, даже голос у неё от этого изменился с девчачьего на солидный), и произнесла:

— На что жалуемся, больная? Впрочем, можете не отвечать, сейчас я сама во всём разберусь. Больная, встаньте вот сюда, чтобы мне было удобнее вас рассматривать...

— Раздеваться не буду, — заартачилась женщина. — Ни за что на свете.

— Вот! — торжествующе поднял палец Витька. — Этого от вас как раз и не требуется. Это только в больницах врачи всех раздевают да заставляют высовывать языки, потому что ничего не понимают в болезнях. Где это видано, чтобы по языкам болезни узнавать?! — страстно закончил он свой монолог и победоносно оглядел набравшихся полмагазина любителей после работы развлекать себя чтением, которые, по всему было видно, очень обрадовались, что вовремя успели на бесплатное представление.

Они одобрительно загудели, похлопали в ладоши, а кто-то даже крикнул:

— Бис!

Что, как известно, означает, чтобы гениальный артист повторил исполнение.

Однако Витька в очередной раз демонстрировать свой талант постеснялся, а только благодарно раскланялся во все стороны, напомним зрителем, что главным действующим лицом является студентка-практикантка.

К этому времени Люська, видимо, поняв о болезни продавщицы всё, приподнявшись на носочки, что-то деликатно нашёптывала ей на ушко. Тётянька, которая минуту назад казалась грозным и неприступным бастионом, залилась краской, как отличница, схлопавшая впервые в жизни двойку.

Любопытные зеваки заволновались и потребовали озвучить диагноз во всеуслышание.

— Не вашего ума дело, — грубо отшила их продавщица и, видимо, боясь огласки, вытолкала ребят на улицу.

— Чего ты ей такое сказала? — поинтересовался Витька.

— Ничего особенного, — отмахнулась Люська. — Просто сказала о том, что у неё геморрой.

Витька захихикал:

— Вот она теперь ломает голову, как это ты сумела его разглядеть, если она не раздевалась и даже не оборачивалась к тебе задом...

— Я же студентка-практикантка, — напомнила Люська, возмнив о себе не ведомо что.

— Стой! — спохватился Витька и бегом вернулся в магазин. Прорисунув голову в дверь, он весело крикнул: — Тётянька, нам бы открытку большую!

Продавщица вздрогнула и, несмотря на свою тучность, рысью принесла первую попавшуюся под руку открытку. Она вручила её бесплатно, видно, в благодарность Люське за правильно поставленный диагноз, но при этом оговорилась:

— Чтобы больше я вас здесь не видела.

И так громыхнула дверь, что Витька перепугался за стёкла.

Открытка оказалась большой и красивой, такой, о какой ребята и мечтали, правда, при более тщательном осмотре выявился один недостаток: предназначалась она для празднования Нового года, который уже давно прошёл, а следующий ещё не наступил.

— Что ж нам делать? — пригорюнилась Люська.

Подумав, Витька рассудил:

— Мы собираемся твою училку не с праздником поздравлять, а предупредить её о болезни, какая в ней прячется... А когда она узнает о своей болезни, то ей станет наплевать и на праздник, и на саму открытку... Понятно тебе?

С плаксивым выражением на лице Люська кивнула.

— Хотя, если уж такая хорошая открытка попалась, заодно можно и поздравить, — добавил Витька, помолчав.

— Вить, только надо так написать, чтобы она не очень расстроилась, — жалостливо попросила Люська. — А то возьмёт да и умрёт от переживаний.

— Можешь на меня положиться, — со всей ответственностью заявил Витька. — Так напишу, что обрадуется!

9

После того как Витька испортил свою тетрадь по русскому языку, которую он использовал вместо черновика для тренировки, послание, на его взгляд, получилось просто отменное: складное, умное и к тому же вызывающее доверие, что немаловажно.

Чтобы Люська тоже оценила его труды, он громко и выразительно прочёл:

— Здравствуйте, Нинель Соломоновна! Поздравляем Вас с Новым годом, хотя он давно уже прошёл. Но это даже к лучшему, потому что скоро наступят летние каникулы, и все учителя будут отдыхать от школьников и лечить свои нервы, которые поистрепали с ними. Вам тоже нужно лечиться, и мы со своей стороны можем подсказать, что следует лечить в первую очередь. Обратите своё самое пристальное внимание на... — в этом месте Витька под Люськину диктовку написал название труднозапоминающейся и труднопроизносимой болезни, которая вцепилась мёртвой хваткой в учительницу, не давая ей прожить собственную жизнь в своё удовольствие, и подписал: «Профессоры мирового уровня», — потом подумал и приписал: «Мы не обманываем. Доверьтесь нам».

Получив полное одобрение Люськи, Витька послуныявил марку, которую по дороге купил в киоске, и скрепил края. Теперь оставалось незаметно подкинуть её в почтовый ящик и ждать, когда Нинель последует совету неизвестных ей, но, судя по тому, что диагноз по-

ставлен на расстоянии, достаточно заслуженных профессоров.

С виду рядовая операция по доставке секретного пакета неожиданно оказалась на грани провала: вход в подъезд охранял с головы до ног увешанный оружием карапуз в пограничном берете.

Он сразу в чём-то заподозрил Витьку с Люськой и наставил на них автомат.

— Стой! Ни с места! — предупредил карапуз, сурово нахмутив две белые полоски, которые были у него вместо бровей.

Конечно, сам по себе военный карапуз серьёзной угрозы не представлял, а вот лежащего возле его ног бульдога со свисавшими до самой земли жировыми слюнявыми складками следовало опасаться. К тому же у собаки на шее висела золотистого цвета медаль — имитация настоящей, которые сейчас продаются повсюду, были бы деньги и желание купить. Надо было думать, что награду собака получила заслуженно, и в случае очередного конфликта у неё появится и вторая медаль.

— Мальчик, — по-доброму обратилась к нему Люська, — убери, пожалуйста, свою собаку.

Проигнорировав просьбу, карапуз спросил:

— Куда идёте?

— Нам нужна Нинель Соломоновна, — ответила Люська.

— Зачем? — настырно допытывался юный пограничник.

— Какое твоё дело? — возмутилась Люська бесцеремонным отношением служивого к мирным инициативам граждан. — Идём, значит, надо.

— Не пропушу, — неумолимо заявил пограничник и даже отвернулся, давая понять, что на этом разговор закончен.

Витька обзлился и неожиданно для себя выпалил:

— Уши надеру сейчас!

Карапуз хитро на него покосился и сказал:

— Попробуй.

Конечно, если у тебя имеется такая огромная собака, любой человек под её охраной будет чувствовать себя безнаказанно, поплёвывая с высокой колокольни на бессильные угрозы хоть целой толпы разъярённых фанатов, не то чтобы каких-то там двух возмущённых школьников.

Люська улыбнулась как можно добродушнее, соображая, чем бы задобрить строгого пограничника.

— Ой, какой у тебя берет красивенький! Наверное, прямо с настоящей границы привезли? — польстила она, и военный карапуз смягчился:

— Это мне брат подарил... Он на границе служил... Недавно дымо... думо... дамо...

— Демобилизовался, — свободно подсказал Витька, который давно интересовался военными науками.

Пограничник несколько раз с удовольствием повторил незнакомое слово, видно, для того, чтобы запомнить его навсегда, потому что ему, как военному человеку, стыдно не знать таких нужных вещей.

Решив, что теперь конфликт исчерпан, Витька, как ни в чём не бывало, хотел пройти мимо, но бдительный пограничник тут же спохватился и заорал:

— Стой! Ни с места! Стрелять буду! Рекс!

Лежебоке Рексу достаточно было просто зевнуть, показав во всей своей угрожающей красе чёрную пасть с острыми клыками, и Витька с Люськой сразу потеряли охоту самовольно проникать в чужие подъезды.

— Эх ты, — осудил пограничника Витька, — своих задерживаешь.

— Своих я всех знаю, — объяснил свою неуступчивость карапуз, — а вы чужие. Ходят тут всякие, почтовые ящики поджигают...

— Вон оно в чём дело, — протянул Витька, с уважением оглядывая хозяйственного карапуза. — Так сразу и сказал бы.

— Буду я вам докладывать, — насутился пограничник.

Витька поцокал языком и задумчиво проговорил:

— Как я понимаю, ты будешь стоять до последнего вздоха? Хотя мы и не поджигатели никакие, а всё равно нас не пропустишь?

Пограничник замотал головой:

— И даже! И! Никогда!

Витька отозвал в сторонку Люську и что-то ей зашептал, поглядывая на карапуза. Потом загадочно ухмыльнулся и торопливыми шагами направился прочь.

По всему было видно, что лазутчики замыслили какую-то диверсию, и пограничник насторожился, провожая враждебным взглядом одного из них, по виду главного. Не успел главный лазутчик скрыться в арке, как оттуда понеслись душераздирающие кошачьи крики, схожие с теми, какие издают кошки, когда их таскают за

хвосты. Пограничное чутьё — это совсем не то, что у собаки, и карапуз сразу расценил крики как диверсию, в отличие от глупого Рекса, который без предупреждения рванул с места и поволок его по земле за собой.

Напрасно перепуганный пограничник взывал к собачьему разуму, указывая Рексу на его ошибку:

— Стой! Не беги! Это не кошка!

Поверил Рекс, только когда залетел в арку, где не то чтобы самой кошки, но и запаха её в помине не было. Он растерянно уставился на своего чумазого хозяина, который, поднявшись с земли, в негодовании топал ногами.

— Глупая собака! — обличил он в служебном несоответствии бульдога. — С тобой ни на какую границу не возьмут! Плохая собака! Вздорная!

Рекс виновато вильнул обрубком хвоста и что-то сказал на своём собачьем языке:

— Гав! Гав!

Пограничник расстроено махнул рукой и с унылым видом побрёл на свой пост, отпихивая от себя провинившегося бульдога.

Тем временем на границе творились преступные дела: лазутчица, воспользовавшись отсутствием пограничного наряда, забежала в подъезд и оставила в почтовом ящике открытку с секретным донесением.

Поэтому, когда наряд появился из-под арки, оба лазутчика, как ни в чём не бывало, уже стояли на улице и вели неторопливую мирную беседу.

Однако бдительный карапуз сразу разоблачил двух хитрецов и злорадно выкрикнул:

— Рекс, взять их!

Он отпустил поводок, и огромная собака, чтобы вернуть былое доверие хозяина, с грозным лаем понеслась вперёд.

Витька и Люська, не приученные к травле собаками, как птицы, взлетели на молодую берёзку и испуганно затихли, чувствуя, как под ними прогибаются тонкие ветки.

Хорошо, что Рекс оказался не совсем уж не воспитанным, как о нём, погорячившись, отзывался его хозяин, и постеснялся забираться всеми четырьмя лапами на скамейку, которая располагалась под берёзкой. С неё он мог легко дотянуться и потрепать их в своё удоволь-

ствии, в отместку за неизвестно куда запропастившуюся кошку.

— Ага, попались! — обрадовался поимке лазутчиков военный карапуз. — Вот посидите на дереве, тогда узнаете, как связываться с пограничниками.

Но тут его осенила новая мысль. Он достал из кармана тонкую бечёвку и сказал:

— Я вас взял в плен и сейчас отведу в штаб. Слезайте по одному человеку со своих веток... я буду вас связывать...

Лазутчиков происходящие внизу события стали забавлять.

— Нашёл дураков! — ответила Люська и искусственно громко захохотала, как настоящая артистка.

Своеволие пленников, которые, как видно, не до конца ещё осознали своё плачевное положение, сильно расстроило военного карапуза. Он выхватил из ножен саблю и принялся воинственно ею размахивать, стараясь достать обнаглевших лазутчиков.

— Вот я вас! Вот!

— Ты смотри, — удивился Витька, поджимая ноги, — маленький, а уже нервный какой.

— Это ничего, — пояснила Люська. — Намахается досыта и успокоится.

Но, по всему видно, не в правилах злопамятного пограничника было отступать: он с хмурым видом начал прохаживаться под берёзкой, приглядываясь, как удобнее добраться до нарушителей границы. Тут он обратил внимание на то, что Рекс стал выше него ростом, так как опирался передними лапами на скамейку, и сразу догадался, что можно сделать для посрамления развеселившихся лазутчиков, которые уже не скрывали своё презренное отношение к опростоволосившемуся пограничнику.

10

Люська первая увидела, как из-под арки вышел милиционер с папкой под мышкой и в сопровождении девушки, одетой в лёгкие брюки-капри, яркую майку и розовые очки в пол-лица. Девушка растерянно озиралась, трогала мочки своих ушей и что-то взволнованно объясняла, похоже, не в первый раз, потому что милиционер то и дело морщился и вздыхал.

Люська дёрнула Витьку за рукав и приложила палец к губам:

— Тс-с! Милиционер!

— Где? — Витька неловко повернулся, и сук, который давно уже опасливо гнулся, в конце концов переломился. С криком «Я так и знал!» Витька рухнул на собаку и слегка придавил её хозяина, который, пыхтя, взбирался на скамейку.

Неизвестно, что успел подумать пограничный наряд, но только Рекс, визжа, совсем как щенок, что так не вязалось с его свирепым видом, трусливо скрылся в подъезде, а сам пограничник, упав со скамейки, с перепугу под неё забрался, свернувшись там наподобие ёжика.

Конечно, ни одному милиционеру не понравится, когда ломают ветки на вверенной ему территории, и Витька, проявив смекалку, быстро напустил на себя вид всеми уважаемого школьника, который имеет полное право на заслуженный отдых после занятий, о чём даже в Конституции прописано особо. Он положил ногу на ногу и скрестил руки на груди, нарочно задышав всей грудью, будто никак не надышится свежим воздухом.

На его счастье милиционер оказался лопухом и проворонил интересный момент падения, а только спросил:

— Мальчик, ты не видел здесь...

Больше он ничего сказать не успел, потому что в этот момент сверху свалилась Люська, да так удачно, что села прямо рядом с Витькой. Она быстро состроила на своём лице гримасу, которая, по-видимому, должна была означать улыбку, и кивнула:

— Здравствуй!

От неожиданности девушка затопала шпильками и завизжала громче милицейской sireны.

Витька с Люськой заткнули уши, а милиционер, свирепо нахмурив брови, рявкнул:

— Спокойно!

Измученная непочтительным обращением, девушка тотчас обрвала свой крик.

— Извините! — как ни в чём небывало сказал милиционер и, придерживая фуражку, задрал голову, вглядываясь в кружевную зелень листвы, а потом поинтересовался:

— Все или ещё будут?

Всё с той же застывшей на лице дурацкой улыбочкой Люська боднула воздух:

— Все!

Милиционер с уважением начал рассматривать отчаянную девчонку, скакавшую по деревьям не хуже любой обезьяны и наконец спросил:

— Вы чего хулиганите на моём участке?

Люська часто-часто замигала и с недоумением огляделась по сторонам:

— Кто хулиганит?

Милиционер сдвинул фуражку, почесал затылок как видно не уверенный в том, что следует предпринять в отношении чокнувшейся девчонки, и предложил:

— Может, «скорую» вызвать?

— Это ещё зачем? – перепугался Витька.

— Мало ли... Я за вас отвечать не намерен...

Витька, всё ещё не веря в их с Люськой свободу, нерешительно произнёс:

— Ну, так мы тогда... пошли?

Участковый пожал плечами:

— Идите...

Вот тут-то окончательно и прояснилось, что правильно Витька сомневался насчёт свободы: из подъезда выскочила тётка неопределённого возраста в пламенно-красных трико, обтягивающих её нехилую фигуру, и на весь двор заголосила:

— Это у кого же хватило смелости обидеть мою собаку?

Милиционер поглядел на расходившуюся тётку, потом на подзрительных школьников, которые ускорили свои шаги, что, несомненно, означало одно: преступники заторопились поскорее покинуть негостеприимный двор, и он крикнул:

— Стоять!

И чтобы придать своим словам весомости, добавил:

— А то стрелять буду!

Не оборачиваясь, Витька с Люськой застыли с поднятыми руками.

— Назад!

Лазутчикам ничего не оставалось делать, как двинуться в обратную сторону черепашьим шагом, стараясь оттянуть время до расстрела.

Милиционер ждал, пристально разглядывая малолетних преступников, которых по своему недогляду едва не упустил, доверившись их добропорядочному виду.

— Чего надо? — буркнул Витька, когда они с Люськой наконец дошли.

Участковый, теперь уже не спуская с них глаз, задрал ногу на скамейку, расположил на колено папку и, держа ручку наготове, приступил к допросу:

— Ну-ка признавайтесь, чего вы тут натворили?

Витька развёл руками:

— Ничего мы не творили.

Милиционер многозначительно прищурился:

— Ты уверен?

— Уверен, — ответил Витька и кивнул на Люську: — Можете у неё спросить.

И хотя милиционер его подсказку проигнорировал, видно, считая хорохорившегося мальчишку главным зачинщиком, Люська не замедлила подтвердить:

— Уверены на сто процентов! И даже... на все двести!

Милиционер побарабанил пальцами по папке и без зазрения совести соврал:

— А почему тогда вот от этой гражданки на вас поступила жалоба?

Прислушивавшаяся к допросу тётка вдруг возмущённо заявила:

— Я сроду ни на кого жалобы не строчила! Еще, слава богу, сама могу за себя постоять, — она засучила рукав и с гордостью продемонстрировала кучу мясистых мышц: — Видели?

Разоблачённый милиционер стушевался:

— Да это я так... подловить их решил.

— Ну и методы у вас, — тётка осуждающе покачала головой и неожиданно вспомнила: — А где мой Лёлик?

— Лёлик — это кто? — осторожно спросил милиционер, чтобы в очередной раз не попасться впросак.

— Лёлик — это мальчик, — отрезала тётка и оглушительно громко начала звать: — Лё-лик! Лё-лик! Ты где?

— Я здесь, — жалобным голосом отозвался военный карапуз, которого, оказывается, звали-величали непонятным именем Лёлик. Пятясь задом, как рак, он с трудом выбрался из-под скамейки и радостно заявил: — Вот он я!

Увидев перед собой чумазого, но желанного Лёлика, тётка всплеснула руками и принялась бесцеремонно, словно куклу, вертеть его

в разные стороны, разглядывая, будто не видела целую вечность:

— От кого же ты, мой любонький, прятался? Ну-ка пожалесь своей ненаглядной Мышке... Не бойся... Уж я-то на него, лихоимца, найду управу... Уж он-то у меня попляшет...

Тем временем Лёлик, поражённый присутствием милиционера, всё норовил повернуться лицом в его сторону. Участковый тоже в свою очередь не менее удивлённо взирал на вооружённого до зубов Лёлика, который вначале потерялся, а потом нашёлся.

Всё это, очевидно, и ввело чересчур деятельную родственницу, неизвестно кем приходившуюся военному карапузу, в заблуждение. Она упёрла руки в бока, как богатырь в дозоре, и, не разобравшись, принялась обличать во всех смертных грехах милиционера:

— Вот, оказывается, кто тут заводила пугать собак да маленьких ребятишек! Вместо того чтобы следить за порядком, он себя тут перед всякими фифочками выставляет!..

— Вы чего такое говорите? — растерялся зарумянившийся милиционер и покосился на девушку, которая даже под охраной вооружённого милиционера не чувствовала себя в полной безопасности.

— А то и говорю!

Витька не любил, когда при нём ссорились взрослые люди, и попытался поладить миром, внося ясность:

— Товарищ милиционер здесь ни при чём...

— Все вы тут одна шайка-лейка! — вконец озлилась тётка и, оставя за собой последнее слово, спешно увела Лёлика, который то и дело оглядывался на Витьку и грозил ему кулаком.

Чтобы в очередной раз не связываться с обнаглевшим Лёликом, Витька презрительно отвернулся, чем, оказывается, уязвил его ещё больше, потому что от такой досады он аж заревел, что военным ни в коем случае делать не полагается. И Витька с удовольствием отметил, что никакой он не военный, а самый настоящий плакса, которых в городе — хоть пруд пруди.

11

Милиционер в расстроенных чувствах сказал:

— Вот с таким несознательным контингентом нам и приходится работать.

Витька покосился на него, но промолчал.

Милиционер снял фуражку и занялся тем, что изнутри стал вытирать запотевший ободок.

Конкретно ни к кому не обращаясь, девушка печально спросила:

— Зачем она на меня так? — и, в недоумении дёрнув костлявыми плечиками, обиженно надула губки.

Глядя, как милиционер с остервенением трёт подкладку, будто хочет её протереть насквозь, Витька посочувствовал:

— Не переживайте вы так...

Милиционер торопливо нахлобучил на себя фуражку по самые уши и ткнул в Витьку пальцем:

— А всё из-за вас!

— Если вы нас в чём-то подозреваете, то это зря, — ответил Витька и вкратце обрисовал ситуацию, предусмотрительно пропустив кое-какие спорные моменты, чтобы случайно не навредить себе с Люской.

Милиционер сразу пришёл в хорошее настроение и только спросил:

— А не врешь?

— А чего нам врать, — с вызовом ответил Витька. — Мы не какие-нибудь там преступники.

— Кстати, насчёт преступников, — спохватился участковый. — Вы здесь цыган не видели?

— Каких цыган? — опешил Витька.

— Которые в таборе живут, — пояснила девушка.

— Это кто ж вам такую глупость сказал? — с досадой спросил милиционер.

Девушка захлопала ресницами, как моргучая кукла:

— А разве не так?

— Да они лучше нас с вами живут. В двухэтажных особняках... — заявил бывалый милиционер. — За счёт таких вот лох... — он сам чуть не произвёл действие, подпадающее под статью об оскорблении, но быстро поправился, — доверчивых граждан.

— Так вас развели что ли? — осенило Витьку.

Девушка покраснела и, от волнения покусывая дужку очков, пролепетала:

— Развели, как последнюю дурочку...

Витька ликующе захохотал:

— Этого и следовало ожидать!

Девушка разинула рот, а Люська из-за спины милиционера покрутила пальцем у своего виска.

Витька сообразил, что ляпнул непростительную глупость, и решил объясниться:

— Это Фантомас нас так учил... Что все красивые девушки обязательно дуры... Потому что в них влюбляются уже с первого класса... И все мальчишки, чтобы обратить на себя внимание, всегда колотят их учебниками по головам... А от этого они когда вырастают...

Витька не стал распространяться, что потом с ними происходит, чтобы окончательно не травмировать впечатлительную девушку, которая задумчиво произнесла:

— А я что-то не припомню, чем меня били, не то учебником, не то портфелем.

Милиционер схватился за голову и, покачиваясь, отошёл, вздрагивая плечами, а Люська деликатно нагнулась поправить босоножку.

Когда милиционер вернулся, лицо у него выглядело чересчур серьёзным, только на реснице блестела застывшая слезинка.

— Я интересуюсь, видели вы цыган или нет? – суровым голосом задал он прежний вопрос.

Витька мотнул головой:

— Нет!

Но тут в мужской разговор встряла Люська, которая тем временем каким-то особенным взглядом смотрела в сторону парка, где работал фонтан.

— Они у фонтана, — сказала она.

Увидеть за домами цыган Люська не могла, видимо, так подумал и милиционер, потому что в сердцах бросил:

— Ты что, бабка-угадка?

— Интуиция, — ответила Люська и скромно потупилась.

Участковый вздохнул и, кинув искосый взгляд на подъезд, куда скрылась скандальная тётка, под нос себе пробурчал:

— Надо как-нибудь её проучить, оштрафовать за выгул собаки в неположенном месте.

От такого непростого решения, до которого надо было ещё додуматься, милиционер совсем повеселел и обратился к Люське:

— Ну что ж, девочка, пойдем, проверим твою интуицию.

Он поудобнее пристроил папку под мышкой, поправил кобуру и с важным видом направился в парк. Следом, цокая каблучками на весь двор, шла девушка, а позади, перемигиваясь и толкаясь локтями, Витька с Люськой.

— Ну и недотёпа этот милиционер, — шепнул Витька. — Бабахнул бы один разочек вверх из пистолета, тётка так и убежала бы... чем спорить с ней.

Но Люська, вместо того чтобы Витьку поддержать, сама его оскорбила, заявив:

— Сам ты недотёпа!

От такой несправедливости у Витьки непроизвольно сжались кулаки:

— Повтори, что ты сказала.

Угрозу Люська оставила без внимания, а сказала такое, отчего у Витьки пропала всякая охота драться:

— У него в кобуре не пистолет, как некоторые думают, а се-меч-ки.

Оснований не доверять у Витьки не было, потому что он уже тысячу раз убеждался в Люськиных необычных способностях. Но, чтобы не попасться на уловку, как глупый пескарь на крючок, если она надумала вдруг над ним подшутить, на всякий случай сказал:

— Ты ври, да не завирайся! Где это видано, чтобы милиционеры вместо пистолетов в кобуре носили семечки?

— Это ты у него спроси, — хохотнула Люська.

— А вот и спрошу, — не испугался Витька и во всеуслышание заявил: — Дяденька милиционер, а правда, что у вас в кобуре семечки?

Участковый запнулся на ровном месте и, выронив папку, долго её ловил. Смешно было наблюдать, как милиционер, вместо того чтобы задерживать преступников, веселил себя жонглированием папки. (Таким самое место в цирке, а не в милиции.)

Наконец он изловчился её поймать, и с натянутой улыбкой на лице объяснял:

— Тут такое дело... Я не так давно курить бросил... А чтобы не было тяги к сигаретам... мне посоветовали грызть семечки... Вот я и купил их по дороге... А чтобы не рисоваться с кулёчком в руках... ссыпал в кобуру... А пистолет мне положен, когда я заступлю на дежурство... — закончил он чуточку с гордостью и подозри-

тельно пригляделся: — А тебе откуда это стало известно?

Витька хотел было подковырнуть, сказав, что у него всю дорогу семечки сыпались из кобуры, да поостерёлся, чтобы не осложнять отношения с блюстителем правопорядка, который и так им с Люськой не доверяет и за ложные сведения может и вправду арестовать.

— Да так, — сказал он, — интуиция.

У милиционера стало дёргаться правое веко. Он перевёл свой подмигивающий взгляд на девушку:

— А вам что подсказывает интуиция?

— Серьги мои найдутся, — быстро ответила она, видя, что участковый начинает слегка вскипать.

Оно и неудивительно: у самого Витьки, например, давно бы нервы сдали. А то получается какая-то чепуха: у всех есть интуиция, а у милиционера, который в силу своей профессии просто обязан её иметь, — нет. Конечно, тут любой закипит, как тульский самовар!

Цыганки действительно оказались у фонтана, где с большим усердием занимались своей трудовой деятельностью, связанной с облапошиванием доверчивых граждан. Опытные цепкие глаза у них так и шныряли по сторонам, намечая жертву. Потом вся эта галдящая орда окружала её и безо всякого стеснения начинала хватать за руки и за другие части тела, навязываясь погадать, а заодно уж и обчистить карманы, на случай если человек гадать не захочет, а возьмёт да и убежит. По всему видно, трудились они без самого малейшего отдыха на обед и так устали, что прозевали милиционера.

Участковый нахмурил брови, чтобы придать своему лицу суровое выражение, и твёрдой походкой подошёл.

— Чем занимаемся, граждане цыгане? — поинтересовался он солидно.

Цыганки остолбенели буквально на секунду, а потом всё внимание переключили на него.

— Здра-авствуйте, гражданин милиционер!

— Здра-авствуйте, господин начальник!

А одна из цыганок, прикрыв свои озорные глаза смуглой ладонью, пропела:

— А звёзд-то сколько! Глядеть больно!

— Не иначе полковник! — подхватила другая.

Милиционер окинул их строгим неподкупным взглядом и грозно спросил:

— Где серьги?

— Ка-акие серьги? — страшно удивились цыганки.

— А такие, — терпеливо объяснил милиционер, — которыми вы завладели обманным путём.

Цыганки принялись плевать:

— Эй, зачем наговаривать, начальник?

— Зачем обижаешь бедных цыганок?

— Мы цыгане честные, чужого не возьмём.

Милиционер указал на девушку:

— Может, и её не знаете?

— Первый раз видим, — нахально заявили цыганки.

— Ну как же так? — забеспокоилась девушка. — Вы же мне сами гадали... А за это у меня серёжки золотые забрали...

— Не видели... Не знаем, — опять загалдели цыганки.

— Вы мне тут Ваньку не валяйте, — рассердился милиционер и, чтобы припугнуть, взял одну из них за плечо: — Ну-ка пойдёмте в отделение... Там быстро с вами разберутся, куда серьги дели.

Пожилая усатая цыганка отбросила сигарету и в перезвоне монист, кривляясь, пошла на милиционера, выкрикивая:

— Ты что видел, что так говоришь? Видел, лопни твои глаза?

Понятное дело, что ни с того ни с сего заламывать её руку, как какому-нибудь преступнику, милиционер не имел права, а вверх пальнуть у него было не из чего, и он в растерянности попятился:

— Ты чего? Ты чего?

— Я ничего! Это ты чего? Думаешь, раз мы цыганки, значит, воровки?

Неизвестно, как далеко цыганка угнала бы милиционера, не встрянь в разговор Люська. Она выступила вперёд и громогласно заявила:

— Я видела!.. И даже могу сказать, где серьги у тебя спрятаны!.. Сказать? В потайном кармашке в гипюровой юбке, которая у тебя под цветастой юбкой, которая тоже под юбкой, только в розовый цветочек... А завёрнуты серьги в платочек... носовой. Вот!

Смуглое лицо цыганки вначале побледнело, потом покраснело, и она истерично выкрикнула:

— Брешь!

— А ещё у тебя, — со злорадством стала перечислять Люська, обидевшись, что её обозвали собакой, — во рту гвоздик... штифт, который вкручен в зуб... Наверное, после удаления нерва. А на десне

с внутренней стороны шишечка такая... уплотнение. А ещё...

Цыганка быстро завернула подола своих многочисленных юбок, выхватила узелок с серьгами и швырнула его под ноги Люське:

— Змея!

— Но-но! — предупреждающе возвысил голос милиционер, с изумлением переводя взгляд с одной на другую.

Пожилая цыганка явно уступала своей молодой сопернице в словесном поединке.

— Ты на нас не нокай! — ополчились на него цыганки, болея за свою опозоренную подругу. — Не запряг ещё!

От подобной вольности у милиционера вытянулось лицо:

— Да как вы смеете?

Цыганки мигом сорвались с места и, подметая широкими подолами асфальт, заторопились прочь, не забывая при этом плевать во все стороны.

Витька показал Люське большой палец:

— Круто ты их сделала!

— Да чего там, — заскромничала Люська, — пустяк! Конечно, можно было их и до сумасшествия довести... Но, думаю, с них и этого хватит.

Милиционер устало сдвинул на затылок фуражку и, вытирая ладонью распаренный лоб, проговорил:

— Что-то не пойму я вас, ребята.

— А нас и не надо понимать! — весело ответил Витька.

Они обнялись с Люськой, как брат и сестра и, покачиваясь из стороны в сторону ушли, загадочно хохоча во всё горло. А когда девушка крикнула им «Спасибо!», только помахали руками, не обращившись, — мол, не стоит и благодарности за такие пустяки.

12

Они не заметили, как следом увязался долговязый парень очень странной наружности: на голове бейсболка, увешанная значками, косичка, как у девчонки, пёстрый пиджак в мелкую клетку, довольно короткие брюки, из-под которых виднелись ярко-жёлтые носки, и в довершение ко всему — разношенные кроссовки.

Через плечо у странного типа висела холщёвая сумка, откуда торчали необъятных размеров блокнот и ручка с верёвочкой на кон-

це, по-видимому, для того чтобы не потерялась или не украли, что намного страшнее. В руках он держал старый фотоаппарат, которым щёлкал Витьку с Люськой из самых замысловатых положений, выбирая разные ракурсы: с колена, лёжа в траве, боком, из-под скамейки и даже в прыжке.

Это был известный на весь город скандальный журналист Сеня Врулёв. А так как Витька с Люськой газетами не интересовались, то не видели его не только в лицо, но и даже не подозревали о его существовании.

Сеня прославился уже первой своей публикацией, очень толково описав конец света. Так толково, что это вызвало в городке всеобщую панику, и с прилавков магазинов прямо в день выхода газеты смели весь годовой запас товаров первой необходимости, всякие разные там крупы, соль, спички, а заодно и всё остальное, что выглядело более-менее съедобным.

В один момент обогатившиеся предприниматели в благодарность вкладчину презентовали Сене чугунный бюст его самого. С тех пор Сеня с ним не расставался, а носил с собой, как средство самозащиты, потому что за свои скандальные проделки был неоднократно бит, но, по всему видно, угомониться совсем не собирался.

По этому случаю мэр даже вызывал его к себе в кабинет, где между ними состоялся очень содержательный разговор.

— Скажи, Врулёв, — спросил мэр, — как тебя угораздило придумать такую ахиною?

Сеня гордо вскинул голову и с жаром принялся защищать поруганную честь журналиста:

— Это всемирно известный факт, Пётр Иванович. Как говорится, слов из песни не выкинешь. Ничего личного. О конце света указано в календаре древних индейцев майя, который заканчивается 2012 годом. Потом наступит планетарный кризис с землетрясениями, наводнениями, ураганами. Около шести миллиардов не подготовленных к кризису человек погибнет уже в первый год. А всё оттого, что на некоторое время вращение планеты Земля остановится, а затем – возобновится в обратном направлении...

Когда Сеня ушёл, мэр долго маялся в одиночестве, бессмысленно переключая с места на место бумаги, представляя, какая неразбериха будет твориться во время мирового апокалипсиса, если Врулёв вдруг окажется прав. Потом содрогнулся, будто от плане-

тарного холода, и спешно позвонил домой, чтобы дать распоряжение жене на всякий случай запастись провизией.

Неугомонный Сеня в редакции никогда не сидел, как все заурядные журналистишки, а постоянно совершенствовался в поисках злободневных тем. Его можно было встретить в любом конце города: никакие происшествия без него не обходились. У него был прямо какой-то особенный нюх на всякие сенсации. И вот...

Деловых до невозможности ребят — мальнишку и девчонку — Сеня заприметил ещё вчера на пляже, когда они соорудили из песка какую-то необычную старуху, что уже само по себе выглядело очень подозрительно. Кстати, новостную заметку в сегодняшнем номере газеты Сеня и написал, чему сам был очевидцем. А тут ещё случай с разоблачением цыган, где опять успела поучаствовать рыжая девчонка. Здесь было над чем подумать...

Едва Витька с Люськой дотащились до скамейки, которая по счастливой случайности попала им на пути, как тут же на неё повалились, обессиленные от хохота.

— И лопух же этот милиционер, — веселился Витька. — Не мог справиться с какими-то там цыганками!

— А потому что молодой, — заступилась за доброго милиционера Люська. — Ещё не успел на своей работе как следует разозлиться.

— А эта студентка! — укатывался Витька. — Совсем ум выжила, хоть и молодая пока. Виданное ли дело — гадать у цыганок! Да и вообще хоть у кого. Наи-ивная-а!

— Она лучше бы меня спросила, — прыснула Люська. — Я бы ей без всякого гадания всё рассказала... Мне не жалко.

Витька поглядел на неё весёлыми глазами:

— Например?

Люська выдержала паузу, чтобы с наибольшей торжественностью объявить:

— А, например, о том, что они с этим самым милиционером вскоре поженятся!

Витька в восторге воскликнул:

— Вот это новость!

Тем временем мимо проходила согбенная старушка с клюкой в руке, звучно шаркая подошвами стоптанных башмаков.

Витька с Люськой, воспитанные на уважительном отношении к

старшим, разом вскочили со скамейки:

— Присаживайтесь, бабушка!

Каждый шаг старушке давался с трудом, и она охотно согласилась передохнуть. Присев на краешек, старушка опёрлась ладонями на клюку и стала развлекать ребят разговорами, видимо, соскучившись одна в своей квартире по собеседникам:

— Плохо, деточки, в старости, ой и пло-охо. Ни тебе в магазин сбегать, ни в больницу. А уж если куда и замыслишь по срочной надобности, так и ползёшь целый день, так и ползёшь, как черепаха Тортилла (в этом месте Витька с Люськой сдержанно посмеялись, тем самым показывая, что по достоинству оценили её шутку). Покуда туда да обратно пройдёшь, день и закончился. А уж болит-то всё, болит, сил никаких нет. Таблетки горстями глотаю, а здоровья как не было, так и не предвидится. Недаром говорится, что старость не в радость. Так-то вот, миленькие...

Люська быстро наклонилась к Витьке и что-то зашептала ему на ухо, после чего Витькино лицо расплылось в довольной улыбке.

Он поднялся со скамейки, сунул одну руку в карман и, прохаживаясь перед старушкой, стал монотонным голосом, как сам Фантомас, говорить, рассекая свободной ладонью воздух:

— Бабушка, никогда не открывайте двери незнакомым людям... Никогда не покупайте на улице у аферистов лекарства... Потому что таблетки у них всегда бывают изготовленные из обычного мела... От этого вы не только не выздоровеете, но и очоуритесь раньше положенного вам времени...

Старушка ничего не смыслила в военной стратегии, поэтому о запланированном отвлечённом манёвре не догадалась, а, оробев, безрезультатно пыталась вставить в поучительную речь оправдательное слово:

— Да разве... Да как же... Да я...

Тем временем Люська не зевала и за спиной старушки творила свои лечебные процедуры: делала замысловатые движения руками вдоль позвоночника, у шеи, над головой и вообще везде.

Глаза у неё горели как у вампира, а по раскрасневшемуся лицу сочился пот. По всему видно, что одряхлевший организм старушки сопротивлялся из всех сил, удивлённый непонятным воздействием.

Вскоре у настырной Люськи начало получаться: старушка ожилилась, повела вокруг себя заблестевшими глазами, и вдруг, молод-

цевато соскочив со скамейки, принялась сгибать и разгибать колени, брыкаться во все стороны и приседать — видимо, пробуя свои ноги. Проверкой она осталась довольна и тотчас вприпрыжку поскокала по дорожке, будто озорная девчонка, беззаботно размахивая клюкой. Наверное, хвалиться перед своими подружками о своём чудесном выздоровлении.

Под неистовый свист милицейского постового и многоголосый рёв клаксонов старушка без всякого опасения пересекла оживлённый перекрёсток. Пока рассерженные водители на чём свет ругались, виновница всего этого переполоха скрылась в булочной, на прощанье помахав рукой.

Витька остолбенело проводил её глазами и восхищённо заметил:

— Та ещё хулиганка!

На что Люська, помолчав, задумчиво сказала:

— А на вид казалась такой скромной. Всё о таблетках говорила...

— Зазналась! — разоблачил старушку Витька и тут же сам её оправдал: — Да и как не зазнаешься, если три минуты назад она была ещё дряхлой бабкой, а потом враз почувствовала себя молодой, как по щучьему велению. Тут кто хочешь зазнается!

И Люська с ним вполне согласилась.

От всех волнений ребята до того утомились, что во рту у них, по точному определению Витьки, пересохло, как в пустыне Сахара, и он предложил съесть по ледяному мороженому или на крайний случай выпить газированной воды.

— Я угощаю! — великодушно заявил Витька.

Но полакомиться в своё удовольствие мороженым им не довелось: не успели они подалее отойти от скамейки, как Сеня проворно спустился с дерева, где подслушивал, прячась в густой кроне, и позвал:

— Ребята!

Витька с Люськой недоумённо посмотрели на незнакомого долговязого парня, неизвестно откуда появившегося пред ними.

— Осторожней... — быстро шепнул Витька, — может быть, какой-нибудь разбойник...

Парень подошёл и вкрадчиво поинтересовался:

— Вас как зовут?

— А твоё какое дело? — с вызовом ответил Витька.

Парень молча обошёл вокруг, внимательно приглядываясь к одной Люське, что Витьке очень не понравилось. Он уже совсем было примерился ловко дать «под дых» этому долговязому с замашками маньяка, как парень вдруг с насмешкой заявил:

— А я про вас всё знаю!

Опомнившись от удивления, Витька что есть мочи заорал, чтоб парня сразу же запугать:

— Что ты можешь о нас знать?

— А то, что в неё вот вчера ударила молния, — не пугаясь, ответил Сеня и торопливо пояснил, видимо, для того чтобы Витька опять не вздумал разораться: — Это я про вас заметку в газету написал.

Люська, польщённая вниманием прессы, кокетливо поправила свои торчавшие в стороны косички:

— Зачем?

— Так положено, — сказал Сеня, — раз молния в человека ударила, а он потом ожил... Как-никак чудо!

— Чудо в другом, — пробормотала Люська, но Сеня услышал:

— И про твои необыкновенные способности я догадываюсь...

На что Люська как бы между прочим заметила:

— А у тебя четыре перелома в области таза, два перелома ноги и следы от шурупов, которые недавно скрепляли ногу...

— Это я под машину попал, — похвастался Сеня, — когда фотографировал дорожную аварию, — и самодовольно потряс фотоаппаратом: — Здесь и про вас кое-какие замечательные снимки имеются.

— Всё пропало, — панически зашептал Витька. — Он теперь напечатает их в газете, и весь город про нас узнает. Да что я, тебе проходу не дадут!

И верно: знать о Люськиной тайне никто не должен был, потому что всякое проявление нездорового любопытства ни к чему хорошему не приводит.

Сеня геройски задрал свой горбатый нос и обрадовал:

— Теперь я за вами везде буду ходить и всё записывать, а также фотографировать...

Витька незаметно толкнул локтем Люську: мол, а я что говорил...

— А тебе это зачем? — с интересом осведомилась Люська у Сени.

— Работа у меня такая, — объяснил Сеня. — Разыскивать всякие сенсации и рассказывать о них нашим читателям.

Люська сильно удивилась:

— А разве мы — сенсация?

— Конечно! — вскричал Сеня и возбуждённо начал ходить кругами: — Это очень редкий случай, когда после удара молнией на человека сходит просветление, и он приобретает такие... ну просто неординарные способности...

— Точно напечатает, — терзался Витька. — И откуда он на нашу голову свалился?

Сеня всё больше горячился, размахивая руками:

— Тираж нашей газеты взлетит до невероятных высот... Я прославлюсь на весь город... Да чего там — на всю страну! А там, глядишь, меня в московскую газету пригласят... На самую важную должность! — от такой заманчивой перспективы у Сени захватило дух, и он замолчал с широко раскрытыми глазами, видимо, сам поразившись нарисованной им картине.

Люська нахмурилась и спросила:

— А ты о нас подумал? Что с нами будет после твоей разоблачающей статьи? К тому же с нашими фотками?

Скандалист-журналист рассеянно посмотрел на Люську и пожал плечами:

— А мне какое дело?

— А! Тебе нет до нас дела! — возмутилась Люська и уставилась прямо в глаза обнаглевшему Сене.

— Ты... это... чего? — испуганным голосом проблеял Сеня, не в силах отвести свой взгляд.

Люська сделала в его сторону движение пальцами, будто стряхивала воду, и фотоаппарат, висевший у Сени на плече, вмиг превратился в оплавленную головешку. В другое время Сеня воспринял бы это как трагедию, а тут даже не повёл бровью, как всё равно так и надо.

А потом Сеня увидел, как у него из холщёвой сумки вылезла ручка: на конце её возникло пламя, и она, как ракета, взмыла в воздух. Сеня к таким поступкам со стороны своей ручки ещё не привык и сразу не понял:

— Эт-то что такое?

Но времени на размышление ему совсем не оставалось, потому что он сам привязал себя к ней верёвочкой.

Непослушная ручка, набирая скорость, полетела неведомо куда,

заставив своего хозяина бежать с нарастающей скоростью, чтобы не упасть и не волочиться следом на посмешище всем прохожим, которые и без того глазели ему вслед, обескураженные поведением известного журналиста. Наверное, подумали, что парень опять ввязался в очередную авантюру и теперь, сломя голову, убегает от возмущённых героев своего нового сенсационного опуса.

Витька, который с большим удовольствием наблюдал, как Люська учила уму-разуму любителя соваться не в своё дело, собрался было вдогон ещё и освистать его, да вовремя опомнился — свистеть-то он так и не научился — и только спросил, ликуя:

— Чего это ты с ним сделала?

— Гипноз! — коротко объяснила Люська, и Витька догадался, что долговязому померещилось необычное.

Не успели они оглянуться, как насыщенный событиями понедельник уже пролетел: солнце ушло на покой за реку, и весенние сумерки окутали город.

Ребята стали собираться домой, вдруг вспомнив о том, что обеспокоенные домашние теперь не находят себе места, не ведая ни сном ни духом, куда могли дети запропасться на целый день.

13

Утром, когда Витька перед школой подкреплялся яичницей, а отец привычно листал газету, суетившаяся у плиты мать спросила:

— Вить, ты на празднике на пляже был?

От неожиданности Витька чуть не поперхнулся и буркнул:

— А что такое?

— Да уж больно дела там какие-то странные происходили. Отец, прочти...

Не отрываясь от газеты, отец отозвался:

— Чего зря язык лохматить? Ему бы только похулиганить, а там талант требуется... Чтоб, значит, все эти скульптуры лепить...

— А ты всё же прочти, — настояла на своём мать, да и сам Витька заинтересовался:

— Трудно что ль?

Отец, не довольный тем, что его отрывают от просмотра газеты, взглянул на Витьку и вздохнул:

— Ну слушай: «События, которые происходили в прошедший

выходной на пляже, когда молния ударила в девочку, на этом не закончились. Ваш корреспондент вчера повстречался с девочкой и её другом. Проследив за ними, он пришёл к выводу, что после того, как молния ударила в девочку, она стала обладать необыкновенными способностями. На глазах вашего корреспондента девочка вылечила старуху, которая от радости, потеряв всякое чувство меры, легко перебежала дорогу перед идущим транспортом, ввергнув в шок водителей. А ещё эта девочка помогла работнику милиции обезвредить целую банду цыган, промышлявших обманом и разбоем.

Когда ваш корреспондент попытался выяснить имя и проживание девочки и её спутника, ребята посчитали остаться неизвестными и, чтобы втайне сохранить свои лица, неведомо какой энергией сожгли у корреспондента фотоаппарат. Всё что от фотоаппарата осталось, вы можете увидеть на снимке, любезно предоставленным другом корреспондента, который, боясь за его жизнь, настоятельно посоветовал оставить в покое загадочных незнакомцев. Ну что ж, поживём — увидим».

— Это кто написал? — спросил Витька.

— Сеня Врулёв, — со знанием дела объяснил отец. — Известный журналист...

— Долговязый что ль такой? — опять спросил Витька.

Отец кивнул и вдруг поразился:

— Неужели знаешь?

— Кто ж его не знает, — уклончиво ответил Витька и, обращаясь к матери, сказал: — Не, мам, я на празднике не был. Чего я там не видел.

Отец сокрушённо покрутил головой:

— Слышишь, мать, что наш сын-то говорит: мол, неинтересны ему праздники... — и завёл своё: — Ему бы лишь похулиганить да поразгильдяйничать... А на спутника той девочки ему ни в жизнь не потянуть... Там геройство требуется, а он... — отец безнадежно вздохнул и опять уклонился в свою газету.

— Ну знаешь, — заступилась за Витьку мать, — сомнительное знакомство ему тоже ни к чему.

Чтобы не рассмеяться, Витька склонился низко над тарелкой и напихал в рот столько, что щёки раздулись, как у хомяка.

Отец покосился на него, но смолчал.

Покончив с яичницей, Витька залпом опорожнил бокал с кофей-

ным напитком и вылетел из кухни, успев предупредить:

— Я пошёл!

В школе взволнованный Витька едва досидел до конца занятий. Несколько раз он даже порывался сбежать с уроков и собирал свой ранец. Но в последний момент передумывал, понимая, что прогул в завершающей четверти не лучшим образом скажется на успеваемости. А родители, как известно, за это по головке не погладят.

На что уж Фантомас отличался своим хладнокровным, прямо как у индейца характером, но и тот обеспокоился Витькиным здоровьем, заметив, что ему не сидится на месте.

— Скажи, Картошкин, — с подковыркой осведомился он, — у тебя что, в одном месте зуд приключился?

Витька, не ожидавший от него ничего такого, застигнутый врасплох, вскочил со стула, будто с горячей сковородки, и гаркнул:

— Никак нет, Серафим Фёдорович!

Дружный хохот одноклассников потряс стены старенькой школы до самого основания. Картина, где Иван Грозный восседал на троне, сорвалась и царь, вместе со своим тронном позорно кувыркнулся на пол.

Фантомас улыбнулся, что делал нечасто, и сказал:

— Картошкин, определи самодержца на его царственное место... Пока он не рассердился и не огрел тебя посохом по голове...

— Пускай только попробует, — заносчиво ответил Витька, но всё-таки вылез из-за стола и пошёл вешать картину.

Не успел он как следует укрепить её на гвоздике, как раздался наконец долгожданный звонок с уроков. Оставив висеть царя вверх ногами, Витька помчался собирать свой ранец. Попихав в него кое-как учебники, тетрадки и другие школьные принадлежности, он выскочил на порог.

Во дворе его поджидала компания известных вымогателей во главе с самим Барбосом, которые при виде Витьки радостно встретились:

— А вот и Картоха!

Предчувствуя, что общение с ними ничего хорошего ему не сулит, Витька тотчас придал своему лицу рассеянное выражение, похлопал себя по карманам и, притворяясь, что будто бы позабыл что-то в классе, поспешно вернулся обратно.

— Эй, ты куда? — ошалело закричали безжалостные грабители и

бандиты, расстроенные тем, что жертва ускользнула прямо из рук.

Очутившись в безопасности, Витька стал слоняться по коридору, дожидаясь, когда шайке надоест поджидать его и она уйдёт по каким-нибудь своим неотложным делам.

Из каморки под лестницей, где завхоз хранил метлы и ведра, появилась уборщица тётя Наташа, которую все за глаза звали попростому — Натуся.

— Чего домой-то не идёшь? — спросила она, готовясь мыть полы.

— Да я это... кое-чего в классе забыл, — выкрутился Витька.

Натуся, ловко орудуя мокрой шваброй, принялась беззлобно ругаться:

— Зря ты ещё свою голову там не позабыл! И о чём вы только думаете? Забирай свою вещь и улупётывай отсюда. Нечего мне под ногами мешаться. Я не намерена за тобой ходить и твои следы подтирать. Совсем уж обнаглели...

В голове у Витьки быстро созрел замечательный план:

— Я мигом!

Торопливо прошмыгнув мимо Натуси, чтобы она с досады не успела стукнуть его черенком швабры по шее (от такой жизни с неё станется), он, не оглядываясь, побежал по коридору.

В классе биологии форточка у среднего окна как всегда была распахнута настежь. Правда, располагалась она высоко, и чтобы вот так взять и запросто выбраться через неё на улицу, нечего было и думать.

Но не такой Витька человек, чтобы переживать из-за столь смешного препятствия: он огляделся и подтащил попавшийся ему на глаза скелет к окну. Наступив на подоконник, а потом на череп, Витька высунулся в форточку и поглядел по сторонам на случай, если Барбос со своими подчинёнными надумает вдруг устроить на него засаду. Самолично убедившись в отсутствии шайки, которая наверняка уже перестала дожидаться, потому что у неё дела имеются и поважнее, чем гоняться за миролюбивым младшеклассником, он выкинул ранец в форточку и полез сам. Конечно, будь Витька одет не в школьную форму, а в свою повседневную одежду, ему не пришлось бы долго пролезать сквозь узкую форточку, переживая за форму, которую всё равно не уберёт, порвав на самом видном месте. Когда он задом наперёд кое-как выбрался наружу, на земле его уже поджидали директор и завхоз.

Директор был принаряжен: белая рубаша с короткими рукавами, шляпа, а вот брюки уже успел где-то испачкать. Сразу было видно, что на месте он не сидит, а ходит всюду по школе и следит за порядком. Звали его Владимир Фёдорович, слыл он мужиком справедливым и незлопамятным, что, однако, не мешало ученикам звать его между собой Соломенным бычком за добродушный характер.

Важно выпятив живот, директор укоризненно покачал головой:

— Витя, тебе что, дверей мало, ты через окна лазишь?

А когда Витьке в двери ходить, если его там всё время подстерегают!

Витька уставился на директора блестящими глазами, которые так и шныряли по сторонам, и ни с того ни с сего ляпнул:

— За мной это... скелет гнался!

Скелет за окном действительно был налицо и директор с завхозом с интересом разглядывали Витьку: такое не с каждым случается.

— Ну и ну! — проговорил наконец директор. — Какие только, брат, несчастья на тебя не сваливаются. Прямо уму непостижимо!

Витька пожал плечами: мол, я тут ни при чём.

— Вот видите, Владимир Фёдорович, — жалобным голосом запричитал завхоз, явно стараясь не оставить без последствий Витькину хулиганскую выходку, — тут разве за всеми уследишь? Их вон сколько, а я один...

Завхоз среди учеников авторитетом не пользовался, поэтому не имел не только прозвища, но и настоящим именем его никто не интересовался. Сейчас он выглядел как обыкновенный рабочий: чёрный халат, изгвазданный белилами, в руках — ведро и кисть, широкая, как веник.

Тут и дураку было понятно, что завхозу надоело самому подкрашивать стены, вот он и стал придирается к Витьке.

— Как вы знаете, Владимир Фёдорович, завтра у нас комиссия, — продолжал ныть завхоз, — а на подоконнике и стене следы остались... Уж очень это похоже на то, как если бы какой-нибудь вор забрался в нашу школу... А там, вы это не хуже меня знаете, за это не поблагодарят, — он со значением потыкал пальцем в небо, для чего даже не поленился переложить кисть в другую руку, хоть она и без того была занята ведром. — Могут быть оргвыводы...

И Владимир Фёдорович клюнул на его уловку, хотя наверняка собирался отпустить Витьку восвояси.

— Вить, ты уж не поленись закрасить свои следы, — попросил он.

Подводить всеми уважаемого человека, у которого из-за него могут быть неприятности, Витьке не хотелось.

— Да чего уж там, — сделал одолжение Витька, — закрашу.

Завхоз обрадовался и угодливо подsunул ему ведро и кисть, на все лады расхваливая последнюю:

— Видишь, какая широкая? Один мазок, и полстены готово!

Видно, намекал на то, чтобы Витька не поленился окрасить если и не всё здание, то хотя бы одну из его сторон.

Директор с завхозом пошли дальше осматривать школу на предмет её благоустройства, а Витька остался стоять с кистью в руке и с отвисшей от недовольства губой.

Но нормальным хозяйственным работам помешал вездесущий Барбос со своей шайкой — они с ухмыляющимися физиономиями появились с двух сторон.

Отступать Витьке стало некуда (не полезешь же опять в окно), и он приготовился к обороне, выставив перед собой мокрую от побелки кисть.

— Первого, кто приблизится ко мне на метр, буду красить, — заранее предупредил он.

Противник надвигался неумолимо, как асфальтовый каток, и Витька принялся отчаянно размахивать кистью, макая её в ведро, чтобы брызги выходили погуще. Напрасно он думал, что это остановит бандитов: от его действий они, наоборот, прямо осатанели.

— Ну, Картоха, — злобился драчливый Ноздря, — дай только до тебя добраться!

— На всю жизнь запомнишь нас, — подпевал ему Горилла, идя на полусогнутых ногах и размахивая длинными руками, как настоящая горилла из джунглей.

Ещё с ними присутствовал Зубан, у которого голова была вытянута как огурец, а жёлтые крупные зубы никогда не прикрывались тонкими губами. От этого его лицо больше смахивало на щучью морду. Конечно, не скажешь, что из всей компании он слыл самым отъявленным хулиганом, но то, что он был дурак набитый, это уж, без всякого сомнения.

Вытянув руку с двумя растопыренными пальцами и шевеля ими,

он шёл на Витьку, нервно подрагивая от возбуждения и грозясь:

— Моргала повыкальваю!

Наверное, посмотрелся кино, где в главной роли играл замечательный артист Евгений Леонов. Правда, роль ему там досталась какого-то полоумного зека. Но ведь это кино! А Зубан, видно, от своей непреодолимой тупости кино с жизнью спутал.

И лишь сам вожак Барбос, поддерживая свой авторитет, сохранял спокойствие, которое, впрочем, Витьке тоже ничего хорошего не сулило по понятным причинам.

Они уже совсем было припёрли к стене беззащитную жертву (хоть на стену лезь), как раздался звонкий голос Люськи:

— Привет, мальчишки! А чего это вы тут делаете?

Притихшие бандиты враз съёжились, втянув головы в плечи, и принялись усиленно мигать, видимо от испуга.

Зубан, наслышанный от своих дружков о Люськиных способностях, испытывать их на себе не пожелал и вытянутой рукой быстро замахал у себя перед лицом, будто отгоняя назойливых мух. А потом вообще спрятал руку в карман, как ни в чём не бывало.

— Да вот Вите помочь пришли, — неожиданно для себя брякнул он, ощерив свои знаменитые крокодильи зубы. — Думаем, чего это он один работает, давай поможем...

Повеселевшего Витьку осенила одна замечательная мысль, и он сунул Зубану кисть со словами:

— Спасибо, друг!

И даже одобрительно похлопал его по плечу. Затем скоро сломал несколько берёзовых веток и ловко смастерил из них метлу, получившуюся, правда, совсем жиденькой, но к работе тем не менее пригодной.

— А это тебе! — сказал он и вручил её Горилле, как человеку, у которого замах будет побольше, чем у других, по причине его длинных рук.

Люська была с пониманием и поддержала игру: под её усиленным взглядом (оказывается, во сне у Люськи открылись новые способности — передвигать взглядом предметы) ведро послушно подползло к оторопевшему Зубану.

— Ну что ж вы, — сказала Люська, глядя невинными глазами на растерянных бандитов, и вдруг рассерженно топнула ногой: — Я долго буду ждать?

Зубан с Гориллой вздрогнули и с быстротой, достойной разве что чемпиона по игре в пинг-понг, приступили к своим обязанностям: один — красить стену, другой — мести дорожку.

— А вы? — Люська перевела грозный взгляд на Барбоса и Ноздю.

— А мы — на очереди! — торопливо пояснил Барбос и, суетясь, громогласно начал покрикивать на своих подчинённых: — А ну шустрее!.. Не ленись!..

Ноздря, не привыкший видеть своих дружков за работой и даже не подозревавший о том, что они могут трудиться, как все нормальные люди, настолько был поражён открытием, что разинул рот и вытаращил глаза.

— Так не пойдёт, — сказал Витька и огляделся вокруг.

Ничего подходящего ему на глаза не попало, и он опять пожертвовал свою многострадальную тетрадь, вырвал из неё лист. Свернув лист наподобие кулька, Витька отдал его Ноздре, чтобы тот без дела не стоял, а собирал мелкие камешки, которые валялись здесь в изобилии, будто после извержения вулкана.

Ноздря хоть и скривил лицо, как при зубной боли, но перечить при Люське не стал, а, присев на корточки, послушно начал их подбирать.

— Теперь полный порядок! — с удовлетворением заметил Витька, поставив бандитов на хозяйство. — Самое время своими делами заняться.

Но не успели они с Люськой зайти за угол, как Зубан вдруг взбунтовался: он размахнулся, чтобы закинуть кисть куда подальше, да в этот момент Витька выглянул из-за угла, и Зубан с испуганным видом с ещё большим рвением принялся шуровать кистью по стене.

— Приду — проверю! — прокричал Витька. — Чтобы всё было на высшем уровне!

Несколько минут вся шайка-лейка с молчаливой сосредоточенностью трудилась, выжидая, когда Витька с Люськой отойдут от школы хотя бы на километр. И только полностью убедившись в том, что ненавистная им парочка не вернётся, отъявленные негодяи расслабились и принялись критиковать.

— Гад Картоха! — воскликнул Зубан, и метко метнув кистью в берёзу, ещё и смело поддал пинком ведро.

Горилла растерзал метлу и разбросал ветки по только что подметённой им самим дорожке.

— Поймаю, прям не знаю, что сделаю! — пригрозил он.

Ноздря скомкал кулёк и, бросив себе под ноги, со злорадством принялся его топтать, как взбесившийся слон, приговаривая:

— Вот тебе! Вот тебе!

И только Барбос участия в общем негодовании не принимал, а с хмурым видом поглядывал под ноги Ноздре. Потом молча отслонил его и поднял то, что он не успел дотоптать.

Ноздря с недоумением уставился на него, и Барбос пояснил:

— Посмотрим...

Ноздря пожал плечами и ушёл к своим друзьям, которые после всех переживаний развлекали себя тем, что подкидывали пустое ведро вверх, стараясь, чтобы оно застряло в ветвях берёзы.

Барбос развернул скомканный тетрадный лист и вгляделся в Витькины каракули, которые представляли собой черновой вариант для открытки. Через минуту на его лице появилась мстительная ухмылочка.

— Та-а-ак, — многозначительно протянул он, спрятав лист в карман, — будет теперь, чем заняться... А то ишь ты, профессора выискались!

И ободрившийся Барбос, отняв у зазевавшего Гориллы ведро, с первого раза оставил висеть его на толстом суку.

При виде ведра, которое стало похоже на большое гнездо, известные хулиганы громко заржали.

Тут деловитой походкой появился завхоз — проверить, как продвигаются дела у Витьки. Но, увидев вместо него распоясавшихся старшеклассников, которые даже не обратили на завхоза внимания, не то чтобы предпринять в отношении него какую-нибудь диверсию, непонятно с какого перепугу принялся звать директора:

— Владимир Фёдорович! Владимир Фёдорович!

— Пацаны, атас! — крикнул Горилла. — Соломенный бычок на подходе!

И шайка с хохотом и свистом спешно удалилась.

В это время Витька и Люська сидели в уединении под бузиной, которая разрослась до таких размеров, что своими ветками почти заслонила всю скамейку. Это место в парке было выбрано специально, для того чтобы сбить со следа Сеню Врулёва. Про него они как раз и вели непростую беседу, ломая голову над тем, каким способом отвадить скандалиста-журналиста выслеживать двух добро-

порядочных граждан, словно каких-нибудь закоренелых преступников. От него совсем им житья не стало!

Так до поры до времени ошибочно думали ребята, ни сном ни духом не ведая о том, что над ними сгущаются тучи, похлещи Сени Врулёва, который только и делал, что выбалтывал в своей паршивой газетёнке чужие секреты. А чтобы кому-нибудь причинить физические страдания для своего удовольствия, у него даже и в мыслях никогда не могло возникнуть.

15

Доктор Полежайкин имел вид человека, которому плевать с высокой горы на свою внешность. Несвежий белый халат у него вечно был застёгнут не на те пуговицы, отчего люди, его знающие, подозревали, что халат им никогда не снимался. Белая шапочка, надетая набекрень, придавала своему владельцу бесшабашную удаль при всей угрюмости его лица. Растрёпанные волосы торчали из-под шапочки во все стороны, как пружины. Роговые очки, у которых одна дужка была скреплена провололочкой, что, наверное, замышлялось как временное явление, до сей поры так и не были отремонтированы.

Всё это давало неутешительный повод думать о том, что маленький подвижный доктор Полежайкин, мягко говоря, человек несколько странноватый. Чего сам он, на удивление, никогда не стыдился, а, наоборот, во всеуслышание заявлял об этом, как об отличительной черте всех истинных великих учёных. Впрочем, он всегда знал, что будет великим учёным, с той лишь разницей, что на порядок выше всех тех, кто уже успел до него прославиться в веках.

Единственное, что беспокоило доктора Полежайкина — так это выбор научной темы для своего нетленного труда, которую нащупать ему пока никак не удавалось в силу своей неопределённости. Но и тут ему необыкновенно повезло. Даже удивительно, как об этом не могли догадаться другие претенденты в мировые светила!

Доктор Полежайкин окончил университет всего год назад и распределился в психиатрическое отделение. Оно находилось на окраине города в жёлтом одноэтажном здании, где в старинные времена размещались солдатские казармы.

Во время долгих ночных дежурств он не бездельничал, как дру-

гие, а разгадывал кроссворды, чтобы ещё лучше разработать свою голову для будущих гениальных свершений.

Вот так однажды, сидя за столом, доктор Полежайкин бормотал:

— Так. Остров, на котором родился Наполеон.

Он приподнял голову и внимательно пригляделся к пациенту, который важно прохаживался по коридору, заложив одну руку за борт больничной пижамы в полоску, а другую спрятав за спину. Его голову украшала треуголка, умело сконструированная кем-то из газеты и надетая на него, видно, для смеха.

— Слышь, — окликнул его доктор Полежайкин, — ты где родился?

Коренастый пациент встрепенулся и быстро подошёл на своих кривых, как у кавалериста, ногах.

— Корсика! — лающим голосом выкрикнул он. — Корсика!

Доктор Полежайкин неразборчивым почерком, которым так славятся все врачи, вписал в клеточки название острова.

Но пациент всё не уходил, а, свысока поглядывая на невежду, возмущённо говорил, брызгаясь слюной во все стороны:

— Я с молодых лет имел слабость изучать все закоулки каждого города, в котором приходилось мне бывать, потому что вдруг придётся их ещё и штурмовать...

Зная назойливость своих неуравновешенных пациентов, доктор Полежайкин пригрозил:

— Сейчас позову санитаров.

Мордастые санитары были грозой всех больных, и мужик в треуголке с угрозами удалился.

Если признаться, санитаров побаивался и сам доктор Полежайкин, хотя ничего плохого они ему пока ещё сделать не успели.

Он вздохнул и перевернул страницу. Увидев статью Сени Врулёва об апокалипсисе, доктора Полежайкина сразу осенила идея о выведении улучшенной породы человека, который в одиночку или пускай, даже стадом способен противостоять мировой катастрофе. Дело оставалось за малым — найти разумное решение.

Сегодняшняя газета с попавшейся ему на глаза статьёй о невероятных проделках девчонки как раз и подсказала доктору верное направление: провести над девчонкой медицинские эксперименты с целью выявления у неё природы возникновения загадочных способностей и применить их на практике к ничем не примечательно-

му человеку, например такому, как её дружок. (Слышал бы Витька о себе такое оскорбительное высказывание!)

Подходящий материал для исследования подобрался, и доктор Полежайкин приступил к осуществлению глобального плана по спасению человечества.

Первым делом следовало выявить подопытных детишек, которых в лицо знал только сам Сеня Врулёв. О том, что скандальный журналист с радостью согласится бескорыстно сотрудничать, нечего было и мечтать. А большие деньги у доктора Полежайкина отродясь не водились. Конечно, можно было бы применить к Сене Врулёву методы физического воздействия, если бы это не навредило делу: ведь кровно обиженный журналист молчать вряд ли будет и из вредности напридумывает такое...

Оставался один выход: пустить по следу Сени Врулёва своего человека. Да где его взять?

Доктор Полежайкин в задумчивости снял очки, дохнул на стёкла и принялся тереть их прямо пальцами. Что, понятное дело, прозрачности им не придало, зато он вспомнил о пациенте из шестой палаты, страдавшем шпиономанией. Больной оказался на редкость с несгибаемой волей и который год подряд упорно твердил, что на самом деле он и есть легендарный Штирлиц. Судя по его характерным повадкам следить за всеми и вся, можно было подумать, будто он и вправду разведчик.

Доктор Полежайкин вскочил из-за стола, халатом зацепился за угол и, обрывая пуговицы, понёсся по коридору с развевающимися полами.

В шестой палате двое бугаёв ростом под два метра, которые и были теми самыми санитарями, развлекались с пациентами. Они ржали не хуже мерингов, глядя, как сумасшедшие больные напрасно старались с разбега проскочить сквозь замочную скважину. Призом победителю было обещание санитаров похлопотать перед главным врачом о его скором освобождении.

И лишь Штирлиц не принимал участие в общем веселье, а сидел тихо в уголке, забравшись на свою кровать с ногами, и отрицательно мотал головой на все уговоры испытать своё счастье.

Сделать вид, что ничего не происходит, доктор Полежайкин не имел права, а пресечь безобразие выходило себе дороже, и он миролюбиво поинтересовался:

— Что за шум, а драки нет?

— Эксперимент проводим, — пояснил ему один из санитаров, которого про себя доктор иначе как Держиморда не звал, — на выздоровление.

— И как?

— Непруха! — загоготал напарник Держиморды, который сам был Мордovorot. — Если только у Штирлица вот позитив появился!

— Он-то мне как раз и нужен, — сказал доктор Полежайкин и, поманив за собой подающего надежды на выздоровление больного, вышел.

Штирлиц не без боязни сполз с постели и, прижимаясь к стене, двинулся к выходу.

— У! — гаркнул, пугая, Держиморда, и Штирлиц, обмирая от страха, сиганул в дверь не хуже австралийского кенгуру.

В кабинете доктор Полежайкин заботливо усадил Штирлица на стул, а сам начал стремительно прохаживаться возле него с заложенными за спину руками и внушительным голосом говорить:

— Из центра поступила шифровка... В нашем городе появился разведчик из сопредельной страны... Страны нам не дружественной, поэтому необходима полная секретность... Вы меня понимаете?

Штирлиц заворожено водил головой следом за доктором и кивал.

— Так вот, — продолжал новоявленный резидент, — нам необходимо вычислить этого разведчика... Ещё нам известно, что в настоящее время он ведёт наблюдение за агентами третьей страны... которые изображают из себя подростков... Твоё задание заключается в том, чтобы ты через этого самого разведчика вышел на девочку и мальчика и выяснил место их проживания... Имей в виду, что разведчик тот хитрый, коварный и очень изворотливый... Он может притворяться кем угодно — хоть журналистом, хоть обыкновенным человеком... Вот его фотография... — доктор Полежайкин вырезал из старой газеты давнее фото Сени Врулёва и протянул своему агенту.

Штирлиц, с грохотом уронив стул, спешно вскочил и вцепился двумя руками в пожелтевшую фотографию. Пока он её разглядывал со всех сторон, вертел так и эдак, будто это не обыкновенная фотография была а, скажем, какой-нибудь замысловатый ребус,

доктор Полежайкин достал из шкафа свой костюм и шляпу. От долгого неупотребления и пребывания в тесном месте вещи выглядели необжитыми, как тряпьё, приготовленное для сдачи в утиль. Отряхнув пыль, доктор Полежайкин вырядил в них агента. Маленького размера костюм по всем параметрам не соответствовал длинному Штирлицу, конечности которого торчали из рукавов и брючин почти наполовину, разом превратив славного разведчика в клоуна.

Но доктор Полежайкин, с интересом оглядев больного без привычной полосатой униформы, нашёл наряд вполне приемлемым:

— Ничего. Для разведки самый подходящий!

Сам Штирлиц тоже не имел ничего против: оглядывая себя восторженными глазами, озабоченно спрашивал:

— Это всё мне, да? Насовсем, да? Правда?

Доктор Полежайкин, давно изучивший характер своих подопечных, великодушно пообещал:

— Будет тебе насовсем... Если то, о чём я тебя попросил, выполнишь самым наилучшим образом... Без всяких глупостей...

Штирлиц жадно слушал, замирая от счастья и кивая:

— Так точно!.. Выполню!.. Не сомневайтесь!..

Тут доктор Полежайкин что-то вспомнил и спросил:

— Скажите, больной, а почему вы не попытались, как все, пролезть сквозь замочную скважину?

Штирлиц заносчиво выставил подбородок и обстоятельно ответил:

— Потому что я не идиот — пролезать в замочную скважину, с обратной стороны которой воткнут ключ.

— Гениально! — вскричал доктор Полежайкин. — Гениально! Вы самая что ни на есть подходящая кандидатура для моего задания. Вперёд!

Штирлиц по-военному отдал честь и, повернувшись кругом, тотчас выскочил из кабинета: до того не терпелось ему совершить подвиг во славу нежадного доктора...

(Конец фрагмента)

**Иван
АКУЛОВ**

ГЕОМЕТРИЯ ЖИЗНИ

Поэма

1

*Нет человека без числа,
Как и без слова, но в основе
Лежит теория угла,
Как плазма в жидкой ткани – крови.*

*Поэтому привычно нам
О геометрии и пользе
Её судить и по углам
Искать значения – не позы.*

*Луч, от вершины оторвась
И преломившись в свете, быте,
Находит непременно связь
И место в череде событий.*

*Он – во главе угла, его
Не остановишь жезлом-знаком,
Пока не явит естество,
Сразившись в поединке с мраком*

---

*Иван Иванович Акулов родился в 1942 году. Живёт в с. Петровское.
Публиковался в «Литературной газете», коллективных сборниках,
«Тамбовском альманахе», журнале «Подъём».*

Автор сборников стихов «Прапамять», «Кукушкины слёзки», «Протомир», «С той стороны...», «Судный час», «Осенний крик».

Член Союза писателей России.

*Иль с чем-то, что ему сродни,
Имеет имя, возраст, слово
И проживает будни-дни,
Как гнут богатыри подкову:*

*Легко, но эта лёгкость для
Неповоротливого тела.
Сопротивление угла
Мобилизует до предела*

*Сознание, волю, крепость мышц
И предпочтенья фронта тылу
В энергетическую мысль,
Одoleвающую силу.*

*Итак, две силы, два луча,
Не обделённые природой
Ни свойством острого меча,
Ни свойством голубого свода,*

*Сойдутся в битве, коей суть
Есть жизнь, как кратное сраженья
За то, чтобы продолжить путь
Преодоленья и служенья.*

*Чему? Вопрос и остр, и прям-
Прямолинеен, словно угол
Оконных деревянных рам,
И не боится кукол-пугал,*

*Сработанных в нужде людьми,
И отвечает стойко соло:
– Да жизни, жизни, чёрт возьми,
В которой больше боли-соли,*

*Чем сахара. Не надо быть
Философом иль геометром,
Чтобы понять: на свете жить –
Ходить не за, а против ветра.*

*Здесь важен угол, остриё
На цель направленной атаки,
Ценнее наше, чем моё,
Когда клубишься в центре драки.*

*Жизнь состоит из мелочей:
Поступков, взглядов, настроений,
Чужих, но и своих речей,
Работы, умопостроений.*

*Но чтобы ты не делал, чтоб
Не затевал, о биссектрисе
Ты думаешь, морщина лоб,
Как старичок на солнцеписи¹.*

*И правильно! Высокий лоб
Вмещает знания и опыт
Не только твой, но и чащоб,
А с ними ропот, посвист, топот,*

*Земли и неба гул и дрожь –
И если ты не парень-ухарь,
То обязательно найдёшь
Единственно возможный угол.*

*Мы возвращаемся опять
К исходной аксиоме-схеме:
На всём лежит угла печать –
На времени-пространстве, меме,*

*На восприятии врагов,
Связавших волю словом-данью,
На отношении шагов
Ко времени и расстоянью,*

*На связи звуков, буквизи, слов,
Итогах повседневных дела,
На притяжении полов
Со скоростью души и тела*

*Друг к другу в априорный срок,
Где угловое ускоренье
Есть форма бытия иль рок
Счастливого для всех паденья.*

*Мы ищем счастья уголок
Иль угловой момент итога,
Когда кружится потолок,
Лишившись и опор, и слога.*

*Для измерения потерь
Угла, души, финансов, воли
Мы применяем угломер
С делением на части-доли,*

*То бишь на градусы. Они,
Хоть постоянны в величинах,
Да мы запутаться вольны
Как в следствиях, так и в причинах.*

*Да, в разговоре про углы
Как позабыть про угол власти,
Сидящей на конце иглы
И содержащей две напасти.*

*Одна – чрезмерная любовь
К самой себе; другая – гадкой
Пиявкой у народа кровь
Сосёт, облизываясь сладко.*

*Чем дальше, тем острее напасть,
Мутуализм, где микоризой
Является народ, а власть –
Грибковой тканью, гифом сизым.*

*Меж тем и именно она,
Меня векторы развитья,
Затягивает стремяна
В виду народного наитья.*

*Власть, как мифический Нарцисс,
Красуется и пьёт амриту.
А что народы?*

*Заждались
Для воздаянья Афродиту.*

*Итак, известно: два луча,
Сбежав из логова-вершины,
Не могут подобрать ключа,
Чтоб завести одну машину*

*И ехать по одной прямой
К единственной и главной цели,
Где голоса – и их, и твой –
Сольются в повседневном деле.*

2

*От суммы двух углов до трёх
Рукой подать, а, может, ближе.
Ты не успеешь сделать вдох,
Произнести ничтоже «Иже...»,*

*А треугольник тут как тут:
Гляди, раздумывай и трогай,
Поскольку скручивает в жгут
Минуты время вместо бога.*

*«Тик-так, тик-так...» – спираль внутри
Аккумулирует движенье
Минутных стрелок и зари,
Заряженных на достижение*

*Поры, когда нельзя молчать
И делать вид, что всё отлично,
И пить смородиновый чай
Вприкуску с сахаром привычно.*

*Нам явочным путём дано:
Под главную диагональю*

*Любовь равна нулю давно –
И нет ни страсти, ни желанья.*

*И в то же время чувство над,
Над матричной диагональю
Подъём имеет, а не спад,
Прошло проверку лада далью*

*И отделилось от лица,
От тела, бёдер и от ситца
И вышло на ступень крыльца,
Чтоб вдоволь ветром насладиться.*

*Ночь на дворе. Горит звезда,
Как лампа в доме, – Треугольник².
Двор задушила резеда
И полулунный гость – гроздовник.*

*Июль глядит в глаза. Их цвет
И ночью поражает синью
Такой, какой и днём-то нет
Ни у кого, кроме России.*

*Июль – гроздовник чист душой,
Хотя порой и своевольник,
Но он – мастак, причём большой,
Игры в народный треугольник³.*

*Вот и сейчас несильно бьёт
По сторонам вишнёвым билом
И тихо песенку поёт
О милой и, конечно, милом.*

*Ой, было время – ходил к милой
По дороженьке остылой.
А теперь ходить не надо,
Всё, что нужно, со мной рядом.*

*В ответ молчанье, тишина.
Соят за окнами детишки,*

*Усталый муж, сама-жена
Руками тербит излишки,*

Мешающие спать.

Пора

*Признать, что треугольник – символ
И сущность жизни с ее пра-
Основами, где птица Сири*

*О прошлом гукает и днём,
А Гамаюн – волшебник Яви
Печётся и грозит огнём
Забывшим об отцовской Прави.*

*Там чудо-птица Алконост,
Чтоб было завтра беспечальным,
Из пепла встала во весь рост
И взором огненно-кинжальным*

*Глядит на запад и восток,
Предупреждая криком оных,
Чем вызвала немой восторг
У близлежащих регионов.*

*В пространстве три луча дают
Не только треугольник, но и
Эзотерический уют,
Устроенный помимо воли*

*Того, кто силится узнать
Хоть что-нибудь о Геометре,
Но упирается опять
В стену из солнечного ветра.*

*Стена сия есть сторона
Фигуры названной. Вторая –
Земля, а третья нам дана
Живым предощуценьем рая.*

*Понятно: сумма всех углов
Эзотерически огромней,
Весомей зрения орлов –
Математическою ровней.*

*Персонифицируя лучи,
Перенося на Мирозданье,
Заполучаем мы ключи
От творческого созиданья.*

*Я понял на закате лет:
В геометрических фигурах
Есть то, чего обычно нет
В эпизодических амурах.*

*Фундаментальность – атрибут,
Скорее, жизни, чем мотива,
Хотя в последнем узнают
Не связанного долгом Дива.*

*Он может обойтись игрой
Воображенья без форсажа
Событий, чувствуя сырой
Поверхность с каплями фиксажа.*

*А может словом и рукой
Коснутся чашечки колена –
И...спущен флаг, исчез покой,
Бунтуют, отозвавшись, вены.*

*И это – треугольник. Он
Повсюду в жизни, неотвязен,
Как тишина, как свет и сон,
Как листья клёна, ивы, вяза,*

*Как печка с дровяной золой,
Как речка с деревянной сланью, –
А информационный слой
Снимает каждый по желанью*

*И опыту духовных лет.
 Познёшь лишь то, что ты посеял.
 Жизнь – это отражённый свет
 От злаков, от плодов, от плевел.*

3

*Достойно жизнь прожить равно
 Постройке квадратуры круга.
 Известно: временно дано
 Пространство наподобье луга*

*В ромашках, звёздочках гвоздик,
 В кострищах луговой герани,
 Такой, что грешный мой язык
 Прилип восторженно к гортани.*

*Неймуций взгляд поймает кадр
 И зафиксирует мгновенье:
 Свет, облак, цвет, звук, воздух – квадрат,
 Материал для построенья*

*Земных угодий. В них и нам
 Живётся. Как? Вопрос излишен,
 Когда вы знаете, что вам
 Не принесут в пригоршнях вишен.*

*За всё приходится платить:
 Трудом – за праведные деньги,
 Деньгами – за возможность жить
 И есть поджаренные гренки.*

*Жизнь удивительна: порой
 Она такое крутит сальто,
 Что положительный герой
 Суммировать не может сальдо,*

*Найти единственный квадрат,
 Определиться с целью жизни*

*Без потрясений и утрат,
Без сожаленья-укоризны.*

*Обмолвился, хандря, поэт,
Что жизнь есть распродажа тела^А,
Ума, таланта-дара, лет
За гроши, бездарно, неумело.*

*Не рынок жизнь и не базар,
И тело – лишь держатель жизни,
А гениальность – Божий дар –
Принадлежит стране-отчизне*

*И человечеству. Нельзя
С ней обращаться, как с товаром,
И жить, лавируя-скользя,
Жонглируя небесным даром.*

*Да, о квадрате... Человек
Живёт в пространстве квадратрисы.
Он сам определяет век
И направленье – директрису.*

*И в этом смысле, он – Творец,
Он – Бог, он знает априори,
Что есть Начало и Конец,
Как свет нездешний в коридоре,*

*Есть Солнце – Прародитель и
Вода – купель, Земля – опора,
Мать гармонической любви
Сегодня, завтра и в ту пору.*

*Квадрат стоит в одном ряду,
Как признак, символ первокамня,
Заложенный в земном саду
И сохранивший очертанья*

*В эзотерических трудах
С рассказами о Центре Мира,*

*О бореальных Полюсах,
Зените жизни и надире.*

*Конечно, жизнь богаче схем,
Как звук богаче буквы эха,
Действительность – наследных мем,
Серьёзный слог – каприза смеха.*

*Она обширней парадигм.
Ей трудно в заданном квадрате
Сдержать аллюрный бег квадриг,
Взорвавших воздух на закате.*

*Ей тесно в настоящем, но
Не станет в будущем вольготно,
Как было в прошлом, в чьё окно,
Прищурившись, глядит охотно.*

*Ей видно: ночь, побита днём,
Сбегает прочь за капители:
Куда тягаться ей с огнём
Протуберанцевой метели!*

*Как ни сбежать от синевы,
Исчисленной с утра в квадрате!
Она сдалась, как я и вы,
В дневном растаяв аромате.*

*А как вместить любовь в квадрат?
Она взорвёт любую клетку,
Венок лавровый круглых дат
Сломает, как ломает ветку*

*Во времени созревший плод,
Заполнит собой пространство,
Подвинет и небесный свод,
Но без хулы, без окаянства.*

*Уступит солнышко само
Дорогу ей.
Простите рухом⁵
Мне консонантное письмо –
Квадратное, по сути-духу.*

*Но о серьёзном впопыхах...
Рука не смеет, и бумага
Немой испытывает страх,
Забыв, что есть слова – отвага,*

*Усидчивость, терпенье, труд...
Я не учился в квадрикуме,
Но много тонн словесных руд
Перелопатил в общей сумме.*

*Вы правы: целый квадрильон...
Пока настроишь подсознанье,
Смолкает внешний камертон
До еле слышного звучанья.*

*Но это то, к чему года
Стремиться, внутренне надеясь:
Сгорит в заулках ерунда,
Вздор, несурaziца и ересь.*

*Зато останутся слова,
Добытые в болотной ряске
По первоснегу Покрова
Под свадебные перепляски.*

4

*Как часто видишь дежа вю!
Всё возвращается на круги!
Я, может, оттого живу,
Что умерли друзья, подруги.*

*Они – на звёздном берегу,
На дольном – я, и между нами
Тропинка... Я по ней бегу,
Ещё бегу, как за шарами*

*Бежит ребёнок: руки вверх,
А ноги, потеряв опору,
Разъехались – и смех, и грех
Смотреть взыскательному взору.*

*Конечно, краски я сгустил,
Но правда где-то посредине:
Фронт обнажился, вскрылся тыл,
Жизнь стала плаваньем на льдине.*

*Не знаешь – доплывёт она
До вечера или размочет
Её студёная волна,
Снеся остатки в бело море.*

*Всё возвращается! И мы
Вернёмся в голубые дали,
Где света нет, но нет и тьмы,
Где счастья нет, равно печали.*

*Мы были кругом высоты –
Мы станем кругами склонений
Без мишуры и суеты
В обмане живших поколений.*

*Круг в доказательстве тому –
Обоснование, сам тезис
Поможет быстрому уму
Найти аналог в вашей — теке*

*Иль упереться в новый круг
Определения: зависит
От полушарий, бровных дуг –
Сосредоточить в точке мысли.*

*О чём? О жизни на Земле,
Масштабной лестнице природы,
Пространстве, времени во мгле
Метагалактической погоды.*

*О геометрии, её
Значении и власти в мире,
Влиянии на бытиё,
Сознание, а если шире –*

*Движение по М–оси⁶,
Порядок строгий во Вселенной,
Где ВТМ⁷ и след росы
Живут с единой переменной.*

*Из самой-самой глубины
Материи к её вершине
Волна творенья, новизны
Не прекращается, не стынет,*

*А расширяет внешний круг
До бесконечности, и этим
Снимает внутренний испуг,
Мировоззренческие сети.*

*Ты в этом круге! Круг велик,
Геометрически просторен
Настолько, что услышишь крик
Не сразу, а когда повторен.*

*Размеры впечатляют и
Определяют точность метрик:
Пред ней значения Земли,
Не выдержав сравнений, меркнут.*

*Со дня творенья в МЦВ⁸
Жизнь «палочкою в эстафете»
Передаётся по канве
Структурной: от живого – детям.*

*И так – всегда! Круговорот
В природе априорен. Правда
И то, что человек живёт
Не вечно – сообразно прагме.*

*Но как живёт! Творцом ему
Доверена биосистема
С подвластною его уму
Задачей жизни, теоремой*

*Развития до высоты,
До эволюционной кромки,
Где не были ни я, ни ты,
Но будут дальние потомки.*

*Они Творцом обречены
Создать-освоить Ноосферу
Без разделенья на чины,
На расы, на язык, на веру*

*И жить единою семьёй,
Как Человечество, без страха,
Что не к кому пойти домой,
Что ждёт разинутая плаха,*

*Что бесполезно прожит день,
Что след затянут тинной-жизней...
Растает в неприятье тень,
Даст расцвести на солнце жизни.*

*Эзотерически прожив
Уже тринадцать поколений,
Не растерял ты чужих жил
И пагубной не знаешь лени.*

*Себя за уши из квартир
Ты тащишь на этаж масштаба,
Где сам себе и командир,
И полевой начальник штаба.*

*Геометрическая масть
Видна раскрытыми глазами.
Она одна имеет власть
Над странами и городами.*

*И ей дано предугадать
Судьбу народов, биографий:
Кому в тиши качать гойдать⁹,
Кому неволить амфибрахий.*

-
1. *Солнопись* – фотография.
  2. *Треугольник* – звезда в Северном полушарии, видна зимой, летом и осенью.
  3. *Треугольник* – музыкальный инструмент.
  4. *Иосиф Бродский*.
  5. *Рухом* – всем народом.
  6. *М–ось* – масштабная ось Вселенной.
  7. *ВТМ* – вирус табачной мозаики, имеет наименьший из известных науке вирусов размер, равный $1,5 \cdot 10^{-6}$ см
  8. *МЦВ* – центр симметрии М–оси, масштабный центр Вселенной.
  9. *Гойдать* – колыбель.

***Поздравляем Ивана Ивановича Акулова
с 70-летним юбилеем!
Желаем здоровья, новых публикаций и книг!***

Владимир САШИН

Свежий снег

*Я вижу, как ложится свежий снег,
На улицы, дороги, переулки,
Струится дым, над старой караулкой,
И время, словно тормозит свой бег.
Какая-то далекая печаль,
Лежит над оснежёнными домами,
Как будто те, кто нынче уж не с нами,
Пришли через неведомую даль.
Глядят они нездешними глазами,
Сквозь толщу туч и падающий снег,
И видят, слышат, ощущают тех,
Кто здесь ещё и держит свой экзамен.*

---

*Владимир Алексеевич Сашин родился в 1972 году в селе Берёзовка
Токарёвского района Тамбовщины. По профессии — журналист. В на-
стоящее время возглавляет отдел культуры Токарёвского района.*

Автор трёх поэтических сборников.

Член Союза писателей России.

Я полюбил старинные места

Молитва на ночь, доброе тепло,
 От старой, потемневшей батареи,
 Темно в окне, а на душе светло,
 Покою рад, наверное, старею.
 Писать стихи, пожалуй что, ленюсь,
 Читаю книги, к чаю пристрастился,
 Бывает грустно, а порой смеюсь,
 И, думаю, что сильно изменился.
 Мне стали милы здешние места,
 Поля, холмы и иней спозаранку,
 Дорога, дом, церквушка без креста,
 И, тепловоз, ползущий к полустанку.
 Здесь нету гор, и необъятных рек,
 Здесь скромно всё, уютно и со вкусом,
 Здесь по иному счастлив человек,
 Да и печален тоже если грустно.
 Когда приходит поздняя весна,
 И летом засуха, и дождики в уборку,
 Здесь светел снег, а кровь на нём красна
 И степью пахнет от полыни горькой.
 Я полюбил старинные места,
 Поля, овины, рожи и погосты,
 И родники, где так вода чиста,
 Я навсегда приехал, а не в гости.

Ночь без снов

Ночь без снов, не ночь, а так,
 Просто времяпровождение,
 Мыслей тихое течение,
 Выливается в пустяк.
 За окном луны не видно,
 Лишь занудная капель,
 Далеко ещё апрель,

Давит душная постель,
 За окном январь, обидно,
 Что смешались времена,
 И народы, и понятия,
 Веры, судьбы, цели, платья,
 И другие имена.
 У имён давно знакомых,
 Кошку кошкою назвать,
 Уж не смей ядрёна мать,
 Назовёшь и по закону,
 Будешь строго отвечать.

Крещенское небо

Небо нынче такое далёкое,
 Каждой звёздочкой блещет во тьме,
 И бредёт луна кособокая
 По бескрайней русской зиме.
 Обещают ночи в Крещение,
 Урожай, тишину, благодать,
 Торг обильный, всем угощение,
 То по всем приметам видать.
 Звёзд поболее туце прежнего
 Раза в два и туман густой,
 На деревьях инея свежего,
 Ветки словно укрыты листвою.
 А пока морозы трескучие
 Да собаки озябшей вой,
 Да снежинки злые колючие.
 Словно пчёлы над головой.
 Всё кружатся неугомонные,
 В свете лунном, как жар, горя,
 И дома качаются сонные.
 В стылом мареве января.

* * *

*Ночка светлая, бесконечная,
 Ночка зимняя холодна,
 И на небе дорожка млечная,
 Просто так, хорошо видна,
 До луны рукою дотянешься,
 Чуть качнётся упругий серп,
 И ещё на чуток останешься
 У прибрежных озябших верб.
 Зазвенит колокольцем трепетным
 Лунный серп, холодком обдаст,
 Прыгнет сердце удалым стрепетом
 На январский тяжёлый наст.
 В серебро упадёт горячее,
 Колдовскую согревши ночь,
 Чтоб кипели снега стоячие,
 А печали катились прочь.*

В тумане

*В тумане иными нам кажутся вещи,
 Стог сена похож на крутую скалу,
 Крик ворона чудится строгим и вецим,
 И кто-то тревожно скребётся в углу.
 И кто-то по крыше крадётся невидим,
 Железо когтями скребёт в тишине,
 И кто-то кого-то стремится обидеть,
 И что-то мерещится в тёмном окне.
 Собака завыла, испуганно, звонко,
 Скрипит старый дом, о минувшем своём,
 В хлеву тяжело завозилась буренка,
 Но светел с востока земли окоём.*

* * *

*Тихим эхом с далёких околиц
Добавляет чуток новизны
Нехорошее время бессонниц,
В приближение новой весны.
Словно пулю подбрюшьем словивший,
Снег испуганно тянется вниз,
Покидает замшелые крыши
И подгнивший за осень карниз.
Старый кочет уверенно, смело,
Оседлавши соседский плетень,
Чистит перья и между делом,
Объявляет начавшийся день.
Кот-гуляка, минуя преграды,
Поспешает с гулянки домой,
Позади холода. снегопады,
И метели занудливый вой.
Тёплый воздух почти осязаем,
Лишь ладони вперед протяни,
И, наверно, покажутся раем
Эти теплые тихие дни.*

* * *

*Снег растает — никто не заплачет,
Проявивши ненужную жалость,
Дни зимы, будто кони ускачут,
Их морозы, что детская шалость.
В день погожий прилёта грачей
И сожженья вчерашнего лама,
Тает снег — он чуждой и ничей,
Однородна весны панорама.*

Дмитрий НАБЕРЕЖНЕВ

* * *

*Длиннее день и звонче уж капли.
Утихла злоба надоевших вьюг.
Мы наверстаем то, что не успели:
Доцеловать и дохвалить подруг.*

*Пускай была удача слишком редкой,
И тускло освещали путь огни,
Но вновь весна застенчивой кокеткой
Нам возвернет улыбчивые дни.*

*Пускай мы часто в скуке оставались,
Но каждый сам себе твердил: «Живи».
Ах, как же губы уж истосковались
По безграничной трепетной любви.*

*Она придёт, лишая сна и тищи,
Как гостя из затерянной страны,
Чтоб сделать этот мир немного чище
Касанием лирической струны.*

Дмитрий Набережнев родился в 1977 году в р. п. Мучкапский Тамбовской области, где и живет в настоящее время. Работает оператором газовой котельной.

Стихи Дмитрия публиковались в районной газете «Мучкапские новости» и областной «Наедине».

Автор двух поэтических сборников: «Третий Рим» (2007) и «Ковыли» (2010).

* * *

*Воды тёмные, что так парите,
Поглощая ветлы старый скрип.
Показались в озёрном корыте
Звёзды мне косяком ярких рыб.*

*За посёлком, за тихою чащей
Отошёл день усталый ко сну.
Бросил вечер луны восходящей
В камыши золотую блесну.*

*Я не буду томим ожиданьем,
Когда жду чудо таинств впотьмах.
Подсмотрю я за бабьем гаданьем
На окраине в старых домах.*

*Капнет воском на тонкие блюда
Ворожея от тающих свеч,
И во мне страстно чувства забудутся
В предвкушеньи нечаянных встреч.*

*И когда без надрыва и хрипа
Запоют под гармошку сваты,
Мне почудится суженной липа
В белом цвете венчальной фаты.*

* * *

*Дайте мне, загулявшему, крылья,
Стало тесно в земной суете.
Сквозь пустые укоры и пыль я,
Пролетев, растворюсь в высоте.*

*Я бы их, запьянев от простора,
Над кипеньем людским распростёр,
Чтоб в пожарах вражды и раздора
Не сумел опалить их костёр.*

*И когда заболевший полётом,
В облака головою уткнусь,
К почерневшим лесам и болотам
Может быть, я уже не вернусь.*

*Опьянённый восторженным пылом,
С днём прошедшим я нить разорву,
Но забыть навсегда не по силам
Вязкий привкус черёмух во рту.*

*Что ж упорно в себе милость прячем
И не верим в свершенья чудес.
Не живу я глухим и не зрячим,
Чтоб не видеть всей грязи с небес.*

*Её чует натура сорочья
И спешит на помоечный пир.
Потому и душа моя в клочья,
Будто клёванная вся до дыр.*

*Дайте мне, отгулявшему, крылья,
Ведь ни здесь мой спокойный причал.
Я бы прочь от земного насилья
Улетел, удалился, умчал.*

* * *

Моей маме

*Помолись за меня тихо, мама,
И за душу мою, и за плоть.
Пусть под сводами светлого храма
Ту молитву услышит Господь.*

*Стал я помнить сегодня чуть строже,
Как не бейся, и как не живи,
Ничего нет сильней и дороже
Материнской горячей любви.*

*Обращается жизнь в пепелище,
Если смолк сердца близкого стук.
Ничего нет нежнее и чище
Материнских натруженных рук.*

*Нет и не было в мире им равных
И всегда, и во все времена.
Много жён и подруг своенравных,
Только мама бывает одна.*

*Я живу, я борюсь и не ною,
Хоть успел от предательств устать,
Но пред женщиной только одною
На колени согласен я встать.*

*Лишь она не обидит до боли,
Верность в счастье и в бедах храня.
Тяжеск крест материнской той доли,
Что отводит от бездны меня.*

*Помолюсь за тебя тихо, мама,
И за душу твою, и за плоть.
Пусть под сводами светлого храма
Ту молитву услышит Господь.*

* * *

*Не понять, не осмыслить мне многого
В этой вечной безумной борьбе.
Вот и ночь, словно чёрное логово,
Что-то тайное держит в себе.*

*Прячь, не прячь – только красное зарево
Так же в миг все спалит поутру,
Как и я от того взгляда карега
Вспыхну жарким огнём на ветру.*

*Вот кто веет и дышит загадками,
Что там ночь перед ней – только мрак.
Лишь она мне ладонями гладкими
Заживит все следы ярких драк.*

*Когда ивы дрожащие свесятся,
И исчезнет вся робость долой,
Я хотел на качелях бы месяца
Пролететь с ней над сонной землёй.*

*Когда скатится с неба горошиной,
Подмигнув, голубая звезда,
Постучусь к ней, как путник непрошенный,
Опустив вниз глаза от стыда.*

*И надеясь, и веря лишь в лучшее,
Притаюсь и взгляну я в окно,
Может, здесь моё счастье заблудшее
В косах девичьих заплетено.*

* * *

*Ночь тиха, – ни ругани, ни шума,
Только струн созвучья вдалеке
То так радостно, а то угрюмо
Проплывут по травам налегке.*

*Но никто на песнь не отзовется,
И доносит переливный звук,
Как на части чьё-то сердце рвется
От напрасных встреч или разлук.*

*Даже в час потерь или утраты
Нужно быть и крепче, и бодрей,
Потому, гитара, до утра ты
Не тревожь усталых косарей.*

*На покосы скоро им с зарею
Проливать в лугах солёный пот,
Чтобы зимней вьюжною порою
Сеном накормить свой тощий скот.*

*Ночь тепла. Не вздрогнет от озноба
С темнотою целующийся вяз.
Ласковый июнь, мы знаем оба –
Струны те играют не для нас.*

*И не нам спюют о сокровенном,
Что с любимой рай и в шалаше,
Проводя, как лезвием по венам,
Звучностью щемящей по душе.*

* * *

*Ветер свистит или дождь поливает,
День ли бодрит, усыпляет ли ночь,
Всё в первый раз ведь когда-то бывает,
Не повторяясь уж больше точь-в-точь.*

*Первой любви отзвучит серенада,
Струны затихнут, и голос замрёт,
Но сожалеть о том горько не надо,
Нужно, смирясь, продвигаться вперёд,*

*Мы перебором в стремлении нашем
Спесь гордеца и заносчивый нрав,
И вновь на празднике жизни попляшем,
Женские талии крепко обняв.*

*Пусть до меня их другие сжимали
Может быть, в сотый иль в тысячный раз
И за невинность порок принимали,
Млея пред лживою кротостью глаз.*

*Знаю – впервые всё то происходит,
Что лишь в единственном будет числе,
И повторений оно не находит,
Как ни хотелось, на этой земле.*

* * *

*Всё поля, поля да перелески –
Много на Руси таких земель.
Как люблю в восторженном я всплеске
Пить из рук скворцовую здесь трель.*

*Эти песни – птичьи переключки
Стали притяженьем для меня
И уводят снова по привычке
За собою в море ячменя.*

*Ширь моя, раздольем поражая,
Ты всегда жнецам была верна,
Как же в пору сбора урожая
Вспыхиваешь золотом зерна.*

*Все поля от запада к востоку,
Да ометы с севера на юг.
В них и я к назначенному сроку
Поджидал застенчивых подруг.*

*Не боясь томительной нагрузки,
Что остынут встречи, как угли,
Научился я любить по-русски
Так, как наши прадеды могли.*

*Всё поля, и видно как за ними
Высятся, блестя, кресты церквей.
Не добились прутьями стальными
До конца красу земли моей.*

* * *

*О чём я думаю? О чём мечтаю?
Смотря на дождь, что льёт за витражом.
Вновь повесть жизни я своей листаю,
Не изданную крупным тиражом.*

*Но кто читать-то будет с наслажденьем
Её, когда сюжет наивно прост.
Поэтому борюсь, как с наважденьем,
С обыденностью дней, встав в полный рост.*

*Не всё ещё запущено, убито,
И о походах возвестит сигнал.
Пока ж бегу от гибнущего быта
За истиной, что в прошлом не догнал.*

*А на пути, как мерзкие преграды,
Уныние, распутство, лень и гнев...
С дороги сбить любого будут рады,
От власти искушенья почернев.*

*Но до тех пор не будет отделима
Соблазном вера в светлое от нас,
Пока огонь из Иерусалима
Горит в сердцах и взглядах наших глаз.*

Андрей КРУЖНОВ

Советские Штаты Америки, или Исповедь лузера

Монопутешествие за океан в стиле лайт-фарс

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

РАССКАЗЧИК.

I.

В темноте сцены стоят два стула. Выходит РАССКАЗЧИК.

РАССКАЗЧИК (*оглядывая реквизит на сцене*). Так. По-моему, всё на месте. Не богато, конечно, но зато самое нужное... (*Даёт отмашку осветителю и убавляется свет. Кланяется в зал.*) Добрый вечер всем, как говорится. Итак, я вышел на эту сцену, дабы рассказать вам о путешествии в Америку... (*На секунду задумывается.*) Нет. Как-то пресно...

Андрей Кружнов родился в Тамбове в 1962 году.

В юности посещал актёрскую студию при Тамбовском облдрамтеатре, изостудию и литературное объединение «Радуга». Окончил Институт культуры и Литинститут. Работал актёром, преподавателем актёрского мастерства. В настоящее время — актёр Тамбовского облдрамтеатра.

Автор нескольких пьес. «Принцесса-русалочка» (опубликована в 4-м номере «Тамбовского альманаха») вошла в шорт-лист Международного конкурса драматургов «Евразия-2006», поставлена в одном из студенческих театров Москвы.

Моноспектакль по пьесе «Советские Штаты Америки...» идёт на малой сцене Тамбовского облдрамтеатра в авторском исполнении.

Вот! История о бегстве из России в Америку. История странная – на первый взгляд... Я бежал из России или не я бежал из России не суть важно. Вернее, я вообще никуда не бежал. А то ведь некоторые умники спрашивают после спектакля: «Так ты что, из-за своей жены, из-за её любовника в Штаты дёрнул?! С ума сойти!» Конечно, нет. Если я говорю «я там был», значит, я говорю о ком-то другом, но от своего имени. Самое главное, чтобы вы поверили, будто бы я там, действительно, был. Вот такая вот чехарда...

Один маленький вопрос. Просто рассказывать о бегстве скучно, важнее понять, отчего оно случилось. Поэтому вопрос: кто знает, зачем неудачнику родина?.. *(Что-то отвечают из зала.)* Нет, я понимаю, когда ты депутат. Сытый. Довольный собой, недовольный другими. Охрана, неприкосновенность даже. Родина его бережёт. Куда ему без неё? Или там президент. Ну что президент такое без родины, а? Даже подумать страшно, просто некий Дмитрий Анат...ич и всё!.. *(Как бы подхватывая вопрос из зала.)* Творческий человек?.. Пожалуйста, поэт, пишет про свой народ, воспекает родину, за это премии, гонорары, его все любят. Женщины обожают. Такие люди без родины, как ноль без палочки. А какая разница неудачнику, где ему жить. Его вообще стараются пореже видеть, вроде от него можно заразу подхватить... А что, говорят, несчастья хуже гриппа... Вот тоже кризис. Также от какого-то неудачника... Раз! – и пошло, пошло, пошло – цепная реакция!..

А ты, например, вложил деньги в производство прищепок, квартиру свою заложил в банке, бах, и кризис финансовый. Где жить? Что кушать? А кого волнует, родина неудачников не любит. Кто-то, например, два института закончил, три языка выучил. Ага, приехал в Москву и говорит: «Дайте мне высоко оплачиваемую работу». А ему говорят: «У тебя прописки нет?» – «Нет» – «Всё. Пошёл вон, неудачник».

Между нами, все неудачники в России родились за МКАДом. Правда, они об этом даже не догадываются. Маленький мальчик он тоже ведь не знает, что он мальчик, пока не увидит девочку. И пока не знает, спокойно спит. А представьте, у тебя жена молодая красивая, ребёнок. Ты с семьёй в Москве без прописки по углам шарохаешься. Понятно, в семье напряжёнка. Жена терпит сначала, неудачников тоже, бывает, любят. Потом раз – не успел глазом моргнуть, с красивыми жёнами так часто бывает – к ней уже ухарь с московс-

кой пропиской пристраивается, типа, у меня не то что прописка, у меня ещё и квартир как грязи по всей Москве, у меня ещё и папа с мамой доктора наук, ещё и в кино знакомые, сейчас Михалкову звякну и тебя и мужа твоего придурковатого на Мосфильм пристрою.

Вот какая женщина может устоять, а?.. (*Выслушивает ответ из зала.*) Нет. Только та, которая ещё надеется на лучшее. А если она пять лет бегаёт по съёмным халупам, в башке одни и те же вопросы: «А вдруг поднимут квартплату? А вдруг туалет на улице? А вдруг борьба с иногородними, как с нелегалами-таджиками?» Если у неё слабая психика, а у женщин она слабая, то после такой многолетней пытки жена может дрогнуть на рубежах супружеской верности. Вот тогда она начинает сравнивать, а почему у этого удалльца есть всё, а у моего идиота ничего? И тут же ответ – неудачник. Главное, тут думать не надо, объяснение готово, на человеке ставится крест, у неё, то есть у жены развязываются руки, а дальше дело техники!.. И вот тогда ваша пока ещё жена отвечает этому столичному везунчику: «На фиг этого мужа пристраивать, всё равно уже родился неудачно, в деревне какой-то, родители алкаши, квартиру пропили, на сберкнижке ноль целых хрен десятых. Это он только с виду умный, а так тупее дятла. Ему говоришь, ты почему опять над ванной зубы чистил, а не над раковиной? А он, я, говорит, думал. Умный, типа. О чём ты, сволочь, можешь думать, когда ребёнку жрать нечего!.. Нет, нет, пристраивать его не надо никуда, тем более к Михалкову. А то ведь и Михалков обидится, зачем, скажет, мне этого лузера суёте, пусть уж шарахается где-нибудь, раз так родился»!..

Какие верные слова «от любви до ненависти один шаг»... А я даже больше скажу, любовь и ненависть это одно и то же. Корень один – это страстное желание обладать предметом своей страсти. Те, кто любит, понятно, зачем хотят обладать, а те, кто ненавидят, хотят обладать, чтобы исковеркать этот самый предмет страсти до неузнаваемости. А если этот предмет у тебя уже в руках, и вдруг р-раз – вместо любви ненависть, а он в руках, как на грех. Вот тогда бои без правил: ты и неудачник, и губитель молодости, и похотливое чудовище, и совратитель девственниц!..

Я к чему всё это говорю?.. Я сейчас как бы пытаюсь связать странные и разные вещи, но, мне кажется, они очень похожи. История мужа и жены – это история любви и ненависти. Потом история не-

удачника, это уже результат... Вот эти вот две истории обязательно запомните, мы к ним вернёмся...

Я сейчас перепрыгну, вроде бы на другую историю, но это рядом... Начну с главного, без преамбул: когда я оказался в Америке, у меня создалось ощущение, что я попал в Советский Союз! Не в смысле, Советский Союз времён Горбачёва или Брежнева, нет. Такая розовая мечта советского человека, чистая, довольная всем страна, без гоголевских дураков, без булгаковских бюрократов – волшебная страна Оз! В курилку для рабочих заходишь, там стоит автомат, за двадцать пять центов банка кока-колы. Очень удобно и дёшево, если у тебя зарплата две-три тысячи долларов. Кто постарше помнит, в Советском Союзе такие автоматы с газировкой стояли на каждом углу, правда, стаканы оттуда воровали всё время, но утром ставили новые стаканы и так до вечера... Или захожу в Питсбурге в служебный коридор супермаркета и вижу, на стене огромный расчерченный на квадратики лист бумаги. В квадратиках красные флажки, под ними цифры, напротив флажков фамилии продавцов. Я чуть не ахнул, это же график производственного соревнования с фамилиями передовиков, как во времена Советского Союза. У меня сразу сработала машина времени, ага, голливудский фильм «Назад в будущее». Например, Ральф Пип на втором месте по продаже товара, Трейси Коско на первом. Какие-то премии передовикам написаны... Я вышел потрясённый: мы у себя всё развалили, у нас нет соц. соревнований, нет ударников, а американцы, которые считали нас своими врагами и до сих пор считают главными соперниками, у нас это всё скопировали и успешно используют. Вы теперь понимаете, к чему я это говорю?.. Нет?..

Хорошо, наводящий пример. Когда на ринге стоят два боксёра, каждый должен знать про своего противника как можно больше, его технику боя, удары, защиту, слабые места, то есть ты должен вжиться в своего противника, должен двигаться как он, думать как он, чтобы не только выжить, но и победить. Правильно?.. Нет, вы только представьте: две страны стоят друг против друга, как эти два боксёра... несколько десятилетий! Жутко представить, за это время можно так вжиться друг в друга, что реально полностью поменяться телами. Ага, голливудский фильм «В чужом теле». В общем, получают такие «Советские Штаты Америки»... Когда кого-то ненавидишь, становишься похожим на него. Всё это к вопросу о

любви и ненависти. Я по ходу ещё примеры приведу...

Так, на чём я остановился?.. Да, правильно, возвращаемся к истории мужа и жены. Насколько ты был счастлив в первые дни вашего знакомства, настолько ты несчастен потом. Потом, это когда жена решила, что ты в этой жизни неудачлив по вышеперечисленным причинам, ну, помните, не там родился, не те родители, не то имеешь или вообще ничего не имеешь... Когда над этим задумываешься, жутко становится. Думаешь: ведь если индусы правы, ну, что мы рождаемся и умираем бесконечно много раз, значит, эта цепочка неудач тянется ещё, чёрт знает, откуда, ещё с Киевской Руси или даже с пещерных людей. Ты всё время неудачно рождаешься, не в том месте и не в то время. Значит, ты неудачник по жизням!..

Вы, наверно, думаете, я вконец запутался? Нет, могу доказать на самом простом примере. Иду я, значит, по Тверской, а навстречу мне йог из Индии. Я у него спрашиваю, йог, почему я неудачник. Он говорит, потому что ты так сам считаешь. Я говорю, хорошо, но ведь если я буду считать себя женщиной, я ведь ей не стану. Вот мой брат, пашет день и ночь в колхозе, всё время в навозе, в комбикорме, считает, что я в жизни удачно устроился. А моя жена считает, что я устроился неудачно. Кому верить? Я не хочу жить с братом в навозе и в комбикорме, я хочу жить с женой, и чтобы она считала меня удачливым человеком. А ждать до бесконечности я не могу, извините. А тебе скажут, мол, не хочешь ждать, действуй. Я скажу, а как? Тебе скажут, а как хочешь. Я скажу, а как я хочу, не получается. Ну, значит, никак не действуй! И всем убить тебя захочется...

Главное, в этот момент не задать неудачнику вопрос: «Любите ли вы свою родину?» А то он посмотрит на вас, как корова на свой навоз. Родина распалась для него на миллион атомов, как в ядерном реакторе. Осталась чёрная дыра, дырка от бублика, пирожок ни с чем. Да и сам неудачник для своей родины стал как заноза в заднице. Жене мешает устраивать личную жизнь, ребёнку мешает попасть в лицей с крутыми педагогами. Даже знакомым мешает: всё время с такой физиономией ходит, как будто займы просит, мол, вот я какой несчастный, даже мне помочь никто не может, а если может, то не хочет. Знакомые уже думают: «Удавился бы что ли...» Правда, без злобы думают, просто чтобы глаза не мозолил. И, наконец, кто-то хлопает тебя по плечу и говорит: «А не махнуть ли тебе, старичок, отсюда куда-нибудь на край света!» После таких

слов начинаешь верить в чудо...

Да, я уже понял, я проговорился. Ну да, я был в Америке, но это совсем не значит, что вся эта дурацкая история случилась со мной. Такое с каждым могло случиться... Вы, наверно, подумали сейчас: «Хватит врать, откуда ты можешь знать столько подробностей?» Я просто беру общую проблему, например, проблему неудачника и примеряю её, как рубашку. Сразу чувствуешь, где шовчики, где складочки, тут жмёт, там болтается... Просто такая технология. Поэтому если я говорю, я развёлся, я носил рога, меня обманули – не верьте, это те-хно-ло-ги-я, я говорю о ком-то, но от своего имени. Поверьте мне.

Итак, почему я поехал в Америку?.. Честно говоря, мне уже было всё равно, даже больше скажу, в Америку я мало рассчитывал попасть. Сказали, собеседование в посольстве пройти очень тяжело. Но если ты уже отдал деньги, а собеседование не прошёл, извините, это ваши проблемы. Но я решил блефовать до конца: занял деньги на самолёт Москва – Нью-Йорк, демонстративно паковал вещи при жене, вспоминал свой институтский английский, брал у знакомых адреса их родственников, которые жили в Америке, чтобы навесить и передать привет, в общем, готовился. Жена так прониклась моим отъездом, было ощущение, она провожает меня на фронт. Перестала своего любовника ставить в пример, называть меня неудачником... Да что там, скажу больше, она стала жаловаться мне на любовника, оказалось, он жадный и грубый, невнимательный... Оказалось, я как мужчина совсем даже ничего, его со мной и не сравнить. Чтобы не быть ханжой, скажу прямо, у нас начался медовый месяц!..

Если говорить про любовь и ненависть, то вот то, что со мной тогда происходило, можно было назвать промежутком между этой любовью и ненавистью. И я, и она понимали, что всё это вот-вот закончится, что я не смогу ей простить измены, а она не будет со мной счастлива, что семьи, в общем-то, почти и нет. Она к тому времени уже познакомилась с его родителями. Его родители хлопотали о моём ребёнке: ну как же, отец не может сделать такому милому ребёнку прописку в Москве, не может купить квартиру, хотя бы за Садовым кольцом!.. Произошло ещё одно чудо, она стала считать меня героем. Мне так было приятно быть героем, я бы с удовольствием никуда не ездил и всё время был бы героем. Я чуть-

чуть представляю, как приятно быть дважды или трижды героем своей страны. Но дураку понятно, я был герой взаимности и моё время истекало...

Так как же я попал в Америку?.. Просто я прошёл собеседование, случайно. В посольстве подошёл к такому окошечку, как в кассу за зарплатой, а там офицер визовой службы, кореец по внешности. Улыбается мне, я ему тоже. Самое главное, мне нужно его убедить, что в Америку я ехать не хочу, но так вот сложилось. Только тогда, как меня научили одни хитрые ребята, меня туда пропустят. Ситуация очень похожа на проблему иногородних в Москве, меня ловит, к примеру, мент на Ярославском вокзале без регистрации: «Что, – говорит, – понаехали, жлобomorды? Москва не резиновая, гнать вас надо!» Я менту заливать, мол, я в Питере директор турфирмы с окладом в пять тыщ баксов, особняк в четыре этажа и чхать мне на ихнюю Москву с высокой колокольни. Надо бдительность успокоить, убедить, что ты не покушаешься на их работу, квадратные метры и прочие удобства. В американском посольстве примерно так же: вываливаю липовые фотографии в окошечко, вот я рядом со своей коллекцией иномарок, вот я на фоне особняка на Рублёвке, вот красавица жена с тремя детьми, вот мои ученики из элитной школы для слишком одарённых детей... Осталось предъявить фото, где я в обнимку с президентом. Но кореец этот улыбается и смотрит на меня, а не на фотки. Ну, всё, думаю, придётся куда-нибудь в Голландию, за свиньями выгребать. Сразу вижу глаза жены, как они из восторженных становятся такие колючие, безжалостные... И вдруг смотрю, кореец этот пальцем в одну фотку тычет, типа, что это. А там один мой знакомый бурят со мной в обнимку. На дне рождения фотографировались. Я как-то легко так соврал, даже не понял сам: «Это, – говорю, – мой лучший студент, гениальный музыкант, скоро привезу на гастроли в Америку». Больше вопросов у американского корейца не было. В этот же день мне открыли визу...

Вы, наверно, ждёте, что я начну рассказывать какие-то приключения в Америке? Ждёте, да?.. Просто я не могу вот так вот с бухты-барухты взять и начать болтать про Америку!.. Я должен придерживаться одной линии, как бы одной идеи, чтобы подвести вас к какой-нибудь финальной морали, ну, типа, «родина человека это его сердце». Или «от себя не убежишь», или «не женитесь на кра-

сивых и молодых, а женитесь на...» (*Конфузится перед залом.*) У меня бывает иногда, начинаешь волноваться, путаться, несёшь ахиною... Просто когда увлекаешься сюжетом, забываешь о морали, она мешает. А когда пытаешься всё подвести к морали, то история становится плоской, как блин и неинтересной. Ну и плевать, в конце концов, все взрослые люди и могут придумать любую мораль сами. Ну, какая мораль может быть в том, что я боялся упасть в Атлантический океан – ночью на высоте двенадцать тысяч метров я летел в Нью-Йорк – «не бегите с родины самолётами Аэрофлота»? Да никакой морали, просто я напился коньяку и уснул. Это на случай, уж коли падать, то ничего не видеть...

Вот что, я лучше расскажу, как я нашёл в Америке своё давно потерянное чувство. Чувство спокойствия и свободы... Последний раз это чувство я помню ещё в детстве, когда за моей спиной стояли родители, бабушки-дедушки, братья, вся родня. А впереди было безбрежное море будущего... Потом всё исчезло: когда навалились всякие проблемы, когда умерли бабушки-дедушки, ещё хуже, когда родители, разъехались братья, забылась родня. Вот тогда ты начинаешь планировать своё будущее, от одиночества или от страха – не знаю. Мне больше всего нравится – «люди планируют своё будущее!» Абсурднее, по-моему, ничего нет. Я, например, не знаю, понравится вам этот спектакль или нет. Вы не знаете, к концу спектакля вы уйдёте с приятной теплотой на сердце или с досадой. Ведь так? Я хочу, чтобы всё случилось хорошо, но ведь я не планирую. Я действую с добрыми намерениями, но я не планирую. А когда женился, я стал планировать: «Так, так, так!..» Мысли бегают как муравьи «так, так, так, так». И, самое главное, тебе хочется, чтобы жена видела, как они бегают: «Ребёнка в престижный лицей, жене норковую шубу... Так, так, так...» А когда жена подключается к твоему планированию, тебя подхлётывает ещё больше, муравьи ползают ещё быстрее, в голове молоточками: «Так-так-так-так-так-так!.. В Москве квартиру! Так-так-так-так!.. Карьера! Так-так-так-так!.. Слава! Так-так-так!.. Деньги! Так-так-так!..» А когда планы рушатся, в голове уже, не муравьи, а летает рой мошкары «вззз-жж-ззз»... Нервы твои сдают, идеалы изгажены...

И вот ты в Питсбурге, на другой стороне земного шара... Помню как сейчас: был розовый вечер, где-то в июне, знаете, когда от асфальта поднимается тепло. Это была окраина Питсбурга, возле

которой начинался лес, иногда оттуда появлялись косули, выскакивали белки... Кругом только двухэтажные домики и тополя. Детский гомон: дети что-то рисуют на асфальте. Женщина протяжно так зовёт кого-то из окна: «He-enry-y!»... В небе свищут стрижи точь-в-точь как в детстве... Со мной вдруг случилось дежа вю, мне показалось, моя мать сейчас крикнет в форточку: «Сыно-ок, домо-ой!». Ра-аз! – и я оказался в детстве...

Но это было ещё не всё! По тёплому асфальту, изрезанному длинными тенями от тополей, катился маленький автофургон с продавцом мороженого. Фургон был весь яркий разрисованный, как фантик, над кабинкой торчал динамик и оттуда лилась трогательная сказочная музыка... Она летала над улочками, над тополями. Её невозможно было запомнить, уловить, как мимолётный вздох летнего вечера...

И я вдруг почувствовал каждой клеточкой, как из детства я попал в настоящую мечту детства!.. Это была сказочная страна. Там всегда был розовый тёплый вечер, очень похожий на утро... Вот в это мгновение я чётко и ясно осознал – я свободен. А если вправду свободен, ты спокоен. Ощущение этого мгновения осталось во мне навсегда и даже пустило корни. Мне так кажется. Всегда если тяжело я вспоминаю то мгновение, оно для меня имеет бесконечную ценность, потому что случилось не в фантазиях, а наяву. Это как чудо, как откровение свыше, о котором ты не можешь рассказать. Ты видел его, но молчишь! Иначе оно исчезнет!..

Может, из-за одного этого мгновения мне стоило оказаться в Америке?.. Мда...

II.

Так, не будем отклоняться от темы. Здесь вот Россия и тут вот Америка... Напротив друг друга... Хотя сравнивать Россию и Америку дело неблагодарное. Конечно, если бы я был юмористом, я бы всё вывернул наизнанку, ага, высмеял... А что вы думаете, мало над чем посмеяться? Я вас умоляю. Знаете, меня больше всего поразило в Нью-Йорке обилие русских и украинцев. Представляете, посреди сверкающего рекламой Бродвея встречаются две бабульки с советскими верёвочными авоськами, откуда они их выкопали.

Оттуда торчат батоны, лук, макароны... (*Говорит, изображая старуху.*) «Ты куды, Бандюля?» – «Та иду в шопе дрожжец прикупить, брагу затереть для самогону, у Вовки ж свадьба опять!» – «Та ты шо?!» – «А то! Раньше булы дивкы билы, як сахар, а таперь чорны таки, шо ночью не углядишь, наступишь». Ой, сейчас вдруг столько всего вспомнилось!.. Утром из Москвы я прилетел в аэропорт Кеннеди, стою у выхода, судорожно так ищу телефоны знакомых, ну, позвонить, узнать куда ехать, на чём ехать – руки бегают, на лице паника... Это всё равно, что высадка на Марсе, чужая незнакомая планета. И со всех сторон: (*имитируя громкоговорители в аэропорту*) «American airlines... Arrival of the airplane a zero zero seven ten twenty five is late». / «Амэрикан эрлайнс... Арайвл ав зэ эаплейн а зироу зироу севен тен туенти файв из лэйт». *англ.* Американские авиалинии... Прибытие самолёта ноль ноль семь десять двадцать пять задерживается./ Ни одного слова по-русски! Вдруг подходит таксист с ключами на пальце и по-русски с грузинским акцентом спрашивает: «Што, нэ встрэтили?» Честно говоря, я даже вздрогнул, может, я до сих пор в Шереметьево?.. Короче, он полдня катал меня по Нью-Йорку, ага, демонстрировал личный взгляд на «столицу мира»: подвозит к русской школе, там выбежали дети, лупят друг друга портфелями, шумят, матерятся – всё как обычно. Он так заглядывает мне в лицо и говорит: «Матэрятся, слышишь?» – «Ну и что?» – «Как что! Так нэ било там. Тут хужэ»...

Вообще-то, эмигранты обычно хвалят страну, в которой живут, мне так казалось. Ну, а как иначе, если я ушёл от одной жены к другой, значит, я должен говорить, какая она хорошая. Дура полная и уродина страшная, – скажу я, например. А какого ты от первой жены ушёл? – скажут мне. А тут как-то странно... Потом этот таксист завёз меня в какой-то захолустный квартал, дома как заброшенные цеха старой фабрики: все стены исписаны, окна разбиты, железные лестницы, ржавые балконы – ужас... О! наверно, это было гетто. А таксист опять мне в лицо заглядывает и говорит: «Скажи, это архитэктурэ?» Я говорю: «Нет, это не архитектура». Вижу, ему сразу полегчало, слава богу, я ничего другого не сказал. И он уже довольный говорит: «Вся Амэрика такая. Чорт знает что за страна!» Улыбается, главное, и опять в меня уставился. Ему что хотелось, чтобы я назад в Москву рванул? Типа, Амэрика нэ резиновая, на всэх нэ хватит...

Да нет, понятно, он просто оказался посерединке между той самой любовью и ненавистью: с родины уехал, а сюда не приехал, так и болтается где-то между. Он, видно, почувствовал, что я нахожусь там же, посерединке. Он смотрел на меня, как на самого себя, только со стороны. Наблюдал за внутренней мутацией!.. Может, мне надо было возмущаться, кричать: «Америка самая прекрасная страна в мире! Да каждый мечтает попасть в Америку! Как у вас язык поворачивается? Вы, эмигранты, зажравшиеся свиньи!» Мне кажется, он бы меня тогда обнял и прослезился: «Спасибо, я нэ зря прожил эту жизнь в Амэрике». Ну вот, прямо даже неудобно стало за тот случай... Наверно, поэтому он не отвёз меня на автовокзал, а высадил прямо у метро. Ага, забрал последние сто долларов и сказал так серьёзно: «Амэрика – продажная страна». Точно – обиделся... Ты уж извини, брат, у нас сейчас не лучше, чем у вас...

Стоп! Это уже опасная зона, сюда заходить нельзя. У кого лучше, у кого хуже, а что значит лучше, а было ли вообще лучше? Вы не поняли? Я только что назвал четыре темы, по которым можно начать идеологическую войну между двумя странами. Так же как и между двумя людьми. Я уже чувствую шквал возмущённых голосов за спиной: «Как можно сравнивать! Дешёвая популярность! Да из-за таких как вы!..» Так-так-так-так... Тьфу ты, чёрт! Привычка, иногда начинаешь планировать даже во время разговора. Ага, вот и сейчас думаю, как можно вернуться назад к теме мужа и жены, а потом привязать это к теме России и Америки, а потом ещё и соединить их в дружеском рукопожатии. Планирую построить умный и убедительный монолог. А зачем? Разве я могу показаться умнее, чем я есть на самом деле? Стать выше. Тоньше... Да нет, я весь как на ладони: руки, ноги, лицо... Конечно, у меня сидит внутри сильное чувство, я не могу объяснить его словами, я могу только ходить вокруг него, как котёнок возле горячего молока. Какие темы? Какие выводы, наставления? Да я плевать хотел на все наставления, на всё «это должно быть так или так»!..

Интересная вещь, у меня был довольно сносный английский и произношение, ну, как считали в школе. Жена так вообще думала, я говорю на нём как на родном, потому что сама помнила только (*специально с ужасным произношением*) «My name is Vasya»/«Май нэйм из Васья» *англ.* Меня зовут Вася./ Но когда я оказался в городской толпе Нью-Йорка, мне показалось, я плыву в океане мурлыкающих

котов: «Рр-ууаа-уу-ррр...» И только через несколько дней начинаешь улавливать что-то подобное словам среди этого мурлыканья: «Really, respectable... Round the river... Are you ready? Uau, Robin ride around Rome! Oops, he is very irresistible resident in our residence»... /«Рыли, респэктабл... Раунд за рива... А ю рэди? Уау, Робин райд эраунд Роум! Упс, хи из вэри ирризыстабл резидэнт ин ауа резидэнс» *английский набор слов и звуков.* / Первые три месяца у меня просто раскалывалась голова, как будто каждый день меня заставляли слушать сломанный радиоприёмник.

Слава богу, жена не видела моего бесчестья... Когда-то, когда её любовник был просто нашим общим знакомым, был праздник, мы что-то выпивали и я заболтал на английском (*специально с ужасным произношением*): «If you want to have a brother, say your dad to have your mother». /«Иф ю уонт ту хэв э бразер, сэй ё дэд ту хэв ё мазер» *англ.* Если ты хочешь занять брата, скажи своему отцу, чтобы он заимел твою мать./ Он прямо сгорбился за столом от зависти. Ему всегда было плохо, когда я мог делать то, чего ему было не дано. Мне нравилось играть на этом, я даже испытывал злорадное наслаждение, особенно, когда заглядывал ему в лицо после такой пилюли. Я уверен, в глубине души он считал себя неудачником, а иначе, зачем ему было вбивать в голову моей жене, что я неудачник. Я просто абсолютно уверен. Мне нужно было выглядеть на все сто, раз я оказался в Америке. Я имею в виду, перед моей женой. Слава богу, мы общались только по телефону, и я мог нести всё что угодно. И что меня здесь считают за своего, что у меня йоркширское произношение, что американки вешаются на меня, а негритянки просто готовы на всё... В трубке сразу тяжёлая пауза, вздох, и вот уже её голос становится бесцветным... Мне было приятно, что я могу вызвать у неё хоть какие-то чувства. Она до сих пор не знает, в какие дурацкие ситуации я попадал со своим школьным английским. И никогда не узнает. Нет, не потому что я до сих пор хочу пускать им пыль в глаза. Просто у них своя жизнь, а я уже в прошлом, я уже неинтересен, как просмотренный спектакль...

А случаи были интере-есные. В одном супермаркете, куда я только что устроился, работал огромный такой грузчик: кулак где-то с мою голову, ходил вразвалку, казалось, он хочет присесть в стойку сумоиста перед боем. Даже вот просто идти ему навстречу было жутковато. А тут он вдруг узнаёт, что рядом работает парень из

Moscow, и, наверно, ему стало неудобно, что он со мной ещё не познакомился, не сказал «Hi», не попил кока-колы в курилке, ну, и решил ошибку исправить. И вот навстречу мне идёт громадная дитина, руки растопырены, на лице глупая ухмылка, как у маньяка, когда он идёт на свою жертву, голова без шеи, как будто ведро на плечах и урчит басом: «Хэллоу, бади!» Со световой скоростью в мозгу пролистываются все словари: хэллоу, хэллоу, хэллоу – привет! Ага! Бади, бади, бади... Нет такого слова, со школы я знаю только «боди» – тело. Наверно, в Детройте такое произношение. Это, значит, он мне сказал: «Привет, тело!» Какой ужас! А этот шкаф надвигается на меня, я в панике! Привет, тело, это, значит, привет, мой будущий трупик! Он какой-нибудь садист или сексуальный извращенец. Скорее всего, он гомосек, я просто кусок мяса для его похотливых утех. Это же Детройт, чёрт возьми, он же кишит полулегальными арабами и африканцами! Кто, ну, кто будет искать какого-то вшивого русского?! Я уже представил, как я голый валяюсь в луже крови в каком-нибудь забытом подвале этого магазина, огромные окровавленные тесаки, как в фильме «Доктор Лектор», рядом сломанная об меня бейсбольная бита... Неестественно так лежу, неудобно, потому что мне уже всё равно. И так это ясно представилось, до жути!.. Когда до этого амбала оставалось два шага, я подскочил вверх, как чёртик на пружинке и перелетел поддон с коробками в человеческий рост. Я никогда так высоко не прыгал. Потом этот бугай ещё несколько раз пытался поймать меня, но я исчезал, как только видел его издалека. Я даже хотел уволиться отсюда. Но он, видно, понял, что поймать меня ему не удастся, и махнул рукой. Я был очень горд собой и считал себя героем: удалось выжить, сохранить хладнокровие, не струсить...

К чему я это говорил? Ах, ну да, я позвонил жене, рассказал этот триллер... Почти Хичкок! Она даже заплакала, сказала, никогда не простит себе, если со мной что-то случится... Неужели я должен был ей рассказать, что «бади», это я потом узнал, означает «дружище». Хэллоу, бади – привет, дружище! Всё очень дружелюбно... Интересно, что этот верзила обо мне подумал?.. Crazy Russian boy – сумасшедший русский!.. /«крэйзи рашн бой» *англ.*/

Полгода... Целых полгода или всего полгода прошло, и я уже разговаривал с америкасами по телефону: «Ye, if you wanna bay my car, you have to bay my insurance, because its very expensive to bay it

in another place... I got it... Appreciate!.. O'kay!...» /«Йэ, иф ю уона бай май ка, ю хэв ту бай май иншуаранс бикоз итс взри икспенсив ту бай ит ин эназа плэйс... Ай гад ит... Апришиэйт!.. O'кэй!...» *англ.* Да, если ты хочешь купить мою машину, ты должен купить мою страховку, потому что в другом месте она выйдет дороже... У меня есть... Благодарю!.. Пока!.. /Почему по телефону? Потому что сложнее всего, когда не видишь говорящего, его глаз, жестов. На родном языке этого не замечаешь, и вдруг оказывается, это очень важно. Мне, например, сейчас было бы гораздо спокойнее спрятаться где-нибудь за ширмой и говорить оттуда, не стоять под обстрелом ваших взглядов, не контролировать малейшее своё движение... Хотя многие мои слова из-за ширмы, наверняка, вам показались бы полной чепухой. Вам нужны мои глаза, мои жесты, сразу видно вру я или нет, дрожат ли руки от страха, бегают ли глаза... Мда...

В общем, я наблатыкался по английшу и мог уже приударить за какой-нибудь амэрикан гёл... Идиот. Как будто для любви важен язык. Нет, нужны всё те же самые жесты и взгляды. Кахрамон, узбек, сосед по дому, он жил этажом выше, который вообще вместо «thank you» говорил «танк ю», в первый же месяц схлестнулся с одной негритянкой. Такие аппетитные формы – его приятели узбеки просто слюни глотали... А что я? Я думаю, их свела тёмная кожа, чёрные волосы, такая расовая схожесть. Плюс заморская новинка... Я, конечно, мог бы специально за кем-нибудь приударить, потом специально похвастать своей жене. А иначе зачем приударять за кем-то, если тебе этого не хочется... Нет, мне хотелось чего-то доброго... Правда, это трудно сформулировать словами. Нет, я не завидовал Кахрамону, не подумайте плохого, я просто удивлялся, как у него всё лихо получалось – в Ташкенте любимая жена, дети, никаких любовников, ждут его. Он им даже деньги перестал посылать, ага, на эту негритянку тратил. А жена мусульманка его ждала, переживала, наверно... Да, я тогда позавидовал, пожалел, что я не узбек.

А узбеков в Америке было полно, так же как у нас сейчас. Да нет, вру, не только узбеков, в Америке было полно и молдаван, и казахов, украинцев, белорусов, армян... Тысячи... Целое море неудачников хлынуло на территорию Штатов, как будто прорвало плотину, как будто всемирный потоп!.. Я в Америке перестал себя чувствовать неудачником. Нет, совсем не потому что рядом не было

жены с её изменами, не потому что я перестал планировать – нет. Я оказался среди таких же неудачников, а это успокаивает. Дворники, водители, бизнесмены, миллионеры – никто сломя голову просто так не побежит из дома, все были с червоточиной. Я много знаю историй. Булат, мой сосед казах, у него была несчастная любовь, ради любимой девушки продал квартиру, забросил свой магазин и влез в долги. Игорь, молдованин-бизнесмен, разорился из-за какой-то аферы, скрывался от бандитов. Кахрамон, узбек, ему нужно было выдать дочерей замуж. Артур молодой армянин, тому просто надоело жить на родительские деньги, слушать упрёки... Был даже начальник городского отдела культуры из Западной Украины: Петро, умный такой, вспыльчивый мужик, иногда под водочку вспоминал про гастрольные банкеты с известными артистами, певцами, вспоминал Кобзона, Ротару. А как советская империя развалилась, Петро потерял уважаемую должность, жена ушла. В сердцах он плюнул в сторону нового начальства и отправился, как он сказал, «дывиться, як загнивають буржуи в Америце». Уйма историй, твой несчастный случай всего лишь капля в море. Он даже перестаёт казаться несчастным, просто случай, каких тысячи, а, может, и миллионы...

Целое море беженцев... Они внесли столько здорового оптимизма, столько силы советского духа в их «загнивающий капитализм». Америкосы вообще как-то спокойно, как-то расслабленно до этого жили... В глубинке Штатов можно ещё найти этих наивных исторических американцев: они, уходя на работу, не запирают свой дом, у входа в кинотеатр у них не стоят контролёры, у незнакомого дантиста можно запломбировать зубы в долг – тебе верят, считают, что врать и обманывать неприлично, что ты с этим согласен. Они не знают нашей поговорки «не пойман – не вор»!.. В Нью-Йорке быстро всё поняли: к дантисту уже нельзя было сесть в кресло без документов, на входные двери ставилось по несколько замков, а у кинотеатров появились вышибалы. В Нью-Йорке американцы перестали быть такими расслабленными, у них даже изменилась походка. Обычный средний американец ходит широко расставляя ноги, как будто пытается плыть на двух лодках... Вот так... *(Показывает.)* Под ноги никогда не смотрит, так же как не задирает голову вверх. Он идёт и не боится, что сверху на него упадёт сосулька или кирпич, а внизу будет открыт люк или вырыта яма. Кто их к этому

приучил, я не знаю, но так на самом деле. Я думаю, иногда человек должен себя чувствовать неудачником и опускать глаза в землю или поднимать вверх, спрашивая помощи. Иначе свалишься куда-нибудь и покалечишься к чёртовой матери!.. Да, да, нельзя быть всё время хозяином жизни, нельзя занимать весь тротуар своей тушей, нельзя всё время пользоваться успехами родителей, их деньгами, квартирами, связями. Нельзя смеяться над другими, у кого этого нет. Нельзя отбирать у них последнюю радость, уводить их жён, детей... Нельзя этого делать!.. Нельзя...

Хотя всё это глупости. Никто никуда жён не уводит, они уходят сами, дети вырастают и делают свой выбор тоже сами, только чуть позже... А быть неудачником совсем не хочется, ни грамма. Это я так, для красного словца. Ведь красиво сказал, правда? «Человек должен иногда быть неудачником, чтобы поднимать глаза к небу и молиться или опускать их вниз и каяться». Мне нравится, я даже запишу... *(Записывает.)* На самом деле, когда ощущаешь себя неудачником, это мешает. Вот из-за этого я и не смог закрутить ни одного романа, пока жил в Америке. Полный идиот. Узбеки, украинцы, не зная ни слова по-английски, встречались с американками, даже просили меня писать им какие-то записки, приводили их ко мне в гости: сажают меня посередине и я перевожу их любовный диалог – честное слово. Самое главное, они были уже любовниками, этот разговор им нужен был, чтобы узнать у кого сколько денег в банке, есть ли жёны-мужья-дети, и собираются ли они жениться-разводиться. Да, в главном женщины везде одинаковы... В конце концов мне это надоело. Сколько можно!.. Я решил закрутить роман. Это было даже не назло жене, а назло себе. Я чувствовал, как у меня падает уважение к самому себе. Нет, я, конечно, мог бы и наврать и жене, и друзьям о своих любовных успехах. Честно говоря, потом и, правда, много приврал... Но я-то сам себе не могу наврать! Если я, извините, стану импотентом от низкой самооценки, то как бы я ни врал, в постели мне это не поможет. В общем, я решил взять быка за рога. К тому времени я был уже знаком с Трейси, у неё были соломенные прямые волосы, конопатое лицо и огромные очки. Её предки были из Ирландии и она гордилась, что родом из этой каменистой суровой страны. Она так сжимала свой маленький кулачок и говорила: «I'm Irish!», «я – ирландка!». Трейси была на удивление начитанной, читала русскую классику, люби-

ла Феллини, Формана, то есть полностью оправдывала звание «очкарик». Я решил признаться ей в любви...

Конечно, это выглядело дико: в узком коридоре, заваленном коробками с товаром, сверху сыплются какие-то фантики или наклейки. Я схватил её за плечи и стал быстро говорить, что мог бы её полюбить, но моя жена мешает мне и плетёт против меня какое-то нехорошее дело; что я очень талантливый поэт и мог бы написать ей любовную поэму, стать знаменитым и богатым; мы могли бы усыновить кого-нибудь из Африки, если бы женились; она бы никогда больше не работала в этом дрянном супермаркете укладчицей товара; мы бы сняли домик где-нибудь во Флориде, купили автофургон, забрали к себе её родителей и отправились путешествовать, например, в Москву; я бы познакомил её с друзьями, со своей милой дочуркой; потом бы поехали в Ирландию уже вместе с друзьями и с моей дочкой... Я говорил так быстро, будто боялся забыть что-нибудь. Её глаза становились всё больше и больше. Потом мне на голову свалилась картонная коробка, Трейси ткнула в меня своими кулачками и убежала... Эх, Трейси, Трейси...

Я, наверно, плохо говорил по-английски. Она, по-моему, половину не поняла или поняла как-то по-своему, не в лучшую для меня сторону... На следующий день я вдруг обнаружил, что Трейси не вышла на работу. У меня всё похолодело внутри, что-то заныло так тревожно. Но я себя старался успокоить, типа, ничего страшного, заболела, вон, тот амбал из Детройта, тоже не хотел тебя убивать, а ты чего-то нафантазировал, накрутил... В обед приехал Петро на своём «линкольне», мрачный, злой и сразу ко мне: «Поихалы!» – «Куда? Я ж на работе» – «Усё, отработался. Через две години зараз будэ польция. За то время надо будэ утитать у соседний штат Огайо». Оказывается, старший менеджер супермаркета, он был русский, отзвонил Петро и сказал, что одна из работниц магазина позвонила в полицию и заявила о сексуальном домогательстве какого-то русского. В полиции работал его знакомый украинец, он сказал, что через два часа они будут в магазине. Они давали мне два часа, чтобы сбежать из штата. Я быстро загрузил в багажник свои небольшие пожитки, и мы рванули в Огайо. Я не хочу долго и пространно описывать судебную машину Америки, службу полиции, но не приведи вам бог оказаться между её шестерёнками – она работает чётко, быстро и безжалостно. У нас так чётко, наверно,

работало только НКВД, когда охотилось за «врагами народа».

Я ничуть не злился на Трейси и не злюсь до сих пор. Мы с ней были хорошими приятелями, много болтали, она рассказала, что муж бросил её, связался с какой-то молоденькой негритянской, что она не может иметь детей и очень жалеет об этом. Может, из-за этого много читала и думала? Счастливая женщина, прости господи, должна быть слегка глуповата. Я расписывал ей коварство и измены своей жены, приплёл какой-то сборник стихов, который собирался написать «Poetry of the covered with wounds heart» /»Поэтри ав зэ кават уиз уонтс хат» *англ.* / – «Поэзия израненного сердца». Чёрт меня дёрнул!.. Когда встречаются мужчина и женщина и собираются лечь в постель, они не должны быть жалкими и побитыми, иначе в постели им останется только плакать... Я молчу! Я не сказал слово «неудачники»...

III.

Вся эта история вспоминалась бы как смешной казус, если бы через год я не заехал в тот самый город, где жила Трейси... Как долго у них полиция хранит всякие жалобы... Я решил сдать на права в этом городе, потому что здесь был мой счёт в банке и моя регистрация. К тому времени всё у меня складывалось замечательно: я стал клиентом одной влиятельной адвокатской конторы, она защищала права эмигрантов – я мог стать гражданином Америки! Я купил серебряный «форд», скопил денег на небольшой домик, раз в два месяца посылал дочери огромную коробку с подарками, раз в неделю по телефону разговаривал с женой, небрежно, как будто устал от этих разговоров... Её голос теперь всегда был бесцветный и далёкий-далёкий... Я начинал чувствовать себя американцем – честное слово. В магазине старался купить что подешевле, экономил даже на соли, всегда улыбался, стал вежлив, открывал дверь и пропускал идущего навстречу со словами: «Excuse me!»; приветливо моргал глазами, когда встречался с чьим-то взглядом, говорил: «Hi!». Иногда я даже видел сны на английском языке, а иногда не мог вспомнить какое-то русское название... И вот в этот самый момент в полицейском участке, где я собирался получить водительские права, какая-то рябая американка с перепуганными глазами

решила проверить меня по базе данных полиции. Чёрт её дёрнул!.. Помню как сейчас... Я стою у окошечка, долго стою – я же не знал, что мою фамилию в это время пробивали по базе. Вдруг кто-то сзади хлопает по плечу, оборачиваюсь – двое полицейских с настороженными лицами. А, понятно, почему было двое, как же – опасный насильник!.. Но тем не менее: «Excuse me, ser!»... /»Экскьюз ми, сёр» *англ.* Извините, сэр!/

Прошло несколько дней прежде чем они узнали, что я не насильник, письменного заявления нет и держать меня, в общем-то, не за что. Но какие это были несколько дней!.. Меня сразу же отправили в одиночку: три стены и четвёртая – это большая двигающаяся решётка, тебя видно как на ладони. Вдоль камер длинный коридор, по которому ходят только три раза в день, чтобы принести еду и просунуть её сквозь прутья. Я сначала никак не мог поверить, что всё это происходит наяву. Когда начальник охраны спросил, а нет ли у меня склонностей к самоубийству, я пошутил и сказал, что если меня так часто будет хватать полиция, я, наверное, повешусь. Начальник охраны шутки не понял и приказал мне раздеться догола. Дикое, беспомощное положение! Не было даже носков. Ну как же, я ведь мог их связать и повесится на гвоздике для мольницы... На меня одели толстую робу до самого пола, без рукавов, без пуговиц, дали тапки и повели в камеру. Раковина, унитаз и нары – всё вырастает из пола, всё в кафеле. Даже если бы я очень захотел повеситься, мне бы не удалось, если только разбежаться и дать головой о стену... Я не хочу врать, я не чувствовал себя ни графом Монтекристо, ни узником из голливудского фильма «Зелёная миля», нет. Я даже не чувствовал себя неудачником... Я понял, что я насекомое, мошка, которую накрыли колпаком. Мне оставалось только одно – сидеть и ждать... Сидеть и ждать... Я перестал думать, планировать было нечего, загадывать смешно, предполагать глупо... Вот, принесли варёную фасоль, я её съел, вылизал тарелку... На улице ровно восемь, солнце как раз касается козырька крыши. Значит, ещё день прошёл. Значит, всё ближе и ближе какой-то финал... Гремят ключи, кого-то уводят... Жутко, если представить, что его повели на электрический стул, а завтра твоя очередь... Запах горелого мяса, как запах кокаина – сладковатый и обморочный... Здесь ты уже не философствуешь о неудачниках, о любви и ненависти, здесь ты ощущаешь каждое мгновение, как песок пальцами, здесь нет прошлого и будущего... Зябко в этой робе, надо бы свернуться калачиком...

За две недели в одиночке, я научился быть невидимкой. Это когда ты перестаёшь ощущать себя частью окружающего пространства, время становится тягучим, как смола и ты вдруг видишь себя со стороны, свернувшегося калачиком, на голых нарах, в толстой робе... Я вдруг понял, что я не хочу выходить из камеры, да.

Я понимал, меня депортируют, нельзя нелегальному эмигранту просто так вот выйти из тюрьмы, даже если ты невиновен. Только домой... А в том доме с моей женой жил другой человек, водил моего ребёнка в школу и смотрел мой телевизор... Вы чувствуете, приставка «мой, моя» здесь выглядит как-то смешно... И куда, по-вашему, я должен был вернуться? В пустой дом в деревне, где меня уже все забыли, а, может, и похоронили?.. Я как будто застрял между двумя странами или между тем Светом и этим. Ведь разобраться, я хотел не так много, я никого не убивал и не грабил, не насиловал, не воровал, но был загнан за такой можай, что и врагу не пожелаешь... Глупо говорить: «За что, Господи?» Ни за что, а потому что... Потому что поиски Рая на нашей грешной земле всегда заканчиваются тюрьмой или полным крахом ... И не надо ко всему приплетать Господа, у него и без нас забот хватает.

Я вспомнил тогда про тот фургон с мороженым из Питсбурга.

Как жаль, что такие видения мимолётны, как жаль, что люди, как правило, их забывают, как хорошо, что я не смог его забыть...

Человек должен иногда быть неудачником, чтобы поднимать глаза к небу и молиться или опускать их вниз и каяться.

ЗАНАВЕС

Вячеслав Богданов – 75

Поэту Вячеславу Алексеевичу Богданову – 75 лет. Горько сознавать, что уже 37 лет его нет с нами. Он мог бы ещё жить и творить. И хоть немало написано им стихотворений и поэм, всё-таки он до конца как поэт не реализовал себя.

Далеко не всё созданное Вячеславом Богдановым было опубликовано при его жизни. И как продолжение её воспринимаются изданные после 1975 года в Москве, Челябинске и Тамбове сборники: «Возраст»,

«Самое дорогое», «Чистые снега», «Возвращение», «Она всегда неповторима – Русь!». Их с любовью готовили Виктор Михайлович Сошин, двоюродный брат Вячеслава Богданова, его друзья и соратники, в первую очередь известный поэт Валентин Васильевич Сорокин.

Вячеслав Богданов – наш земляк. Ежегодно, начиная с 1997 года, в Тамбове и в Мордовском районе проходят Богдановские чтения: конференции, литературные вечера, презентации книг. В 1998 году администрация Мордовского района учредила литературную премию «Светунец» имени Вячеслава Богданова, которая вручается московским и тамбовским поэтам, прозаикам, журналистам, работникам культуры, учителям, библиотекарям. В Мордовской районной библиотеке, носящей имя поэта, открыт музей. Рядом с библиотекой установлен бюст Вячеслава Богданова.

Юбилей Вячеслава Богданова совпадает с юбилеем Тамбовской области. Они ровесники. Поэт любил свою малую родину, под небом которой у него рождались прекрасные стихи.

Родная степь

*Вновь дорога вечером остынет
От жары полдневной и колёс.
Будет степь похожа на пустыню,
В жёлтом свете месяца и звёзд.*

*За селенье выйду в час вечерний
И в степи увижу за селом,
Как ночная птица небо чертит
И звезды касается крылом.*

*А река в ромашковых низинах
Завздыхает чисто, глубоко,
Где коровьим стадом и бензином
От дороги тянет широко...*

*Ой, ты, степь, просторы непростые,
Хлебный ветер с перезвоном ржи!
Почему мерещишься пустыней?
Ты – полёт и жажда для души!*

*Я мужал на ветровых высотах,
Грелся у плавильного огня, –
Чернозёмным вешним разворотом
Ты звала – гудящая – меня.*

*У огня, на заводском Урале,
Ты давала силы мне вдвойне, –
Видел я в кипенье буйном стали
Буйство чернозёма по весне...*

*Ты моё дыхание и пенье,
Я с тобою выше и видней.
Ты моя от самого рожденья,
Ты в крови – от неба до корней!*

*Ты сумела мне судьбу пророчить.
Я в свои шестнадцать полных лет
Был тобою послан в край рабочий
И теперь представлен как поэт!..*

Утро в деревне

*Полнеба вспыхнуло зарёю,
И отступили стайки звёзд –
А солнце где-то за рекою,
Сменив луну, встаёт на пост.*

*Доносит ветер дальний рокот
С весны бессонных тракторов.
Пастух на улице широкой
Погнал на пастбище коров.*

*Лучами солнце тени режет,
Бледнеет дымка над прудом,
И пахнет утренняя свежесть
Парным душистым молоком.*

Ожидание

*А к вечеру, как видно, будет дождь,
Хоть полдень был по-летнему хорошим.
И ты ко мне захочешь – не придёшь,
Я от тебя грозю отгорожен.*

*Шумит, шумит весёлая ветла
И на ветру заигрывает с вязом...
Любовь к тебе на сотни лет светла.
Кружусь, как спутник, что с Землёю связан.*

*...Дождь убежит под радугу с горы,
Под солнцем травы влажно заалеют.
И нас берёзы – белые костры –
В зелёном доме тишины согреют.*

Выхожу я в поле

*Выхожу я в поле,
Снова замираю –
От любви до боли
К дорогому краю.
Дышит ветер сонно
И кудлатит волос.
Рожь от горизонта
До груди простёрлась.
В цехе, на Урале,
Труд в мартенах жарок.
И степные дали
Для меня – подарок.
Увезу отсюда
Я загар на коже.
И не позабуду
Куст сирени тоже.
Увезу я ветер,
В волосах уснувший,
Летние рассветы
С кваканьем лягушек,
Голубя рябого,
Что прижился в сенцах, –
Всё возьму с собою,
Лишь оставлю – сердце.*

В отпуске

А. Стрыгину

*Эх, и кони! Да что им усталость!
Мчатся, шеи сгибая в дугу.
Раскудрявилась ширь, распласталась!..
Аж в груди уместить не могу.*

*Утопают степные посёлки
В знойной дрёме звенящего дня,
А кругом так поют перепёлки.
Словно только и ждали меня.*

*Пролетают машины по тракту.
А в степи – сенокосный «аврал» –
С волокушей движется трактор,
Гору сена в объятья забрал.*

*Дед ко мне пристаёт с разговором,
Уж двадцатый вопрос задаёт:
– Ты надолго? Хорош ли ваш город?
Сколько платят? А как там завод?..*

*– Помолчите пока хоть минуту,
Для беседы достаточно дней.
Я про всё расскажу, а куда
Припугните горячих коней.*

*Я забыл про дыханье мартена,
Где поля вспоминались не раз.
Слышишь запах душистого сена?
От него я хмелею сейчас.*

*Дайте возжжи. А ну-ка, гнедые!
Пусть я с детства ушёл на завод.
Но в руках молодых и доныне
Деревенская хватка живёт.*

*И знакомо мне счастье земное.
И любой покоряется труд.
Я ошпарен мартеновским зноем
И степными ветрами продут.*

Васильевка

*Моя Васильевка родная,
Тебя забыл я до поры.
Но снова память вырастает,
Как воз идёт из-за горы.*

*И воз горит зелёным светом:
Свободен путь! Свободен путь!
И думы, словно росы с веток.
Мне освежили разом грудь.*

*В твоих, Васильевка, широтах
Я жизнь познал под шум листвы –
От воробьиного полёта
До горя матери-вдовы...*

*Я на ветру дорожном, гулком
Провею думы в нужный срок,
Как мать в войну в глухом проулке
Пшеницу веяла в платок...*

*Сгущался сумрак, словно ужас,
А зёрна, падая, цвели...
И, озарясь, запали в душу
И через сердце проросли.*

*К тем дням свежа моя дорога.
Судить о жизни не тому,
Кто только что сошёл с порога,
А кто вернулся вновь к нему!..*

Яблоня

*У тропы заросшей третий год
Одиноко яблоня цветёт.
Цвет её пушистый и сквозной
Переполнен солнцем и весной.*

*Где же твой хозяин? – Расскажи.
Он куда уехал из глуши?
Он разрушил дом свой и забор,
Навострил и на тебя топор.*

*Постоял, постукал по коре
И топор припрятал во дворе.
И тебя оставил на тоску
Доцветать вдовою на веку...*

*Ты скажи мне, яблоня, скажи:
Как тебе живётся тут в глуши?
И к ногам ложится, как ответ,
Только горький майский пустоцвет.*

Полдень

*Издадека, качаясь сизо,
К селу придвинулись поля.
И полдень радужно пронизан
Медовым вылетом шмеля.*

*И я, работою наполнен,
Спешу дорогой столбовой,
Свои заботы, словно полдень,
Несу высоко над собой.*

*А там, у дальнего причала,
Где копны свежие видны,
Стогласо песня зазвучала
Моей родимой стороны.*

*И облака – земная проседь –
Дождливо смотрят с высоты.
И звонко жёлтые колосья
Бессмертьем солнца налиты.*

Природа

*Отлого дремлют берега,
И подо льдом река сонлива.
Лениво падают снега,
И облака плывут лениво.*

*А за околицей села,
Придя от снега в удивленье,
Берёза ветви подняла,
Остановилась, как мгновенье...*

*Роняют сосны колкий свет,
Зелёный свет весенней жизни.
И кажется, в природе нет
Ни бурь, ни зла, ни катаклизмов.*

*А есть лишь даль, где лес встаёт,
Камыш желтеет над рекою...
Природа тоже устаёт,
Природе хочется покоя.*

* * *

*Выплывают, дали серебра,
Медленные звёзды сентября.*

*Задрожали яблони в саду,
Водят ветры осень в поводу.*

*О зелёный пламень сосняка
Чешут клёны рыжие бока.*

*Ой, ты, осень, золотая быть!
Вышел месяц, сгорбился, бобыль.*

*Он глядится старчески в реку,
Опершись на жёлтую клюку...*

*А вдали, на убранных полях,
Закружился вечер в лемехах...*

*И по росам дымной борозды
Краток путь до голубой звезды...*

Слово

*Каждый день идут дожди сурово.
Заслезилась думы и глаза.
Залегло несказанное слово,
Где с землёй сомкнулись небеса.*

*Слово, слово – дальняя жар-птица!..
На каком искать его пути?
И с небес к нему не опуститься,
По земле к нему не подойти...*

*Погляжу во все концы без страха
И спрошу, как самый давний друг:
– Подскажи, ты слышишь, славный пахарь,
Подскажи, известный металлург!*

*Перед правдой дело не уроним,
Добывая слово, словно честь,
Чтоб его, как яблоко в ладони,
В час усталый людям преподнести.*

Чистые снега

*Жёлтым стоном в октябре простонет
По лесам прощальная листва.
И в объятья полевых просторов
Упадёт дождями синева.*

*Прослезится на корню капуста,
Из-за веток вытают дома...
С плеч осенних золотая усталь
Скатится зарёю в закрома...*

*Встанет утро из густых туманов,
И в разгуле солнца и ветров
Будет степь казаться океаном,
И стога – как головы китов.*

*Разбредутся по жнивью коровы,
Собирая время на рога...
И однажды лягут в изгололье
К нашим думам чистые снега!..*

Лес

*Весенний лес – зелёная истома –
С зарёю вышел к нам из темноты.
И небеса, укутанные громом,
Легли на даль сосновой красоты.*

*Вчера был дождь, и сильный, и полезный,
Качались дали, словно на весу...
Метались яро молнии по лесу.
Чего они искали там, в лесу?*

*Я сам иду по лесу не случайно.
Ведёт тропа меня, как волшебство.
Живёт в лесу непознанная тайна,
Всего земного – кровное родство.*

*Живут в родстве букашки и берёзы,
И белка с думой о семье в дупле...
И не случайно с неба сходят грозы –
Они родились тоже на земле!*

Тамбовские земли

*Нету края степному раздолью...
Подступив к огородам села,
Серебрится ячменное поле,
Разомлев от дождей и тепла.*

*Развернувшись и влево, и вправо,
Набирая зелёных высот,
Лесополосы, словно составы,
Уползают в седой горизонт.*

*А над полем спокойно и трудно,
Где кипит огневая страда,
Как рабочие сельские будни,
Напряжённо гудят провода.*

Желание

В. Сорокину

*За какими делами захватит
Час последний в дороге меня?
Я б хотел умереть на закате,
На руках догоревшего дня.*

*Я с рожденья не верю в беспечность,
И за это под шум деревень
Впереди будет тихая вечность,
Позади – голубеющий день...*

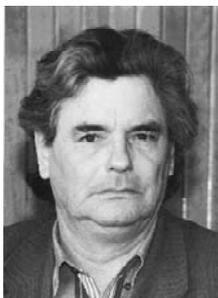
*Вам на память оставлю заботы.
Я не шёл от забот стороной
И покой на земле заработал –
День последний остался за мной!*

*И за мной – отшумевшие травы
И железных цехов голоса...
А во мне эту вечную славу
Приютили душа и глаза.*

*Приютили, взрастили, согрели
Всем, чем мы и горды, и сильны,
И вплели в полуночные трели
Соловиной сквозной тишины...*

*По дорогам нетореным, тряским
Из-под рук моих песня и труд
Далеко уходили, как сказки,
И как сказки, со мною уйдут...*

Виктор ГЕРАСИН

ПРОСТО «ЛИТСТУДИЯ КОТОВСК»

Как правило, литературные кружки, студии имеют названия. На Тамбовщине – «Красная гвоздика», теперь вот – «Радуга», «Тропинка». Мы не раз и долго думали, как назваться. Предложения были разные. Моё, например – «Приют талантов». Мне такое название кажется немного улыбочным: сразу же – таланты. Но почему-то слово «приют» не легло на душу студийцев, не понравилось им. А я не стал настаивать. Были предложения, например – «Цнинские зори», «Цнинские просторы», «Слово» и другие. Но всё это уже было, было, а потому – банально. Так вот мы и остались «Литстудия Котовск» Печатались, издавались — «Литстудия Котовск». Теперь в Интернете два сайта под таким же названием – «Литстудия Котовск». И все мы, и наши читатели привыкли к этому. Беды особой нет. Главное, чтобы студийцы литературу любили, учились писать и писали бы хорошо.

Литстудия – хорошая школа для начинающего поэта или прозаика. Писатель – явление штучное. В то же время ему учиться надо, соотносить то, что он делает, с другими. Поэтому писатели всегда искали друг друга, группировались.

Родился 24 сентября 1939 года в Пензенской области. Окончил Мичуринский пединститут. Работал в школе, редактором Котовской городской газеты. Возглавлял Тамбовскую писательскую организацию с 1988 по 1992 год. Автор нескольких книг стихов и прозы, вышедших в издательствах Москвы, Воронежа и Тамбова. Публиковался в журналах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Подъём» и др. Дважды удостоивался премии журнала «Подъём» за лучшую публикацию года.

Член Союза писателей с 1986 года.

Виктор Иванович много лет назад создал в Котовске литстудию. Сегодня он рассказывает о ней и представляет творчество своих подопечных.

Я сам, к примеру, в юности активно посещал литстудию при областной молодёжной газете под руководством редактора «Комсомольского знамени» Г. Ремизова. Из этой студии вышли профессиональные писатели А. Акулинин, В. Кравченко, Е. Начас, А. Макаров, М. Кудимова, С. Бирюков, В. Дорожкина и ряд других поэтов и прозаиков.

А наша студия начиналась так. В 1992 году я покинул пост ответственного секретаря областной писательской организации и возглавил Котовскую городскую газету. Начав работать главным редактором, я тут же поставил себе цель: создать при газете литгруппу. Ко мне потянулись ребята. Пришёл давно уже известный на Тамбовщине поэт Ю. Хоренков. За ним подтянулась Н. Казьмина, которая уже имела опыт работы литстудий, в Москве занималась у самого В. Кожина. Пришли молодые: только что вернувшийся из армии А. Зимин, студенты С. Левин, С. Лямин. Рабочие А. Трухин, А. Ворожейкин.

Вот они и составили костяк литстудии. Следует сказать, какими бы не были многочисленными кружки, группы, студии, в них, как правило, остаётся костяк человек в пять или семь, и на этом костяке держится литературное образование. Нет костяка – не будет студии. Ибо они, занимающиеся из года в год, становятся ориентирами для приходящей и часто уходящей молодежи.

Пока я был редактором газеты, на её страницах на разворотах печатались стихи и проза литстудийцев. В городе газету стали называть Котовской «Литературкой». Начали выходить книги литстудийцев. Сборники стихов выпустили Ю. Хоренков, Н. Казьмина, Л. Кобзева...

Я ушел из газеты в 2001 году. Литстудия приостановила свою работу. Но ненадолго. Меня пригласил глава города Н. Луговских и предложил продолжить работу с пишущей молодежью. Договорились, что литстудия станет собираться в библиотеке Дворца культуры. В литстудию начали вливаться новые силы. Хорошо заявила о себе в творчестве Т. Матвейкина. Её стихи зазвучали на радио, стали печататься в газете. Сегодня она могла бы издать хорошую книгу стихов. Р. Пузыревская пришла к нам уже с книгой прозы. Заняла активную позицию в организации семинарских занятий. В. Каразев все эти годы работал над книгой прозы. Много поломали копий, обсуждая ее по главам на заседаниях литстудии. Сегодня его книга на выходе из типографии. За прошедшие годы издали еще по одной книге Ю. Хоренков, Л. Кобзева (безвременно ушедшая из жизни). В. Алексеев издал две книги стихов, а сегодня интересно работает с юными художниками из школы искусств. Он пишет детские повести,

а ребята художественно оформляют их, готовят к изданию. А. Зимин, А. Трухин имеют книги стихов.

Три книги издали общих: «Утро», «Полдень», «Ещё не вечер». В этих сборниках наряду с прозой, стихами есть репродукции картин Котовских художников.

Могу с уверенностью сказать, что на нынешний день в Котовске есть не менее полусотни интересных поэтов, прозаиков, художников. Думаю, это немало для города с тридцатитысячным населением.

Особая задача в работе студии – это встречи с читателями. Они проводятся в библиотеках города, школах, училищах, техникумах. Эти встречи подвигают всё новых ребят приходить к нам, пробовать писать.

Осваиваем мы и Интернет. На сайте Стихи.ру открыли коллективную страницу – семнадцать студийцев представлено здесь. Отдельный сайт создан для накопления фотоматериалов деятельности литстудии – фото со встреч, выступлений размещаем на этом сайте. Многие студийцы имеют свои страницы на популярных Интернет-порталах.

Сам я занимаюсь подготовкой к изданию электронной книги. Готова и выставлена на сайт моя аудиокнига. Освою всё это и займусь подготовкой электронных книг студийцев. Неплохо бы начать выпуск аудиокниг. Но это пока непросто. Нужна студия звукозаписи, хорошая записывающая аппаратура.

Думаю, это дело недалёкого будущего.

«Литстудия Котовск»

* * *

*Спокойно спи, родная мама,
Приснится пусть тебе утёс,
Закат пусть алый – самый, самый –
Уносит вдаль. В мечту, в мир грёз.
Пусть ангел сон хранит незримый,
А ветер песни пусть поёт,
Пусть звёзды, месяц столь красивый
Танцуют, водят хоровод.
Всю ночь пусть бабочки, летая,
Сну дарят ясный, чистый свет.
Спокойно спи, я охраняю,
Живи, родная, много лет.*

* * *

*К тебе мою любовь прошепчет звон капели,
И сизо-дымчатый предутренний туман.
А солнца луч, пробившись сквозь метели,
Растопит всех несчастий ураган.
И о любви тебе расскажет гулкий ветер,
Расскажет нежно в предвечерней тишине.
И вновь потом споёт он на рассвете
О той любви, любви моей к тебе!*

* * *

*Когда-нибудь наступит это время,
Когда, танцуя в платье на балу,
Я упорхну во взрослый мир со всеми,
Покину школу, ту, которую люблю
Покину дом и, может, этот город,
И жизнь пойдёт мелодией другой.
Лишь только речки лёгкий дивный ропот,
Напомнит мне о юности былой.*

Юлия АКимова

* * *

*Сосны старого парка
Упираются в небо,
Под руками бугрится
Золотая кора.
Возвращаюсь сюда
К вам, друзья, где б я ни был,
Здесь и детство, и юность –
Золотая пора.
В центре тихого града,
У реки неприметной,
Островок заповедный –
Сосны стали стеной,
Им столетье не время.
Здесь желанья заветные
Загадай и всё сбудется,
В сердце боль успокой.
Здесь, ветрами навеяны,
Грусть и радость встречаются
Под шатром крон высоких
Великанов лесных.
Здесь влюблённых сердца
Свету дня открываются,
Солнца льются лучи
С небес расписных.
Пусть весна или осень,
И порой я не сносен,
Но брожу между сосен,
Ожидая тебя...
Счастье рядом таится,
В вышине неба просинь.
Здесь когда-то под сердцем
Носили меня.
Сосны старого парка
Упираются в небо,
Под руками бугрится
Золотая кора.
Возвращаюсь сюда
К вам, друзья, где б я ни был,
Здесь и детство, и юность –
Золотая пора.*

Владимир АЛЕКСЕЕВ

Детства уголок

*Заходящее солнце сквозь щёлки сарая
Золотистым лучом освещает чердак.
Под дождём из пылинок, бросаясь дарами,
Жёлто-рыжие блики танцуют гопак.
Тишина замирает сквозь яблони листья...
Здесь не властно ни время, ни ветер, ни бог.
Просто летнее солнце смеётся, резвится
Там, где детству всегда открыт уголок.*

Ливень

*Безумный хохот дикой высоты
И – падают на землю отголоски:
Разбившиеся вдребезги мечты
И рваные дождливые полоски.
Играет ветер струнами дождя.
Пусть он не профи, но зато похоже
На скрипки плач. А в завершение дня
Дождь выворачивает зонтики прохожих.
И всё безликое становится другим:
Открытым, дерзким и до боли страшным,
Как будто неумело стёртый грим.
На целый миг становится всё ясным.*

Елена ВАТОЛИНА (СЕРЕБРЯКОВА)

* * *

*Под голубую крышей мира,
Под синью легких облаков,
Где из земли сочится мирра
Прохладных чистых родников,
Я снова воскресал из пепла
И, землю взрыв за пядью пядь,
И кость моя, и плоть окрепла.
И я готов гореть опять...*

* * *

*Я свет любить не перестану,
Пусть режет мне порой глаза.
К нему, когда я пылью стану,
Опять потянется лоза.
Жизнь, не отравленная страхом,
Где вдоволь солнца и воды.
С неё, моим вскормленной прахом,
Вкушайте сладкие плоды.*

* * *

*Я молод, грешен и беспечен,
Мне в мир распахнуть окно.
И быть в поступках безупречным,
Как видно, свыше не дано.
Я рад тому, пусть время сложит
Всё по кирпичику, любя.
Насколько скучно день был прожит,
Коль не в чем упрекнуть себя.
Моя стихия – только бунт.
Копилка мудрости пуста.
Мои года – пока лишь грунт
Для жизни грубого холста.
Ты хочешь драки, что ж, изволь,
Я зла не стану вымещать,
Терпеть я научился боль,
А позже научусь прощать.*

Андрей ВОРОЖЕЙКИН

---

* * *

*Весною город наполнен,
Мелодии капли звонкой...
Мне образ твой напомнил
Стан берёзы тонкой.
Ручьями твой смех разливается
По улицам старого города,
Весною всё снова рождается,
Весною всё зелено, молодо.
И ты молодая, красивая
Меня зачаруешь глазами
Послушно, в объятьях любимого
К губам прикоснёшься губами.
Ты нежная, добрая, милая
Весною дышать меня учишь.
Берёзка моя красивая,
Ты в жизни моей светлый лучик.*

* * *

*Песками отмерено время,
Всем сердцем осознана суть
Лишь мысли – тяжёлое бремя,
Что кони галопом несут.
Мне в сладость бессонные ночи,
Когда мне не слышна молва.
Лишь трель соловьиная в роще
Найдёт моих мыслей края.
Лишь сердце без устали ропщет,
Сплетается мудрость венца
Россия, моя ты Россия.
Нет края тебе, нет конца!!!*

Александр ЕВДОКИМОВ

* * *

Уронил я мысли на листок,
А они забились в рукопашной.
Мне бы жизнь свою забыть чуток,
Да могильный свет луны вчерашней.
Нет надежды, Бог с ней, не беда,
Буду пить расплавленное лето.
Балуют рассветы города,
Как ребёнка мятные конфеты.
И колодцев треснувшие рты
Молока у звёзд наивно просят.
И не знают реки, что мосты
Не всегда душе покой приносят.
Буду ждать последнего звонка
Или крик ночной, уставшей птицы.
И возьмёт дрожащая рука
И сожжёт измятые страницы.

* * *

Бежала девочка в сандалиях,
Купаясь в солнечной любви.
И бесконечны были дали,
Кричат напрасно – не зови.
Касался ветер детской юбки.
Кудряшки тили блеск бантов.
И, как молитву, пели губки
Весенний марш лесных цветов.
А город вздыбленной змеёю,
Шипел, колёсами грозя.
И ждали крыши, что святою
Водой омоет их гроза.
Шептались тополя украдкой
И удивлялись новизне...
С непостижимою загадкой
Бежала девочка к весне.
А в палисаднике котёнок
Гонял бумаги мятый лист...
Как этот мир наивно-тонок

*И не всегда бывает чист.
И тормоза, пропев страданье,
Удара сгладить не смогли...
Бежала девочка к желаньям,
К мечте, сияющей вдали.*

Александр ЗИМИН

* * *

*Мой ангел-хранитель, мой вечный двойник,
Что справа к плечу, улыбаясь, приник
И радость пророчит на будущий день,
Едва одолею я грустную лень,
И мир неоглядный спешит показать,
Когда восхищённо открою глаза.
Есть вечная родина, вечный простор,
Для поисков истины – вечный задор,
И вечная память, что теплится тут,
Пока моей радости не изведут.
Покуда не сломят открытость души,
А сердце зверьём растерзают в глуши.
Как страшно доверчиво жить на земле,
И мысли не прятать на грустном челе!*

* * *

*Жизнь расплалась одинокой чайкой
В пространстве безучастья и проблем.
И только мысли вредоносной стайкой
Кружат вокруг одних и тех же тем.
Как тихо без друзей и без событий!
Как плохо сомневаться вдруг в себе
И жить без покаяний и открытий
Под строгим, чутким куполом небес!
Всё то, что ты восприняла как данность,
Страдая, удивляясь и любя, –
Пройдёт от жизни вечная усталость,*

*Она пройдёт, усталость от себя.
И вдруг пронзит от мысли, как от боли,
Стремящейся, как гвоздик на магнит:
Что радость в мире есть, и свет, и воля,
И ангел, что от бед тебя хранит.*

* * *

*Вот так обозначается душа:
Безвинный лик с зачатками покоя,
С эфиром ароматнее левкоя,
Сквозь время – чёткий образ малыша.
Хрупка, темна или светла на вид,
Она пружинкой сжата до предела,
И никому нет никакого дела,
Что радуется, мечется, болит.
В извечном наблюдении судьбы,
В участии послушна только Богу,
В решеньях проявляясь понемногу,
По жизни не сдаётся без борьбы.
По-детски удивляется, любя,
Всем переменам, свежести и чувству
И радуется тонкому искусству
Оберегать, да только не себя.
Расправив белоперые крыла,
С задумчивым следит полупоклоном
И улетает с колокольным звоном,
Свои земные завершив дела.*

Наталия КАЗЬМИНА

Ночь. Есенин у берёзы

*Усталый взгляд на вас в упор,
Он в отдыхе. Он время мерит...
В нём оживает боль и нам укор –
Потомкам, от которых мир бледнеет!*

*Он в думах. Каковы плоды
Бездумья поисков в летах опавших...
Ладонь по дереву скользит,
Освещена луной, как он, уставший.
Всё это прошлое, а грусть о том,
Что всё назревшее напрасно.
Жизнь обесценена атомным клубком,
И волхвы не укажут путь спасенья нашим.
Я знаю, поиск не имеет тот конца,
И там, где смысла нет, не будет и венца.*

Осипу Мандельштаму

*Небо Зарева, в стену влюбившись.
Всё изрублено светом рубцов.*

О. Мандельштам

*В закатах ярых, в бешенстве столетий
Живёт в отсветах, времена поправ,
Немеркнувшее слово «затёртого» поэта
В калейдоскопе радуг, отблески храня.
Тараном долбит время мощь пространства,
Уходят сроки обезглавленной звезды,
Сознания вспышка яркая, рождённая сверхновой,
Рвёт покрывало бархатной ночи.
Где под каждым ударом тарана
В нескончаемой вечности тьмы
Оживает болезненно рана,
Рана боли поэта и боли Руси.
Небо зарева, в стену влюбившись,
Всё изрублено светом стихов,
Но в прошедшей жизни поэта
Не найти умирающих слов.
Вернётся вновь в своих твореньях
В людскую память ты, весь в нови откровений.*

Вадим КАРАЗЕВ

* * *

*Ты мне про грех, а я о песне.
В любви звенящей, как в струне,
Нет места лжи и гнусной лести,
Есть страсть, рождённая в огне.
Там у божественного древа
Начало жизни я! Ты жизнь сама!
Бог наделил нас совершенством тела,
Мы на земле с тобой сошли с ума!*

* * *

*Устало вол овеянный везёт
Повозку времени в небесной тишине,
И только эхо гулкое колёс
Оси земной отсчитывает срок.
И вечный странник, путник всех веков.
День за собой сгустил пугливый сумрак,
Сгорая полосой в закатных углях,
В час пробужденья бронзовых ветров.
За горизонтом мрак-деспот факел внёс,
Открыв следы отверженных блудниц
Стрелоподобных каменных куниц
Из бездны в бездну падающих звёзд.
И тронным ложем неземных царей
Поднялся месяц в стан ночной бредущий,
В театре скал, холодных и могучих,
Играя пьесы призрачных теней.
Слагал стихи глазам ночной гюрзы
Поэт с душой, наполненной востоком.
Вино игривое бродило в его строках
И тихий плач изрубленной лозы.
И барсы-ирбисы в нетронутых снегах
Те песни слушали, забыв свою охоту,
И куропаток замерли полёты
В прииссык-кульских вызревших хлебах.
По водной глади лунная свеча
Тропинку в новый мир ему явила,
И дева-птица крыльями обвила*

*Стать тела крепкого, как ствол карагача.
Весь мир объят! Постелью был им хмель
И пахли губы мёдом, сонным морем,
И груди белые упругие, на воле,
И дно лишь брод, и глубина, как мель.
Шептал камыш священные молитвы.
Зов жизни брошен в зыбкие пески,
И сердце дыбилося, стучало о виски,
Как конь полуслепой на поле битве.
И реки нежности дарила им, любя
От солнц и агнцев бесчисленных отар
Звезда зороастрийская Тиштар,
Возлюбленная ангела дождя.
А с гор туман стекал, клубился, таял,
Как покрывало с девственных ключиц
И ровно падал влагою хрустальной
В ночь гонную кумысных кобылиц.
Устало вол овеванный везёт
Повозку времени в небесной тишине,
И только эхо гулкое колёс
Свой срок земной отсчитывает мне.*

* * *

*Шлю смелым потоки пространства,
Где время таинственный страж.
Спиралью, неистовой, властной,
Сознанье взывает кураж,
Где немощь, разбитая мощью,
И опыт древнее планет.
Частиц растворённая площадь
Сплавляется в солнечный свет.
Где мудрость – ничто и никчёмна.
Зияющий макрос частот.
Гармонии стержень, Вселенная
В себя посвящение ждёт!*

Евгений КУЛИК

* * *

*Мне Бог дал родиться в Котовске,
Над тихую Цною-рекой,
Где милые сердцу берёзки
Шумели всегда надо мной.
Всё детство провёл я в дубравах,
Лес рос здесь за каждым двором.
Сражался с друзьями на шпагах,
С весны до зимы – босиком.
Мы Цну нашу очень любили,
Была она рыбной рекой.
В ней рыбу такую ловили,
Что с ней не справлялись порой.
Я рос, хорошел и мой город.
Стараньем парней и девчат
Стал выше, красивей и шире,
В зелёный оделся наряд.
Дороги асфальтом покрылись,
Высотными стали дома,
На улицах, в парках и скверах
Всё лето шумят тополя.
Мне этим нельзя не гордиться,
И пусть я сейчас не в строю.
Тот город, где Бог дал родиться,
Люблю и поклон отдаю.*

* * *

*Такие дни бывают редко,
Когда морозно и светло.
На небе солнце светит ярко,
И снег искрится, как вино.
Деревья инеем одеты,
Блестит он, словно серебро.
Ты, верно в царстве Берендея,
И дышится тебе легко.
А лыжи дальше, дальше мчатся,
След оставляя за собой.
Чтоб дать тебе полюбоваться*

*Самой красавицей-зимой.
У леса, прямо на поляне,
Стоит красавец леса – лось.
Их не было давно уж видно,
И вот увидеть довелось.
А у сосёнки, на опушке,
Мышкуют рыжая лиса.
Тебя она не замечает,
Охотою увлечена.
Уж солнце клонится к закату,
Ты возвращаешься домой.
И знаешь, что пройдёт неделя,
Наступит снова выходной.*

Виктор ЛАПИН

Осенняя грусть

*Печатает Осень монеты из золота,
Из листьев округлых любимых берёз.
Все листья-монеты откованы холодом,
Чтоб встретить бесстрашно грядущий мороз.
Наш двор небольшой превратился в Монетный,
На чёрной земле листья золото льют.
А время уходит совсем незаметно,
И новые листья на смену придут.
Печалью осенние дни неизбежны,
Российской печалью на русской струне,
И чувством любви, по-осеннему нежной
К листочкам, прижатым к тамбовской земле.*

Кувшин

*Кувшин божественным изгибом
Очаровал мой сонный взор.
И бок его мерцал отливом,
В нём мир прекрасный отражён.*

*Гончар недаром постарался,
Вложил в работу мастерство,
В нём оттиск доброты остался
Таланта, духа торжество.
В кувшине этом, взгляд манящем,
Есть сила страсти и любовь,
И есть величие творящих,
Неповторимое вновь и вновь.
Кувшин божественным изгибом
Очаровал меня опять,
И сон ушел морским отливом,
Чтоб мне вечное понять.*

Яблоки

*На чистом подоконнике
В притихшей маленькой избе
Лежит зелёная антоновка,
Напоминая о тебе.*

*Я вспоминаю осень давнюю.
Нам было по шестнадцать лет,
Мы не ходили на свидания
И не встречались тет-а-тет.*

*На чистом белом подоконнике
В уютной старенькой избе
Лежит зелёная антоновка,
Я не забыла о тебе.*

Татьяна МАТВЕЙКИНА

---

* * *

*Как жаль, что мы порой не видим
Заветных истин в разговоре:
Легко болтать о всяком вздоре
И не поймать межстрочной нити.
Глаза не выдадут притворства,
Уста не изрекут признанья, —
И вновь продолжатся страданья
Застенчивого бестолковства!
Мы забываем о насущном,
Пустой беседой забавляясь,
А в это время, извиваясь,
Змеится фальшь кивком тщедушным.
Друзья! Читайте ж между строчек!
Не будьте к истине глухими:
Над і латинскими строчными
Расставьте, сколько нужно, точек!*

* * *

*Когда забуду я тебя,
Когда тебя любить не стану,
Во тьму погрузится земля,
И опустеют океаны.
Тогда же в сумраке земном
Два сердца, любящих друг друга,
Падут, разбившись, как стекло,
И снег закружит злая вьюга.
О, как прекрасен звездопад,
В глазах любимых отражаясь!
Когда забуду этот взгляд,
Сирень цвести не будет в мае.
Любовь земная на века
Хранит наш мир под небом синим,
Не разрушай его, пока
Вольна любить и быть любимой!*

Борис ПОЛЯКОВ

Танец души

Хрустальной белизной искрящихся снежинок
Под томным взором близоруких фонарей
Моя душа, вальсируя, кружилась,
Взвиваясь в вихре всё быстрее и быстрей.
Её уже ничто не тяготило,
Она рвалась в безоблачную высь,
К тому, о чём давно она молила,
К тем небесам, что звали: «Поднимись!
Оставь всё брренное на откуп земным судьям,
Зажгись и стань сверхновою звездой,
И будь свободна назло серым будням,
И упивайся небывалой высотой!
И не скорби о том, что уже было,
Оно всё поросло седым бльём.
Живи тем светом, что в себе ты сохранила,
И не дели бывшее с вороньём!
В стремлении к истине без масок и без грима
Держись канонов первожданной чистоты.
Сияй! Светись! И будь неповторима!
Стань Белым Ангелом небесной красоты!»
И, вдохновлённая, в порыве устремленья,
Душа уже не мыслила себя
В трясине страха и тлетворного сомненья,
Что держат в рабстве, нашу жизнь губя.
Уже всё в прошлом — и земное притяжение,
И имитации немислимой любви,
Покрывшей шрамами её с пренебрежением,
И те иллюзии, что сгнули вдали.
Закопан груз страданий и мучений...
Мерцанье звёзд и тонкая вуаль
Благих надежд, пророческих знамений
С соблазном увлекали её вдали.
В то царство избранных, где Божьим провидены
Не зная зим, блаженствует Весна,
И где любой из нас свободен от рождения
Разбить оковы летаргического сна.
Я пришёл к тебе, мама, на исповедь.

*Пообщайся с заблудшей душой,
Дай мне крестик, намоленный искренне,
Чтоб вселил в меня вечный покой.
Я уж вдосталь намаялся грешником,
С куражом нагулялся я власть.
И пришло время с водами веешими
Пред тобой на колени припасть.
Меня душат беспечной никчёмностью
Те года, что я вишь раскидал,
И любовь, что с соседской девчонкою,
Я на плаху разгула отдал.
Может, нет мне за это прощенья,
Хоть теперь я и буду с крестом
Отводить от себя рок отмщенья
В потаённых молитвах с Христом.
Но ты всё же прими душу грешную.
Не позволяй ей в скитаньях пропасть.
В покаяние, её, безутешную
Приголубь, чтоб ей в ад не попасть!*

Алексей ТРУХИН

Пригоршня воды

*Опуцу я руки в речку Цну,
Зачерпну пригоршню и плесну,
Побегут горошины воды...
Миг один – и пропадут следы.
Но бывает, что горошина одна
Уцелеет, словно ей чужда волна.
Будет миг один – она сама собой
И сольётся вновь с волною голубой.
Так и жизнь коротка моя
Перед вечностью небытия.*

* * *

*Провинциальный город интересен,
Пока воображенью он не тесен,
Лет до двенадцати задворки, пустыри.
Но лишь на мир пошире посмотри,
Тебя невольно дали позовут,
Хоть сердцем навсегда ты будешь тут.*

Ромашка

*Не стряхну я с ромашки пыльцу,
Она лету и солнцу к лицу.
Я не трону ромашку метафорой,
Не добавлю я к мёду сахару.
И лучиста ромашка, и песенна,
В ней сливаются так естественно
Красота и сама простота,
Не пристала к ней пестрота.
Луговая ромашка лучистая,
Ты скромна, как природный кристалл.
Не хочу, чтоб красу твою чистую
Огранный эстет затоптал.*

* * *

*Мои стихи – не проза,
Под ноготь – как заноза.
Пока её не удалить,
То впору палец отрубить!*

Юрий ХОРЕНКОВ

Любимые мои учителя

*Казалось, будем вечно молодыми,
Но вот сесть тихонько стал и я.
Лишь вы всегда такие же, как были,
Любимые мои учителя.
Вы разные: кто строже, кто добрее,
И в нас всегда вы видите детей.
Но лишь с годами ценим все сильнее
Любимых мы своих учителей.
Нас год от года жизнь ломает больше,
Я засыпаю, Господа моля,
Чтоб были счастливы и жили дольше,
Любимые мои учителя.
Гоните прочь заботы и невзгоды,
Живите, доброту свою даря,
Не замечайте, как несутся годы,
Любимые мои учителя.
Я счастлив, что опять вы рядом с нами,
Как много вас – любимых и родных.
Сегодня вечер встреч с учителями,
И вам я посвящаю этот стих.
Желаю вам здоровья и везенья,
Живите, счётчик лет свой обнуля,
Дай Бог вам сил, чудес и настроенья,
Любимые мои учителя!*

Не верь

*Не верь в разлуки – бывают встречи,
Не верьте в утро – приходит вечер,
Не верьте в лето – зима стучится,
Не верьте в вечность – она промчится.
В любовь не верьте – она уходит,
Не верьте в счастье, что где-то бродит,
Не верьте в сплетни, слова и слухи,
Не верьте людям, что к стонам глухи.*

*Не верьте в небо – в нем ходят тучи,
Не верьте мыслям, что ум ваш мучат,
Не верьте в Бога – он в наших мыслях,
И не ищите смысл жизни в смыслах.
Не верьте скрипке, что с фальшью плачет,
Не верь в улыбки, что слёзы прячут...
Жизнь стоит жизни, и даже смерти.
Во всё не верьте. И всё же верьте!*

Станислав ЧЕРНЯК

Водоворот

Рассказ

Утром далеко окрест разносился пронзительно-отрывистый голос Серёги Жучка. Чувствовалось, говорил он напоказ, на публику, хотя вроде бы обращался к одному человеку. В самом деле, выглядывали из-за изгородей бабы, только что проводившие коров в стадо и ещё не успевшие нырнуть в прохладу полутёмных сеней, останавливались мужики, спешившие на раннюю колхозную работу.

– Вот, сынки мне рубаху подарили! Белую! В самой Москве купили. Заморскую! Денег не пожалели. Чтобы королём ходил. По нашему селу, да хоть бы и в магазин. Вот так-то! Не чета другим мои сынки. В самой Москве, как это... бизнесмены они.

– Бизнесмены, – поправила Серёгу одна из женщин.

– Ну и я то говорю, бизнесмены. Торгуют, денег куры не клюют. От деревенского навоза в Москву прорвались. Жизнь за хвост уцепили. Вот так-то! А на нынешнюю молодёжь погляди!.. Не тем концом руки к месту прилажены...

Серёга распалился, грудь его словно распирало от нескончаемого потока слов. И в эту минуту он наверняка казался себе важной особой, умело завладевшей вниманием окружающих. Ну, а тем уже, видно, поднадоела речь Жучка, рассеивались потихоньку, растекались по сво-

им домам и делам. Вскоре оказалось, что и слушать-то его некому.

– Эх, да ладно! – махнул он рукой. – У самого дел по горло.

Прозвище Жучок как нельзя точно подходило к облику Серёги. И, скорей всего, не за бывшую черноту волос, которых теперь на черепе осталось, что называется, раз-два и обчёлся, да и те седые, прилепили к нему. Хотя и это свою роль сыграло. А за то, что был Серёга, мужичок маленького роста, смолоду проворным, вёртким, будто жук-плавунец. Смотришь со стороны: коротенькими ножками перебирает – как семенит, а глянь – и не догнать его. До старости таким шустрым дожил. Иной в его возрасте без бадика ни шагу, а Серёга, так на всю жизнь и оставшийся Серёгой, всё такой же, всё в том же темпе движется по улице, что и тридцать-сорок лет назад. Жучок – да и только.

Распахнув калитку, Серёга проворно нырнул в глубь своего двора. Жил он один, но хозяйство имел справное. Бабы иные удивлялись: на что, мол, тебе корова, покупал бы у нас молоко, всё не столько хлопот. Доить утром-вечером, обихаживать бурёнку – не мужичье это дело. И куры-гуси у Жучка не переводились. Псу Набату есть что сторожить.

Двор просторный, сараи добротные, стог сена высится рядом. Дом с большими окнами, с резными наличниками на улице глядит – залюбуешься. Огромный дом, на большое семейство рассчитанный. В таком жилище счастье да веселье должны царить.

* * *

Но в доме верховодят запустение и одиночество. Какая-то непомерная тоска, словно живая, расселась, сгустилась по углам, наложила печать на скудную старую мебель. Ни единого голоса не звучит, лишь под шагами хозяина изредка поскрипывают-постанывают половицы, словно рвётся из них наружу боль. Боль и горе этого большого пустого дома.

...Незавидным женихом был Серёга. Маленький, шупленький да корявенький по характеру в придачу, особенно когда губы в стакане с самогом помочит. Рисуется, пыжится, на голову своих обидчиков-насмешников проклятье рассылет. В драку, как петух, кидается. «За такого выйти – себя со свету сжить», – произнесла как-то вгорячах Серёгина бабка, не жаловавшая внука за его своенравность. И как напророчила.

Пришло время – женился Жучок. Вроде сначала остепенился, под ручку с Тоней на пяточок приходил, любуясь, впрочем, больше самим собой: вот он, какой я, не хуже других. Тоня тихая, ласковая была, этим на Серёгу и воздействовала. Только со временем и хмельная зараза всё больше околдовывала, окручивала молодого мужа. Начал на Тоню руку поднимать, если та вдруг, на его взгляд, не то слово ему молвила, перечила. «Молчи, дура (это ещё было, можно сказать, ласковое обращение), я больше тебя знаю и умею. Если бы не я, кто бы на тебе женился?» – Серёга любил возвеличивать себя, приписывать себе достоинства, каких и отроду не имел. Нахваливал себя, как только мог, высказывая полнейшее пренебрежение к близким. Ладно бы, в «пьяные» минуты проявлялось его бахвальство, а то житья не давал и когда трезвым был.

Бывают такие люди: всё кажется, что их не почитают, не уважают. И этим своим патологическим, точнее и не скажешь, поведением изводят окружающих. Попробуй поживи рядом с таким недельку – с ума, кажется, сойдёшь. Бежать бы подальше от них. Но терпела Тоня ради детей (двое у них подрастало) унижения, издевательства, не теряла надежды, что муж переменится. Не тут-то было. Однажды в хмельном угаре схватился Серёга за топор, бросился за женой, обвиняя её во всех смертных грехах. Та ринулась на деревенскую улицу, спасаясь, и, показалось Серёге, запнулась за что-то, упала... Не споткнулась Тоня – сердце её с испугу разорвалось. Заголосил над мёртвой женой Серёга, вскидывая жалко-униженно залитое слезами лицо снизу вверх, на столпившихся соседей: «Я не хотел... Не хотел...»

Казалось, этот случай изменил Жучка. Отсидев в милиции несколько суток за дебош, притих. Ни одной из бабушек не отдал своих детей, сам стал управляться по хозяйству. Но без женского догляда за ребятишками, за ним, мужиком, не обойтись. Присмотрел в соседнем селе черноокою, чернокосую, с крутыми завитками волос на лбу, сильно похожую на цыганочку Веру. Та вначале упиралась, зная о недоброй славе детного жениха-вдовца, но ведь и от возраста не отмахнешься, и так в девках засиделась, отец с матерью заупрекали, что всех женихов проворонила. А Серёга со сладкими речами подступил: «В моём селе жизни нам не будет, о прошлом всё будет напоминать. В райцентр переедем, дом себе новый поставим, заживём себе на радость, людям – на зависть. И детей

побольше чтобы, какое счастье без них?» Ладно говорил, умело – устоять сложно.

* * *

Поверила Вера, потянулась вслед за Серёгиной мечтой. В самом деле, дом строить в райцентре начали, быстро его с помощью добрых людей возвели. Тот самый дом, что большими окнами с резными наличниками смотрит ныне на сельскую улицу – залюбуешься. Друг за другом стали появляться дети, теперь их вместе с двумя старшими пацанами Серёги – Саней и Васей – бегало по дому шестеро. Вера между родными и приёмными ребятами различий никогда не делала. Саша и Вася, повзрослев и выпорхнув из отцовского дома, продолжали считать и называть её мамой.

Характер человеческий – не пластилин, что не нравится – взял и переделал. Что в человеке заложило с юных лет, то трудно поддаётся перековке. Даже большие потрясения не могут, бывает, внести изменения в него. Грубовато, но верно в народе говорят: горбатого могила исправит. Пережив смерть первой жены (не таким уж и бессердечным предстал он в те безрадостные дни), Жучок вновь окунулся в водоворот нрава себялюбца, водоворот самолюбования. Не умеющий прислушиваться к чужой боли, не видящий в других личностей, считающий себя собственником всего, что его окружает, и всех, кто его окружает, он морально подавлял близких людей. И новой жене без устали доказывал, что лучше его нет, что хозяин он хоть куда, а другие домашние ему и в подмётки не годятся, ничего не умеют, ничего не знают.

Обидные, несправедливые попреки отравляли жизнь. Не считал Серёга зазорным и кулаками помахать, чтобы навести, как он выражался, порядок в доме. Особенно доставалось жене и детям, когда Жучок прикладывался к стакану. Крик, шум, гвалт в доме не утихали до поздней ночи. Вере, как и Тоне, оставалось только терпеть ради детей, слишком поздно она поняла, какую чудовищную ошибку совершила. Она, когда муж засыпал, обнимала всех шестерых, испуганных, плачущих, и рыдала, боясь разбудить своего тирана. Со столькими детьми ей и нечего было думать возвращаться к родителям, не поймут и не примут, соседи осудят, мол, у всех мужики пьют, а твой ещё, в отличие от наших, немного: под забором не валяется, последнюю рубаху из дома не тащит, напротив, вон какое справное хозяйство завёл и планы новые строит. Так чего

дурь на себя нагонять... Не понять им душевной боли Веры. А больше идти некуда. И потом, Сашу и Васю жалко, прикипела к ним сердцем; что будет, если оставит их с отцом, их-то он уж точно не отдаст, если даже сама решится на отчаянный шаг – уйти от него.

Всё это проносилось в голове Веры, не давало покоя, тревожным семафором сверкало перед ней, и выхода из тупика она никакого не видела. И в конце концов смирилась с существующим положением вещей. Это её дом – и ей тут жить. Покорность судьбе клещами вцепилась в неё и больше уже не отпускала. Потускнели её глаза, резко обозначилась сетка морщин вокруг них, всё реже стала набегать на лицо улыбка, а при виде мужа она и вовсе угасала, делалась скованной и зажатой. Тот теперь был недоволен и её подавленным видом, заставлял через силу улыбаться. Она улыбалась, а в душе была пустыня, выжженная нещадным зноем. В водоворот Жучка втянулась вся семья, сил противиться ему ни у кого не было. Отца не любили, отца боялись, а может, и скрытно ненавидели. А когда тот появлялся в доме, ребяташки стремились схорониться по углам, вжимали головы в плечи, уходили в себя, как в скорлупу. Гнетущая тишина повисала в доме.

* * *

Шли годы, подрастали дети. Саша и Вася друг за другом, окончив восьмилетку, без сожаления оставили родительский дом, уехали в Москву, где их дальнейшей судьбой занялся дядя. Потом вышла замуж Валя, Люба, поступила в училище Лида. Последыш Коля с учёбой ладил, в отличие от остальных, намного лучше, решил кончать десятилетку. Но беда приходит, когда её не ждешь. Как ни пыталась Вера вложить душу в своих детей, оградить от дурного, наносного, всё же та обстановка, что царила в доме, не могла не оказать своего влияния на подрастающих в нём ребяташек. Её робких попыток противостояния, её слабых сил не хватило. Люба выросла взбалмошной, тоже могла выкинуть нечто такое, от чего Вера частенько приходила в истерику, добивая свои силы и без того растрепанные нервы. Вот и на этот раз уговорила Любаша своего мужа-водителя, управляющего машиной с вышкой (которая требуется для проведения наружных строительных работ на высоте, для наладки электроосвещения на столбах и т.д.), посадить её, своего брата Колю и ещё троих знакомых в корзину этой самой вышки, чтобы с высо-

ты полюбоваться окрестностями села. Тот, не раздумывая, согласился и не подумал о том, чтобы закрепить, как положено по инструкции, вышку, чтобы та не опрокинулась. Корзина с пятью молодыми людьми рухнула прямо на асфальт около дома. И надо же такому случиться, что спасти не удалось только Вериних детей – Любу и Колю, остальные отделались ушибами.

С этого дня в Вере совсем надломился жизненный стержень, она стала медленно угасать, не сумев пережить семейную трагедию. А вскоре и с Лидой случилось несчастье: спеша на работу, она попала под автобус, была смертельно травмирована.

* * *

И остался в некогда шумном доме Серёга один. Дочь Валя, живущая буквально на соседней улице, к отцу не заглядывала, говорила: «Я ничего не могу забыть, что видела в детстве, и ничего не могу простить отцу». Попытка была Серёга к ней наведываться, всё больше в подпитии, и Валя дала ему суровую отповедь: «Забудь ко мне дорогу». Близкие люди, они всё больше отдалялись друг от друга, годы не сгладили, а, напротив, обострили отчуждённость между ними, особенно после смерти Веры и Лиды. В одночасье буквально вдребезги развалилась многодетная семья, как разваливается картонный домик под едва ощутимым колыханием воздуха. Не война, не стихия разрушила – исподволь руины семьи, согласитесь, «запрограммировал» сам Серёга Жучок. Вода камень точит, говорят. Так капля за каплей подтачивал фундамент своего семейства словами и кулаками хозяин. Печальный итог водоворота нрава!

Всякими способами пытался заглушить неожиданное одиночество Жучок: пил, приводил в дом новую хозяйку Не уживался. Семена своими короткими ножками, куролесил по селу, несмотря на солидный возраст, стучал себе в грудь, пьяным голосом выясняя у случайных собеседников, если их так назвать, за что же его так не любят дет. Вот и Сашка с Васькой домой из Москвы носа не кажут, и Валька заказала к ней не ходить, «Все в них вкладывал, а они...»

Сашка с Васькой объявились вскоре. Приехали оба на собственных хороших автомобилях, с жёнами-красавицами и детьми. Подкатили рано утром к родному дому, поздоровались, подарили отцу белую рубашку, рассказали о жите-бытье. И упирали всё больше

на то, что, с юных лет оставив родительский дом, они не пропали, сумели и без поддержки отца добиться определённого положения в обществе. Своими, силами, своей головой, своими руками, отрицая всё то дурное, что видели в родном папаше. Вскользь так говорили, намеками, любой бы на Серёгином месте понял. А потом, не доставая чемоданов, поинтересовались, где можно на лето купить домик, оставшийся без хозяйского догляду, под дачу

Растерялся Серёга:

– Какая дача? Свой дом – вон какая махина пустует. Располагайтесь! И корова, куры есть – своё молоко, яйца, мясо.

– Нет уж, отец, нам детства хватило, чтобы на тебя наглядеться. Мы уж как-нибудь теперь отдельно. Хотим вот в родном селе спокойно отдохнуть, чтобы никто не мешал.

* * *

Подсказал Серёга сыновьям адресок, только взвилась пыль вслед за машинами. А сам он вырядился в белую, подаренную только что рубашку – и ну хвастать перед соседями. Чтобы видели, кого вырастил, кто его не забывает, знай, мол, наших! Утром далёко окрест разносился пронзительно-громкий, отрывистый голос Серёги Жучка.

А вечером, сидя на порожке пустого дома, на всю округу уже пьяный Жучок разглагольствовал:

– Белую рубашку подарили! На, говорят, отец, носи, а то ходишь – на помазок похож. Помазок! Нет, это вы слышали? Уважили отца, нечего сказать. На черта мне их рубашка, своих, что ль, нет? В свой дом не вошли – в чужой с радостью помчались. Боже, за что мне это?

Слёзы катились по его исхудалым щекам, и Жучок их не вытирал, и похоже было, что он искренне не понимал, почему так сурово сыновья обошлись с ним. Тревожно мычала у сарая недоенная корова, то и дело пускался в протяжный вой Серёгин пес Набат. А тот всё продолжал свой безрадостный монолог...

И его было жаль.

Тамара САНТЫЛОВА

Денис ДАРОВОВ

ЛЮБИМЫЙ УЧЕНИК

Рассказ

Даже самое мерзкое и злое деяние можно совершить с любовью ко всему человечеству, заблуждаясь, или, напротив, понимая соль жизни лучше, чем кто-либо другой. Может случиться так, что останешься с этим пониманием совершенно одиноким. Нас было двое: я и Учитель. Теперь я остался совсем один. Проклятый в веках, гонимый всеми, мучимый сомнениями и совестью. Но что такое все мои нелепые мучения по сравнению с тем, через что прошёл Он – Учитель?!

* * *

Мы сидели в круге у костра. Вечер выдался просто чудесный. Сухие сучья громко трещали, и яркие горящие искры плавно поднимались в небо. При этом пламя слегка подрагивало и показывало нам фиолетовые языки. Лица сидящих казались ярко красными, игриво оттенёнными светом костра на тёмном фоне угасающего дня. Пламя, магнетическое пламя завораживает взор. Пётр взял сук и немного поворошил костёр. Пламя стало ярче, и я протянул над ним свой прут с насаженными кусочками хлеба. М-м-м-м! как пахнет жареный хлеб! Я громко сглотнул набежавшую слюну и подумал, что истинное блаженство можно ощутить только, если есть ограничения и лишения. У меня, например, с утра во рту не было маковой росинки и это счастье, потому что ни один сытый человек так не сможет радоваться ни этому костру, ни этому вечеру, ни чернеющим уже от копоти кусочкам хлеба!

Денис Даровов родился в Тамбове в 1982 году.

Окончил Кирсановский авиационно-технический колледж гражданской авиации. Работал в тамбовском аэропорту, продавцом-консультантом автомобильных запчастей, спортивных товаров. Сейчас учится на заочном отделении института русской филологии ТГУ им. Г. Р. Державина.

Пишет стихи и прозу. Размещает их в Интернете.

Всё было, как обычно, спокойно, умиротворённо, но в воздухе уже витала мысль о том, что сегодня что-то должно произойти – что-то неприятное до крайности.

В голове моей пронёсся прохладный ветерок, будто обозначивший чьё-то почти незаметное присутствие. Я посмотрел через плечо и поймал глазами взгляд Учителя. Мария сидела рядом, положив голову Ему на плечо, а мы смотрели друг на друга и мысленно разговаривали, даже так, в неслышимой беседе понимая друг друга с полумысли, с зародыша слова, и не произносили лишнего (понятного) за ненадобностью.

– Мы скоро расстанемся, и это меня огорчает. Если бы я остался, то смог бы помочь тебе восстать из пепла, но, увы, это не возможно. Свой путь ты должен пройти сам, – во взгляде Учителя появилась тень печали.

– Ты говоришь о смерти...

– Тебе уготовано испытание не легче моего.

– Ты хочешь, чтобы я сделал это?

– Не только я. Нужно дать людям ещё один шанс. Не возлагай это зло на них, они и так несчастны.

– Я не хочу...

– Ты всё равно сделаешь это – я знаю. Вопрос лишь в том, каким ты будешь? Возненавидишь меня и весь белый свет или до конца пройдёшь свой путь и вернёшься к Свету, побывав на самом дне?

– Разве я способен возненавидеть Тебя?!

– Способен, потому что любви ко мне в тебе много.

– Но почему я?

– Возможно оттого, что ты носитель имени народного. Ты получил его, когда отрёкся от прежней жизни и остался со мной. И наречённый так Отцом, ты сможешь вынести боль и грязь целого народа! Сможешь и снова придёшь к Истине. Я верю. Только ты способен сделать этот шаг. Ты сильнее остальных.

– Как же я буду жить потом, как смогу смотреть людям в глаза?!

– Да, это трудно. Моя смерть будет с очищением, а твоя с позором. Люди будут плевать, заслышав имя твоё. Тебя станут проклипать те, кто живёт сейчас и те, кто будут жить после. Но ты не бойся ничего, потому что я буду молиться за тебя и потому, что Отец всё видит и благословляет нас.

– Сколько же мне быть изгоем?

– До нового прихода. До следующего падения мира. Я не вправе

просить. Я вправе предупредить и указать на возможность выбора там, где увидеть его очень сложно. Помни, что смерти нет. Всё – игра, а в игре нет места страху, в игре уходят не по правде... Ты чувствуешь силу, что я даю тебе сейчас?

– Да. Я чувствую. Я проникся уверенностью... Я только не знаю, как такое переварить внутри. Понимание сжигает мою душу, но именно это жуткое жжение способно доказать, что обычным людям, погрязшим в своих житейских делах, напуганным, обманутым..., не переварить её самим. Если не вмешаться в развитие событий, позволить умножающимся ненавистникам собраться в единый кулак, то крови будет так много, что мы утонем в ней!

– Ты всё понимаешь правильно...

Я почувствовал, что тело начинает трясти изнутри от всплеска чувств и настроений, от мерзости, к которой прикоснулся лишь краем. Пётр подошёл ко мне и взял из руки прут с хлебом.

– Сгорит, – сказал он и добавил уже для Учителя, – Может, нам уйти, чтобы не мешать вашему молчанию?

– Не ревнуй, Пётр. Господь любит всех нас одинаково.

– А Ты?

– И я люблю... Но лишь один из вас понимает меня лучше других. И только он любит меня настолько сильно, что способен предать. Он ближе всех мне.

– Прости, Учитель, но я не понимаю Тебя, – надулся Пётр.

– Это ничего... Ты всё поймёшь позже... обязательно поймёшь.

– Ты хочешь сказать, что среди нас – здесь собравшихся – есть предатель? – спросил Андрей, – Кто он?

– Выбирайте.

Все стали недоумённо переглядываться. А я подумал, что горечь и соль слёз – это теперь моя ноша.

– Выбирайте, – сказал Учитель, – Вот солонка. Тот, кто возьмёт сейчас соль из неё, тот и предаст меня.

Недоумение на лицах моих братьев переросло в негодование и испуг. Мария вжалась в плечо любимого и вцепилась в его руку, будто боялась, что вот сейчас его кто-то отнимет у неё. В прохладе вечера на лбах проступили мелкие капельки пота, а взгляды так и бегали по лицам и рукам друг друга. Нет ничего хуже всеобщей подозрительности и недоверия среди тех, кто дорог. Тогда я решительно протянул руку и зачерпнул большую щепоть соли.

– Иуда! – воскликнул Пётр. – Неужели это ты?!

– Иуда, Иуда, Иуда... – пронёсся хор голосов моих братьев.

Я почувствовал соль дела в своей груди. Я почувствовал чудовищную тяжесть и боль, каменной глыбой навалившиеся на плечи. И в одно мгновение я осознал, что с этого момента начинается самое страшное и тёмное время моей жизни. Не сидеть уже нам больше у костра дружной компанией, не петь песен вместе и не вкушать одну краюху хлеба, передавая её по кругу. Всё это в последний раз. А сломать, разрушить это суждено мне. Сломать, опередив всякого ненавидящего. Сломать так, как не посмел бы сломать ни один из злодеев в мире. Сломать великую жизнь, согрешив тем самым неимоверно, и, сняв этим поступком необходимость грехопадения с других, со всех тех, кого я так люблю!

Я посмотрел на хрустящие горячие кусочки хлеба, запахом которых только что услаждался, и понял, что есть уже не могу.

– Теперь ты принял ношу. Спаси Бог тебя! – услышал я в голове мысль Учителя.

– Как же ты можешь, Иуда?! – вспыхнул Андрей. – Ведь мы называли тебя братом!

Круг сидящих разомкнулся. От меня отпрянули в стороны, как от прокажённого и били-били взглядами...

– Постойте, братья! – воскликнул я. – Вы судите меня за то, чего я ещё не сделал!

– Не браните его, – так же спокойно, как и всегда, сказал Иисус, – примите это знание как должное и любите Иуду так же, как и прежде любили. Потому что в том, что должно случиться – есть его судьба, как и моя.

– Я не могу этого принять! – кричал Андрей, – Не могу!

– Я не буду тебя бранить, – сказал он мне, – но ты должен немедленно уйти, дабы не осквернять это место своим присутствием в нём.

– Хорошо, я уйду. Но разве от этого что-нибудь измениться?

– Всё! Всё измениться! Если ты не уйдёшь, видит Бог, я убью тебя!

– Прекрати! – воскликнул Иисус. – Неужели ты не научился ничему из того, что я говорил?! Когда наступит мой смертный час на земле, то ещё до первых петухов вы все трижды отречётесь от меня! И это тоже сбудется. Должны ли мы упрекать друг друга...

– Учитель, – перебил я его, – не надо... Мне и впрямь лучше уйти. Шаг сделан.

И я ушёл, оставляя за спиной прежнюю жизнь в отблеске вечер-

него костра. Я шёл во тьму ночи, во тьму грядущих событий, во тьму безысходности.

**34 год от Рождества Христова,
окрестности Ерусалаима.**

На тренинге у психолога Максим был сегодня в первый раз. Впечатлений получил много, люди, с которыми там познакомился, показались интересными. Когда вместе вышли из офиса, потянуло на разговоры. Артём и Максим, попрощавшись с остальными, решили проводить Лену до остановки. Пока они втроём шли не торопливыми шагами по вечернему городу, Максим завёл разговор о неформалах:

– Лен, вот ты сказала, что ты неформалка. И прикид у тебя соответствующий: пирсинг, гриндеры, чёрный цвет в одежде преобладает. Но я больше чем уверен, что ты даже не задумывалась никогда о значении этого слова глубже, чем это преподносится от таких же сверстников в компании.

– Почему ты так думаешь?

– Ну, потому что я уже достаточно много общался с разными... людьми. Эмо наши периферийные даже не знают основ своего движения. Панкам всё по фигу. Готы ещё как-то более или менее подкованы в теории. Люди просто тянутся к тому, что ближе, интуитивно, а потом уже начинают подгонять под эту тягу изящную словесность.

– Не, я не поняла, а чем тебя не устраивают неформалы?

– Меня? Да меня-то всем устраивают. Я говорю о том, что осознанности в этом всё не хватает. Мы же сейчас на тренинге что делали? Осознанно входили в определённые энергии и принимали их, правильно? А если ты сама не знаешь, какую силу берёшь?

– Да забей! Ты слишком заморачиваешься. Просто у каждого свой стиль жизни. Я делаю то, что мне нравится, одеваюсь так, как мне хочется, и общаюсь с теми, кто меня понимает.

– А разве что-то из того, что ты сказала относится к понятию слова «неформал»? Кто такой неформал?

– Макс, ты чё к ней пристал? – вмешался Артём. – Ленка уже дуться начинает.

– Да мы просто разговариваем, – ответил Максим. – Ты вот сможешь ответить?

– Конечно. Неформал – это тот, кто идёт против официальной системы, против культуры.

– Нет. Тогда это антикультура. А таких очень мало. Хиппи, например. Это движение так и называют – антикультура. Неформалами же изначально называли представителей субкультур, причём не только хиппи или рокеров, но и сгруппировавшихся бандитов! Потом уже термин развивал свою семантику...

– Что развивал?!

– Ну, значение.

– Неформал – это человек с нестандартным видением мира. – наконец, ответила Лена.

– М-м-м, соглашусь. Неформал тот, кто нетрадиционно мыслит, не так, как большинство. Проблема в том, что вас, называющих себя неформалами, сейчас стало уже больше, чем обычных людей. Значит, неформалы они – не вы. А, если серьёзно, то неформал тогда остаётся неформалом, пока он один или имеет очень узкий круг сподвижников. Когда же мы говорим о менталитете, т. е. об образе мысли, мы имеем ввиду конкретные всем известные вещи. В твоей компании слушают определённую музыку, разговаривают на темы, которые интересны, может быть, только вам и пытаются даже создавать литературу своей направленности. А как следствие притягивается и образ жизни: одежда, атрибуты, места тусовок и т. д. Но все возможные движения, которые есть в мире – это лишь ответвления, порождённые основной системой, социумом. Всё в балансе, всё имеет противовес, а принципиально нового ничего и нет. Где то, что может разрушить старую систему или создать новую? Неформалы перерастают в формалов (если можно так сказать), когда взрослеют, за редким исключением. Они подчиняются законам быта, законам пространства, законам государства... Вот о чём я хотел сказать. Я, например, тоже могу назвать себя неформалом, потому что слушаю и Nightwish, и Металлику, и System Of A Down по настроению. Но это не заставляет меня красить волосы, носить берцы летом в тридцатиградусную жару или ошейники с шипами.

– Ой, да молодец! – съехидничала Лена.

– Нет, если кому-то нравится, пусть носят, пожалуйста. Не хватает энергии металла – вставляй пирсинг, мучает ощущение незащитности – надевай косуху и очки... Вопрос в причинах. Вот мы опять и вернулись к осознанности. Убери шелуху внутренних про-

блем и многое из того, что сейчас кажется жизненной необходимостью, полетит в мусорное ведро. И это не только к одежде относится.

– Ладно, пусть ты прав (хоть я и не согласна), – Лену явно зацепило за живое, – тогда, кто по-твоему может считаться неформалом?

– Кто? Христос. Пожалуй, он мог бы...

– Эк тебя заносит! – усмехнулся Артём. – Ты что-то, братец, не в тот лес забрёл.

Лена звонко расхохоталась заливистым, заразительным смехом. Даже Максим невольно хихикнул пару раз, но всё же поспешил разъяснить:

– Он действительно пошёл против общепринятой системы: системы ценностей, системы верований, системы, регламентирующей уклад жизни. И образ мыслей у него был неповторимым, совершенно новым на тот момент.

– Вообще-то что-то в этом есть, – поддакнул Артём, поразмыслив, – но всё равно... Звучит как-то дико: Иисус Христос – неформал.

Он снова хихикнул. Лена же, вытерев слёзы смеха, достала зеркальце и начала разглядывать себя:

– Блин, тушь потекла. А всё ты со своими разговорами.

Она посмотрела на Максима и снова прыснула от смеха, смешно надув щёки.

– Теперь точно вся красота к чёрту, – сказал тот. – Ну, а что Иисус не человек что ли? Что вы так разошлись?

– Да нет, всё нормально, – ответила Лена, – это у меня бывает...

– Смешинку поймала, – улыбнулся Артём. – Слушай, Макс, а разве он не был порождён этой же стандартной системой?

– Конечно, был. И частью её был. Более того, можно сказать, что он выполнял стандартную роль жертвы. Но ведь, кроме этого, он оставил учение. Те самые нестандартные мысли, которые были чужды всем и которые стали родными и близкими людям с течением времени.

– Можно про жертву поподробнее? – попросила Лена. Она была теперь совершенно серьёзна.

Троица уже дошла до автобусной остановки, и Максим задумчиво почесал подбородок:

– Лен, а ты не боишься, что потом не уедешь?

– Нет, не боюсь. Ещё рано. Ты не отвиливай. Разжёт любопытство, теперь выкладывай всё, о чём думаешь, иначе живым не уйдёшь, – Лена сделала игриво злое лицо, подняла до уровня груди руку и продемонстрировала свои длинные лакированные ногти чёрного цвета.

– А мы ещё поспорим и покритикуем, – добавил Артём.

– Ладно, тогда давайте сядем на лавку в остановке.

Они сели и Макс продолжил:

– Про человеческие жертвоприношения все знают. Все знают, что в жертву всегда приносили самых чистых, самых светлых и безгрешных представителей племени. Правда, в школе нас учили, что это всё шло от глупости и недоразвитости этих народностей, а так же от веры в языческих богов и от жестокости.

– Хочешь сказать, что Христос стал такой жертвой? Но ведь тогда уже не было этого обычая.

– Дело не в обычае, а в законах пространства. Закон сохранения энергии в частности. В обществе постоянно идёт процесс расслоения по принципу развития – деградации. Под деградацией я имею в виду не только интеллект, но и мораль, нравственность, религиозность и т. д.

– Это понятно.

– Ну, так вот. Расслоение: чем ниже опускается большая часть людей, тем выше будут те, кто не оступился. Когда достигается максимум зла, а светлых людей остаётся катастрофически мало, тогда снова появляется человек с самой высокой положительной энергетикой на планете. Достигнув своего предела развития, он должен погибнуть – стать жертвой, чтобы разрядить биополе, выбросить свой положительный заряд в пространство. Люди станут чище, лучше...

– А вот ты и попался, – гордо заявила Лена, – во время убийства происходит огромный выброс агрессии, негатива. Значит, никакой разрядки биополя быть не может.

– Это смотря как уйти из жизни, – парировал Артём. – Иисус даже умирал с любовью к людям.

– Да-да, совершенно верно...

– И ничего не верно! – спичкой вспыхнула Лена и потянулась за сигаретами. – Этот процесс произвольный. Разве можно контролировать свою энергетiku, когда умираешь?

– Это для нас с вами он непроизвольный. Йоги, например, учатся даже собственные мысли созерцать как что-то приходящее извне, – Максим улыбнулся.

– Ты чего?

– Я подумал, хорошо, что среди нас атеиста нет. Вот бы спор разгорелся! Знаете, как вообще в древности обряд жертвоприношения совершался?

– Расскажи, – Лена затянулась и выпустила изо рта первый клубок дыма.

– Ну там танцы всякие и песнопения – это у всех своё. Главное, что в процессе ритуала жертва вводится в состояние транса и не испытывает ни страха, ни агрессии, ни даже боли – уходит из жизни спокойно. Иногда это сопровождалось оплодотворением Матушки-Земли или мольбой о хорошем урожае, но это опять частности. Так что предки-то наши дураками не были, а язычество – это не только деревянные идолы. Мы, кстати, тоже на иконы молимся.

– Ага, вот закончатся у них безгрешные люди и что тогда? – усмехнулась Лена.

– Тогда всё, жди беды: засуха, наводнение, война...

– Слушай, откуда ты набрался всего этого?

– Из жизни, – Макс пожал плечами, – только не думайте, что я умнее вас.

– А мы и не думаем.

– Вот ещё.

– Просто я чаще задаю вопросы, до которых остальным нет дела. Зато не знаю многих элементарных вещей.

– Да ну?

– Ну да. Например, я до сих пор не могу отличить «восьмёрку» от «девятки», хотя это каждый школьник знает.

– Да ты что? У них и кузов разный, и...

– Да говорили мне сто раз. Только я забываю. Понимаешь? Эта информация в моей голове не держится, потому что не интересно.

– Зато философствовать ты любишь!

– Люблю, что есть, то есть. А главное, что всё сказанное сегодня – это всего лишь догадки, предположения, хоть и не беспочвенные, но малодоказуемые. Хорошо, когда после таких вот бесед люди начинают сами задумываться.

– Во-первых, я тебе верю, – сказала Лена, – во всяком случае,

твоя логика кажется убедительной, хоть и слегка шокирующей, а во-вторых, не нужно никому ничего доказывать. Всегда можно лишь помочь, подсказать, а решение принимает каждый сам.

– Подведём неутешительные итоги, – решил Артём и встал со скамейки, – Язычники – умнейшие люди, христиане – последователи Иисуса, который был неформалом и принёс себя в жертву по традиции предков!

– Вот ведь до чего договорились!

2011 год, Россия, Тамбов.

В ту ночь Искуситель сам явился ко мне красивым молодым человеком в белой рубашке до пят и светящимся нимбом над головой, что удивительно. Только холодом загробным веяло от него. Он протянул мне руку с открытой ладонью, на которой лежал бутон красной розы. Я взял бутон и он растаял в моей руке, обогрив её каплями алой крови. Меня бросило в жар, и я стал вытирать руку об одежду, но крови становилось всё больше. Я весь перепачкался, но оттереть её так и не смог. Сатана улыбнулся, заговорил и изо рта его повалил ледяной пар.

– Не брезгуй кровью – это жизнь, что течёт в каждом человеке и в тебе тоже. И только она – кровь – помогает торжеству справедливости и разума. Тебя обидели незаслуженно. Обидели те, кого ты любил и кому безгранично верил.

– Учитель говорит, что нужно прощать...

– Учитель? Он же предал тебя! Он не защитил, хоть и мог, от нападок. Он сам спровоцировал твоё изгнание, пошёл на поводу у завистливых плебеев, называющих себя учениками, которые не простили тебе таланта, которого у них нет, способностей... Они глупы, но он... Как же он мог так поступить с тобой?

Его слова проникали в самый мозг и резали сердце, но я старался изо всех сил не слушать этих лицемерных выпадов.

– Я не могу смотреть на твои страдания без сочувствия. На предательство можно ответить лишь предательством более сильным, – продолжал он, – таким, чтобы кровь смыла позор и боль, только кровь!

– Ты зря расточаешь свои речи, Дух Тьмы, – сказал я ему в ответ, – я и так весь твой. Я готов сделать то, что задумал.

– Не обманывай себя. Ты тешишься мыслью, что хочешь совершить зло во имя добра, смерть во благо, но это лишь игра слов.

Предательство ничем не оправдать, а смерть есть смерть. Ведь Его убьют. Ты понимаешь это?

– Понимаю, – угрюмо сказал я и помрачнел более прежнего.

– Тогда перестань терзаться и позволь благородной всеочищающей ненависти направлять твою руку, чтобы не дрогнула она в решающий миг, чтобы разум твой просветлел, а душа возликовала от свершённого правого суда! И будет в твоём доме великий праздник, когда поймёшь ты, что смерть предателя – это твоя заслуга, именно твоя, только твоя и никого другого. Прими же это как должное.

Я слушал его с содроганием и думал о том, что, наверное, действительно не смогу свершить зла, если не позволю тёмным силам владеть мной. Не бывает такого. Он пришёл, чтобы завладеть мной и завладеть так, чтобы я стал его послушным исполнителем. Я смотрел в его красивые холодные глаза и понимал, что он слышит каждую мою мысль, слышит и смеётся. Он знает, что сейчас я отдам себя в его руки и просто ждёт. Но смогу ли я восстать потом, вырваться из его кровавых лап и вернуться к пути, по которому идёт Учитель? Как тяжело сделать выбор. Он стоит передо мной, не касаясь земли ногами, а мои ноги дрожат всё сильнее. Слезы навернулись на глаза, когда я представил Учителя мёртвым, когда будто в зеркале увидел своё лицо, перекошенное злобой и ядовитой радостью. Отдать себя, впасть в последнюю крайность и рвануться в противоположность. Больше зла – больше света. Крайность ненависти – крайность любви. Но всё это только после смерти и после предательства!

– А-а-а-а... – я упал на колени и застонал, обхватил голову руками, а солёные слёзы брызнули из глаз полноводными реками и потекли по лицу, начали капать на землю. – Учитель! Прости меня!!!

– Впрочем, ты ещё можешь отказаться. В этом городе есть много достойных людей, готовых в любое время исполнить мою волю, – Сатана продолжал смеяться надо мной, хоть и говорил совершенно серьезным тоном.

– А вот это ты врешь, – сказал я, размазывая руками слёзы по щекам, – Учитель очень силён. Сейчас он достиг предела своей силы, и ни один из твоих рабов не сможет даже приблизиться к нему. А приблизившись, он перестанет быть твоим, потому что уверует и не захочет сделать то, чего ты так сильно желаешь. Это могу сделать только я. Ты же бессилён перед ним как ребёнок. А потому цени меня, цени размах дела, которое я собираюсь свершить и цени жер-

тву, которую я бросаю на алтарь, как священное животное.

– Ты дерзок, но я прощаю тебя.

– Чего ещё ты хочешь от меня?

– Я хочу помочь. Ты разрываешься на части изнутри, а я хочу унять твои терзания. Любое решение должно быть полным и окончательным, без сомнений. Знай же, что по завершении дела ты станешь моей правой рукой, Иуда. Я знаю, тебе не нужны деньги сейчас. Но любая работа должна быть достойно вознаграждена. И потому я дам тебе всё, чего ни попросишь!

– Ты обещаешь мне это, Дух Тьмы?

– Я сделаю так.

– Тогда подари мне очищение от тебя! А больше мне ничего не нужно.

– Что ж, мне жаль тебя, Иуда. Да будет так. Прощай.

– Прощаю. Теперь уходи. Я не могу этого вынести...

Дух растворился, а я продолжал плакать и катался в иступлении по сырой земле.

* * *

Вина моя безмерна! Всё свершилось. Я написал донос. Отнёс пергамент во дворец Каифы. А на следующий день после ареста, получил благодарность и благословение первосвященника. И деньги взял, чтобы падение моё было полным и окончательным. Взял, а ночью закопал эти проклятые деньги в землю и долго мыл руки в ручье. Мне казалось, что по ним бежит кровь Учителя, тёплая ещё, липкая, густая, красная кровь. Связь с Учителем прервалась – я перестал чувствовать его. Потом я собрал вещи и решил уйти босиком по дороге, куда глаза глядят. Но Господь сказал мне:

– Откопай деньги. Это я дал их тебе, потому что для тебя грядёт трудное время, и скоро тебе будет нечего есть.

Так я и сделал.

Гроза, начавшаяся в тот страшный день казни, продолжалась трое суток. Природа будто сошла с ума и решила стереть человеческий род с лица земли. Ураган небывалой силы обрушился на город. Деревья, вырванные с корнями, падали на дорогу, а те, что полегче – летали по воздуху. Молния пожгла многие дома, а холодный ливень пронизывал до костей. Небеса рыдали. Но это не останавливало меня.

Покинув Ерушалаим, я решил первым делом добраться до Гамлы. Почему-то меня тянуло именно туда, на родину Учителя. Одино-

кими вечерами на меня наваливалась такая жуткая тоска, что хотелось выть на луну. Память постоянно выбрасывала перед взором картины казни и мучений, распятых на крестах людей, измождённое, уставшее лицо Учителя, худое израненное тело и горькую еле заметную улыбку Его синееющих губ. Пытаясь заглушить голос совести, я начал придумывать причины, в которые хотелось поверить, причины, подкиннутые Сатаной. Я думал и о том, что Иисус сам толкнул меня на этот поступок, и о том, что остальные ополчились на меня, когда я был ещё чист и не сделал ничего дурного, и о том, что рано или поздно Учителя всё равно убили бы, потому что он стал опасен для существующего ныне строя. И я по-настоящему радовался, когда узнал, как отрекались от него ученики, они, презревшие меня... А их ведь даже не пытали, только напугали... А они и затряслись, словно кролики, узревшие крыс. Мерзость всё больше переполняла меня и вырывалась наружу непонятной дикостью. Я начал метаться, прыгать, рвать на себе одежду, биться головой о камни... А когда наступало утро, опустошённость и усталость позволяли мне хотя бы чуть-чуть поспать.

Однажды такой безумной ночью, вырвавшись из пелены наваждения, я вдруг понял, что больше так продолжаться не может. Я достал нож и проткнул им свою ладонь...насквозь. Резкая боль окончательно привела меня в чувства и мысли сделались чистыми и прозрачными как горный ручей. Там тоже был ручей неподалёку. Тогда я скрутил верёвку, намотал на шею, привязал с другого конца камень потяжелее и прыгнул в воду.

Открыв глаза, удивился неопишимо, потому что понял, что меня спасли. Рыбаки с лодки увидели моё падение и поспешили на помощь. Вот так. Даже уйти из жизни мне не позволено. В тот миг отчаянию моему не было предела. Я кашлял, изрыгая из лёгких воду и катался по траве в слезах. Спасители мои негодовали. А я словно наяву видел тот скрытый оскал Искусителя, что являлся мне ночью перед тем, как... Я понял, что он побеждает. Я перестал любить себя, совсем перестал, более того – возненавидел, занимаюсь членовредительством и, значит, ухожу всё дальше от пути света. Смешно звучит «путь света» из уст человека, совершившего такое непоправимое зло. И всё же эти мысли давали мне веру, а вера – силу.

Я решил, что должен снова полюбить себя. Я должен любить Бога в себе, а ненавидящих меня теперь и так хватает с лихвой. Постепенно я стал принимать себя «нового», таким, какой есть и

успокоение мелкими каплями утренней росы начало медленно наступать где-то внутри. И всё же отчаяние ещё не раз овладевало мной. Полнолуния были ужасны! Душевная боль рвала сердце на части, я падал в обмороки, не ел, не пил, не спал... Когда становилось неважно, пытался наложить на себя руки и уйти из этого мира, но Господь всякий раз отводил беду в сторону. Я судорожно искал правильный ответ, но каждый раз спотыкался об одни и те же барьеры и понимал, что меня ждёт безумие. Бегаю по замкнутому кругу, рано или поздно вытопчешь себе канал, из которого уже не сможешь выбраться.

34 год от Рождества Христова, Ерушалаим

– Лен, почему ты не хотела сегодня говорить о своей проблеме? Что-то очень личное?

– Да. Я... я не готова ещё поделиться.

– Ладно, извини, проехали... Подожди минутку, я сейчас.

Максим быстро побежал за угол и пропал. Прошло уже минут пять, а его всё не было. Артём набрал номер телефона сбежавшего товарища, и уже нажал на кнопку вызова, когда тот показался из-за поворота с букетом цветов.

– Это тебе, – сказал он, протягивая цветы Лене, – роз не было, но вот гвоздики...

– Ой, – опешила Лена от неожиданности и сразу покраснела, – спасибо, конечно, но... честное слово, не стоило. М-м-м... очень приятно.

Она чмокнула Максима в щёку, и тот тоже покраснел, как мальчишка на первом свидании:

– Да не за что.

Один Артём улыбался во весь рот и светился от удовольствия, будто ему самому подарили букет:

– Ну, ты, Макс, даёшь!

– А я как раз люблю гвоздики, – сказала Лена. – Ну, что пойдём?

– Да, пошли. Только цветочками ты, Макс, не отделаешься, – Артём всё ещё улыбался.

– Тебе тоже что-нибудь подарить?

– Не надо. Меня два дня мучил разговор про Христа-неформала. Кому ни рассказывал, все смеются!

– Значит, не так рассказывал.
 – А стоило ли вообще об этом трепаться? – спросила Лена.
 – А что, секрет что ли? – почти обиделся Артём.
 – Не секрет. Но ты же сам сказал: «...все смеются».
 – Ну, ладно. Смысл в том, что я завтра уезжаю в командировку недели на две. Так что увидимся теперь не скоро, а любопытство жжёт изнутри.

Он улыбнулся.

– Ну, давай, спрашивай, не тяни, – поторопил его Максим.
 – Мне непонятно, почему ты стараешься опустить Иисуса до нашего земного уровня? Что, не хочется верить в божественное начало или боишься в полной мере оценить Спасителя? Недаром же его называют именно так.

– Его трудно недооценить. Я уже говорил, что Иисус имел самую высокую энергетику на земле. Он играл роль компенсатора, что бы баланс добра и зла сохранялся неизменным. Именно в этом вся соль. Не в том, что он наш Бог и не в том, что он погиб мученически. Что такое смерть одного человека, когда они гибли тысячами? Кто знал, скажем, у нас на Руси о каком-то там несчастном, которого распяли за тридевять земель? Нет, главное не в этом знании, а в том, что он просто жил, лечил людей, учил их, любил... Если же говорить современным языком, то он был очень сильным экстрасенсом и целителем.

– Ага, теперь у тебя он уже и целитель...

– А кто же ещё? Он лечил наложением рук – типичное целительство. И будущее знал.

– Между прочим, этих всяких телепатов, экстрасенсов церковь отказывается даже отпевать после смерти, утверждая, что они пользуются помощью Сатаны, – вставила Лена.

– Так ведь они расшатывают веру в религиозное учение – конкуренты. Ради поддержания авторитета церковь и Иисуса могла бы в сатанисты записать. Ха-ха! Да и разные бывают они – целители.

– Но почему же тогда он не пресёк предательство Иуды, если знал заранее?

– В чём же тогда был бы его подвиг? А Иуда стал громоотводом. Он взял на себя всю ненависть людей! И здесь возможны два варианта: либо его действительно искусили (как говорится: «от любви до ненависти...»), либо он сам пошёл на это, осознавая всю тяжесть

того, что предречено. Кстати, вполне возможно, что Иуда – это имя литературное (библейское). Это имя, которое символизирует весь народ иудейский, а рассказывая о предательстве, библия говорит, что именно иудеи предали Спасителя.

– Хочешь сказать, что Иуды вовсе не было?

– Ну, почему же? Был, наверное, просто имя носил другое.

– Значит, всё-таки был человек, который написал донос, а потом подох, как подлый шакал! – Лена произнесла это таким ангельским голосочком, что грубость фразы вызвала лишь улыбку.

– Кстати, это тоже интересный момент. Иуде в библии определили смерть. Почему? Ведь даже Каин подвергся гонению. А он был первым душегубом, да ещё собственного брата. Не потому ли, что Иуду забрали отсюда, будто бы смертью своей он до конца искупил содеянное?

– Нет. Он же сам повесился, мучимый совестью, какое здесь искупление?

– Смерть – это факт, а всё остальное лишь человеческие толкования. Может быть, он искренне раскаялся? Или даже больше...

– Что может быть больше раскаяния?

– Дело – искупление. Например, скрытое самобичевание. Или... да точно... если он сам как апостол ходил по земле и рассказывал историю о Христе людям. Но рассказывал со своей точки зрения так, чтобы вызвать презрение и ненависть к собственной персоне, т. е. стать зеркалом определённых пороков. Знаешь, как говорят, что чем больше отрицание, тем больше в тебе самого того, чего стараешься не принимать в другом.

– Но о таком паломничестве Иуды нигде нет никаких упоминаний.

– А чего ты ждал, что религия раструбит по всему миру о том, что Иуда чуть ли не герой? Ну уж нет, здесь как раз всё правильно. Предал? – получи, «фашист», гранату и... спи спокойно, дорогой товарищ!

У Артёма был такой вид, будто он съел кислую сливу и теперь не знает, что делать дальше:

– Знаешь, Макс, с тобой сложно спорить. Твои ответы обезоруживают, но где-то в глубине сознания я всё равно понимаю, что это жуткая хреновина!

– Верить или нет – это твоё дело. Я же не учёный, претендующий на правоту своих выводов.

– Хочешь сказать, что Иуде позволили умереть, когда там наверху сочли, что с него уже хватит? Уж не считаешь ли ты, что он попал в рай? – продолжила тему Лена.

Максим пожал плечами:

– Рай и ад – это тоже очень спорная тема для отдельного разговора. А меня и так уже несколько дней от Иуды колбасит.

– Так ты уже думал об этом?

– А то! Раз уж тронули Христа, тут же и Иуда рядом.

– Кстати, а чё это ты его так защищаешь?

– Мне почему-то очень жаль его.

– Кого, Иуду?!

– Его. Христа – это само собой, но его все жалеют... А мне всё больше кажется, что Иуда прекрасно понимал, что делает, зачем делает и что ждёт его самого после этого. Не мог не понимать. Он же был учеником Великого экстрасенса и притом любимым учеником.

2011 год, Россия, Тамбов.

Какое блаженство упасть в искушение! Я только теперь это понял. Я могу купаться в контрасте и видеть весь мир, как объёмный макет! И чувство свободы абсолютно другое. Только теперь я действительно знаю, от чего отказываюсь, когда борюсь с искушениями, только теперь я совершенно чётко понимаю, что меня не обмануть воздушными представлениями неведомых благ, которые сулит Искуситель, потому что уже учёный. И я так благодарен ему за эту науку! Пусть, это безумство, но я люблю Сатану. Я полюбил его так же сильно, как и Господа Бога и теперь в моём сердце поместились они оба! Как это возможно для воина света? Как помыслить о таком воителю Тьмы? На такое оказался способен один лишь Иуда. Только я вместил в свою душу и зло и добро как два проявления Высшей воли Господа, как две крайности вечной всеобъемлющей силы – ЛЮБВИ!!!

Учитель – Сын Божий. А я всего лишь человек. В этом моё счастье и моя беда. Стремление ввысь – извечный тернистый путь, на котором развиваются оба начала одинаково: чем больше в тебе Добра, тем больше Зла вокруг и наоборот. Как Искуситель подкарауливает праведников и нашёптывает им на ухо сладкие гадости, так и Господь тем громче призывает сынов своих одуматься, чем глубже заблуждения их и чем слабее вера!

Что же остаётся мне теперь? Снова бежать, скрывать своё имя, которое уже стало самым худшим из ругательств? Нет. Испить эту чашу до дна. Я сам взял щепоть соли из солонки. Я сам предал. Сам должен искупить. И только так, в этой последней крайности подлости нутра, на моём примере люди увидят самих себя! Они уже увидели. Потому молва и прошла по всем землям иудейским, потому и кажется преступление моё столь постыдным. Себя видят. Мир не должен воскреснуть просто так, умертвив лучшего из людей. Нет. Он должен отработать и отмолить свои грехи. Хотя бы один-два греха самых распространённых, самых почитаемых, ставших нормой жизни человеческой – это предательство и жажда денег. Для этого нужен был я – Иуда. Ещё и для этого...

И я сделаю так, что эти грехи будут отработаны. Я уже делаю это... А ты молись обо мне, Учитель, молись, как обещал. Молись там на небесах! Молись, Иисус дорогой... И прости, если можешь.

– Я молюсь за тебя, – раздалось откуда-то с неба, – я молюсь, любимый мой ученик!

Я увидел, как ярко вспыхнула звезда в чёрно-синем небе и свет вспышки, долетев до земли, даже ослепил меня на какое-то время. И душа моя возрадовалась радостью великой! И сердце моё забилось встревожено! В то мгновение я понял, что справлюсь со всеми невзгодами, вытерплю любые нападки и плевки. Учитель вынес больше.

Я долго всматривался в густеющую краску небес, в маленькие светящиеся точки, которые всегда напоминают мне о вечности, на красавицу луну, окружённую большим туманным ореолом света, и вдруг почувствовал себя таким спокойным, каким не был со дня, когда ушёл от ласкового костра, отвернувшись спиной к тем, к то был дорог.

Пусть плюют в лицо, – думал я, – пусть хулят и бросают камни. Пусть убивают у кого рука поднимется... Всё это только о себе. В себя плюют...

Что ж, завтра снова в путь. Но теперь открыто, смело и без оглядки. Я иду к тебе, Учитель, и рано или поздно мы снова будем вместе, как когда-то раньше. И опять же, я иду к себе.

Пишу сей пергамент просто так, а вернее оттого, что из добрых людей и поговорить не с кем. Да и нет того, кто бы понял. А пергамент терпит всё, как немой слушатель. Впрочем, я его сожгу. Такому знанию рано ещё быть в мире. Может быть, лет эдак через тысячу или через две тысячи понимание Добра и Зла станет достаточно

глубоким и тогда Господь, решив, что люди уже готовы, приоткроем им завесу высших тайн. Тогда и обо мне вспомнят уже иначе. Хочется верить, что будет так. Как он сказал: «...До нового прихода».

Я знаю, что скоро меня убьют. Я не жилец теперь. Я просил очищения у того, кто не чист по природе... И средство есть только одно – смерть. Но я не боюсь, я готов. И, если бы мне пришлось принять муки, подобные тем, которые принял Учитель, я и тогда бы не испугался.

Всё. Пора. Костёр ещё горит. Лети и ты в огонь, мысль моя, пером изложенная, самому себе высказанная...

* * *

Когда первосвященнику доложили, что его осведомителя Иуду нашли зарезанным в лесу в двух милях от города Гамлы, он ничуть не удивился и не огорчился такому известию. Только отошёл подальше от камина и вопросительно взглянул на говорившего.

– Нам удалось прибыть на место прежде местных властей и даже прежде людей из тайной службы, – продолжал рассказывать тот.

– Имена преступников известны? – спросил первосвященник.

– Нет, к сожалению. Скорее всего – это дело рук каких-нибудь бродяг или лесных разбойников. Место совсем безлюдное.

– Их нужно найти, во что бы то ни стало. В крайнем случае, придётся объявить убийцей кого-либо из тех, кто уже содержится под стражей в ожидании приговора за подобное преступление.

– В этом есть необходимость?

– Если имя убийцы не будет известно, то злые языки немедленно объявят, что Иуду настигло правосудие Божие. Они же только и говорят о нём и о распятом по его доносу «Мессии», которому народ уже готов был поклоняться, отдав на поругание веру. Впрочем, версия о самоубийстве тоже будет нам на руку. Человек мог наложить на себя руки, затравленный несправедливыми толками молвы. Есть ещё что-нибудь по этому делу?

– Да. В сумке убитого мы обнаружили обгоревший пергаментный свиток, свидетельствующий о тяжёлой душевной болезни того, кто его написал.

Говоривший передал свиток Каифе. Первосвященник развернул свиток, внимательно прочёл:

– Да, этот человек, несомненно, был лишён рассудка.

Сказав так, он бросил пергамент в огонь, который с радостью

принял новую порцию «пищи» и долго с наслаждением облизывал красно-синими языками тлеющую кожу.

**34 год от Рождества Христова,
Ерушалаим**

– Хороший сегодня тренинг был, да Лен? Меня, правда всё ещё потряхивает, но настроение отличное, светлое какое-то!

– Мне тоже понравилось. Даже петь хочется.

– Так пой, кто тебе не даёт?

– Ты знаешь, Максим, меня недавно парень бросил. Я, собственно, поэтому и решила походить на занятия к психологу – переживала очень сильно и истерики не прекращались... Через несколько занятий уже почувствовала себя намного лучше, поняла, что он ни одной моей слезинки не стоит...

– Он что, полюбил другую?

– Нет. Он меня предал. Просто банально переспал с одной девчонкой из нашей общей компании, а потом устроил грандиозную провокацию. Сначала распустил через третьих лиц слухи, будто я ему изменяю. А когда его друзья расспрашивали, вместо того, чтобы опровергнуть, делал удручённый вид, как мог, и не отрицал. А потом ещё представил всё таким образом, будто я хочу поссорить между собой всю нашу компанию. От меня отвернулись все, даже те, кто знает меня много лет. А он, ведомый «справедливым гневом», порвал со мной все отношения. Да ещё и оскорблял при всех..., такие гадости говорил. Я только тогда поняла, что он за «фрукт» и что это именно он придумал и воплотил в жизнь всю комбинацию. Я увидела это в его злорадствующих глазах. Я спросила его потом по телефону:

«Если ты хотел расстаться, то почему просто не сказал мне этого, не поговорил по душам? Зачем ты сделал всё так гадко?»

Он долго молчал, а потом сказал:

«Не звони мне больше»

И повесил трубку.

– Тебе неприятно говорить об этом, давай не будем. Я не хочу тебя тревожить...

– Забей. Я же сама начала. Но самое интересное, что после наших разговоров о Христе, об Иуде, я словно ещё один тренинг прошла. Сама тема будто нарочно притянулась именно в это время. Я

прожила эту ситуацию очень реально и поняла, как можно простить и как можно любить того, кто предал! Ведь, Христос любил Иуду. Мне так легко стало... Ты не представляешь!

– Ты молодчина! А мне сегодня ночью приснился Иуда. Он был весь изодран, тело в язвах, одежда – лохмотья и стоял босиком. Он сказал мне одно только слово: «Спасибо». А затем развернулся и ушёл в радугу. За ним сияла замечательная радуга. На какой-то момент переливы света окутали и ослепили меня, будто и сам я был в радуге!

– Радуга во сне – это очень хороший знак, счастливый.

– И ещё... Наверное, это не вовремя... но ты мне очень нравишься. Может, погуляем сегодня подольше, если ты свободна?

– Я свободна. Я совершенно свободна. Я же сказала, радуга во сне – это очень хороший знак.

2011 год, Россия, Тамбов.

Ирина БОРИСОВА

Город-бег

*Здесь небо дальше и бежит быстрее
От небоскрёба до одноэтажки,
Оно не замечает, как стареет,
А нам всё это кажется не важным.*

*И улицы, завязанные в узел,
Автомобильным подавились светом,
Как будто зёрна спелой кукурузы,
Рассыпались, замученные ветром.*

*Маршруты, остановки, пересадки,
Желанье помечтать за это время...
Исписаны и стены, и тетрадки –
Метро бежит и на бегу стареет.*

Ирина Борисова родилась в 1991 году в Тамбове.
После окончания школы № 24 поступила в Институт русской филологии ТГУ имени Г. Р. Державина. Стихи пишет давно. Публиковалась в газетах «Ровесник», «Наедине», в коллективных сборниках: «Люблю тебя, Тамбов!» (2007), «...И хочется в полёт» (2008), «Увидеть мир по-новому...» (2009).

Вавилонская башня

*Вавилонскую башню построю снова,
Чтоб забыть себя и родное слово
И упасть так сильно, чтоб не проснуться,
Чтобы в центр Земли навсегда вернуться,
Чтоб увидеть ядро жизни человеческой;
Чтобы корни пускать, глубиной в вечность,
И весной прорасти молодой веткой,
И одеться листвой, золотой и редкой,
И раскинуть крону над дальней пашней,
Чтоб самую стать Вавилонской башней.*

* * *

*Перемалывать числа в память
И сажать голубые розы,
Пока не поздно.
Пусть на юг улетает стая,
Я венков засушила летних
Цветов последних...*

*Я заснеженной выйду в город,
Чтоб раздать дорогие розы
Тем, кто замёрзли...
С неба падает белый порошок –
Согревайтесь хоть как-то, люди,
Ведь мы же любим?!*

* * *

*Мне страшно ходить по упавшей листве:
Шагами давлю чьё-то к небу стремленье...
Такое в моей голове настроенье –
Осеннее.
Шарфом замотаны руки,
Чтоб было теплее, а может, спокойней...*

*Дождливые звуки,
И холод в вагоне.
Уеду. Неважно, куда и на сколько,
С охапкой листвы и горячим какао,
С своею тоскою...
Прости, что такая.*

* * *

*Ни копейки в кошельке –
Свобода!
Я не связана ни с кем
Сегодня.*

*Я никто для магазинов
И прочих.
Я сейчас для них незрима,
Как прочерк.*

*Я теперь вне общества –
Без денег.
Просто мне так хочется...
Бездельник?*

*Нет, я нота музыканта
Вне стана.
Я теперь без денег,
Но богата...*

* * *

*Рвётся душа наружу,
Будто салют победный.
Только смотри и слушай,
Сколько пришлось отведать,
Сколько отдать на съеденье,
Чтобы родиться новой...*

*Вздохи сердцебиенья,
Сломанная корона...*

*Рвётся душа, ей тесно,
Бьёт кулаками в грудь –
Мучающие стены,
Может быть, оторвут.
И, захлебнувшись криком,
Станет молить о чуде...
Раз ко всему привыкла,
Новое «завтра» будет!*

Свет и тьма

*Свет и тьма неразделимы
В вечности своей над миром,
Как закаты и рассветы,
Неразлучны в танце этом,*

*В танце снежном и печальном
Звёзд на небе пред зарёю,
Лунном танце мирозданья,
Облака пронзив стрелою.*

*Нет добра без зла на свете,
Есть цена у нас на всё...
Кто законы правил эти?
Человек ли? Может... Но*

*Мир кружится в танце лунном
Бесконечных сотни лет.
Путь его порой был трудным –
Чёрным вороном сквозь снег...*

* * *

*Опять заболеваю многоточьем,
Боясь словами недорассказать.
Нутро трясётся, будто бы хохочет,
Но как-то нервно... И блестят глаза.*

*Разбитое – на счастье! – заблужденье
Заклеит добродушная наивность.
И ожидает новый понедельник,
Ведь прошлое – не явь: оно приснилось.*

*Забывшись перед зеркалом, проститься,
Не узнавая собственных морщин.
И, хлопнув дверью, плакать и гордиться,
Что не была игрушкой у мужчин.*

*И где-то по дороге затерялась,
Как вырванная цензором строка...
Я душу на живучесть проверяла,
Но у неё же нет черновика.*

* * *

*Руками схватить облака
Атласного неба,
Напиться из них молока
С ржаным свежим хлебом.*

*Венок из лучей я совью –
Терпения хватит,
И платье из ветра совью
С цветочным дыханьем.*

*Как радостью месяц белел,
Чуть тучей помятый...
Я буду бежать по земле,
Горячей и мягкой.*

Ольга ТЕРЕХОВА

Стихи

*В них мечта и горька, и сладка...
Полоснув по глазам строкой,
Лишь печально глянет украдкой,
Сгинет молча в тиши ночной.*

*В каждом слове – и крик, и шёпот,
В точку сжата спираль судеб.
Ей не слышен разгневанный рокот
Дум минувших и прожитых лет.*

*Отчужденья немая прохлада
Заставляет вспомнить опять:
«За терпение нет награды».
И не надо награды ждать...*

*Надо в строки вчитаться снова...
И поймать вдохновения миг.
И на девственный лист ляжет новый,
На рассвете написанный стих.*

Оля Терехова родилась в 1995 году в Тамбове. Учится в 10-м классе лицея № 14.

Стихи начала писать ещё в младших классах. Победитель нескольких конкурсов на лучшее стихотворение о родном городе, о Великой Отечественной войне.

* * *

*Где нет истории, там будущего нет.
Где книги жгут и памятники рушат,
Где убивают красоту минувших лет, —
Там из людей желают вынуть душу.*

*Но если есть надежда, есть мечта, —
Живую душу ни за что на свете
Нельзя сломать, нельзя спалить дотла:
Она — как феникс, как весенний ветер...*

* * *

*Чувства — это слабость или сила?
Чья рука нас ими наделила?
Дар небес или наказание это —
Чувствовать потери и победы?
И бросаться, сердцем закрывая
То, что дорого. А выживу? Не знаю...
Видно, посильней рассудка были
Чувства, что с судьбой не примирили...
Изменять привычные течения,
Рваться в бой за собственное мнение...
А без чувств не будет человека:
В них — душа сегодняшнего века.*

* * *

*Наверно, миром правит чудо —
Любовь, янтарная заря...
В час предрассветный небо будто
Любовью дышит. И моря
Танцуют с волнами по глади,
Прозрачной, светло-голубой...
Всё, окрылённое мечтой,
Ложится строчками в тетради.*

Ива

*Как изменилась ива в октябре!
Ещё зелёная, а снегом приукрыта.
Под огненными кронами лесов
Она одна пожаром не обвита.*

*Стоит, склоняясь, средь листьев золотых,
Гранатовых, пурпурных и багровых,
Над речкою – то ласковой, то строгой,
И чьи-то тайны вечные хранит.*

*Она всё принимает молча, кротко
И всё хранит среди своих ветвей –
Людские судьбы и крутые повороты
Истории, прошедшей перед ней.*

Розы

*Словно стальным временам потакая,
Розы погибли у Герды и Кая...*

Александра Николаева

*«Словно стальным временам потакая,
Розы погибли у Герды и Кая...»,
По белому снегу рассыпались пеплом,
Чернеющей дымкой, расколотым небом...
Не оживят их картины рассветов –
В сказки не верят теперь в мире этом...
Я никого и ни в чём не виню,
Только увядшие розы храню.*

Александр ХВАСТОВ

КОНТРАКТ СО СМЕРТЬЮ

Очерки

Последний рубеж майора...

Солдат войну не выбирает и войну не объявляет. Вглядываясь в трагические страницы локальных войн и военных конфликтов, в лица погибших, мы видим в их чертах прежде всего проявление мужества, взаимовыручки, доблести и любви к Отечеству. Они помнили не о личных опасностях, а о священном своём долге перед Родиной и верой! Вот только Родина порой забывает о них, словно играя их судьбами, как оловянными солдатиками.

Игорь не хотел сообщать родным, что находится в Чечне, но родительское сердце не обманешь. Он, как и все, уверял, что война где-то далеко, много писал о природе. А 28 марта 1995 года Игоря не стало. В этот день Россия потеряла еще одного преданного сына, а моршанская земля открыла скорбный список потерь наших земляков на Северном Кавказе.

1966 год... Офицер Анатолий Петриков в служебной командировке. Его жена Анна живёт то у мамы в моршанском селе Рыбном, то у родителей мужа в соседних Рыслях, ждёт родов. 14 августа 1966 года появляется на свет их первенец — Игорь Петриков. Уроженец села Рысли Моршанского района, как записано в свидетельстве о рождении.

Александр Хвастов родился в 1991 году в Моршанске. Курсант Военного университета Министерства обороны РФ (факультет культуры и журналистики).

В последнее время пишет цикл очерков о земляках-моршанцах, воевавших в Афганистане и Чечне. Предлагаем вниманию читателей «Тамбовского альманаха» три главы из этой книги.

Счастливым отцом, вернувшись из командировки, впервые встретился с сыном, когда малышу было уже 4 месяца. Сколько поцелуев, восторга: «Да он на меня смотрит!», «Ой, улыбается!», «Спит навтыяжку — как солдатик...». Сколько надежд — растёт наследник, продолжатель рода...

И начинается жизнь сына офицера, жизнь-путешествие: изучение географической карты практическим путем. Дошкольные годы прошли в Ленинграде. Вот что рассказывает Анна Егоровна, мама Игоря:

«В Ленинграде переезжали с квартиры на квартиру четыре раза. Назначение получили в Польшу. Это были незабываемые годы. У сына было полно друзей, у нас — тоже. У всех знакомых дети стали военными, тогда было престижно. А дети всегда во дворе играли в военные игры. Потом мы переехали в Казахстан. Служили в посёлке Курдай Джамбульской области, затем полтора года — в Сары-Озеке Талды-Курганской области, восемь классов оканчивает в Аркалыке. А так как сын рос среди военных, то и профориентация была сделана. Да мы другой профессии и не искали. Игорь всегда, в детском саду, в школе, имел много друзей. В жизни никогда ни с кем не дрался. Был общительным, добрым, отзывчивым ребёнком. А в Аркалыке был обычай — избивать новичков. Но его, когда он пришёл в феврале в школу, как говорили одноклассники, не тронули. Он их чем-то обворожил... Игорь занимался спортом, коллекционировал марки с животными, машинами. Учился хорошо. Как и все мальчишки того времени увлекался музыкой, играл на гитаре, правда редко, фотографировал. А после школы поступил в Свердловское военное училище...»

Другого пути он и не видел. Когда приезжал из училища на каникулы, друзья его ждали. Вместе сидели вечерами, шутили, смеялись, мечтали. Каждый думал о выборе дальнейшего пути. Многие его уже сделали. В их числе был и суворовец Игорь Петриков.

После Суворовского училища поступил в АВОКУ (Алма-Атинское военное общевойсковое командное училище). Был дисциплинированным и ответственным курсантом. В 1987 году Игорь Петриков оканчивает его с красным дипломом. Как лучший имел право выбирать место службы. Предлагали остаться в училище, поехать в Москву, служить в Западной группе войск. Он выбрал последнее. На выпускном вечере познакомился с прекрасной девушкой, завя-

зался роман. Через год службы влюблённые поженились. В 1989-м в семье молодого офицера родился сын Вячеслав.

После вывода Западной группы войск в Россию Игорь служил в 506-м гвардейском полку, который базировался в Оренбургской области. Этот полк считался миротворческим. В 1994 году капитан Петриков участвовал в миротворческих учениях с американцами на Тоцком полигоне, за что был награждён грамотой и именными часами от министра обороны Павла Грачёва.

«Игорь приезжал к нам в августе 1994 года, — вспоминает Анна Егоровна, — говорил, что его должны перевести на должность начальника штаба. Я ему сказала, чтобы он не торопился с назначением. Обстановка на Кавказе уже не была спокойной. В ноябре там погиб наш знакомый офицер. И с этого дня мы следили за событиями.

Позвонил он нам на старей Новый год, по их времени было 12 часов ночи. Со всеми поговорил... Я его спросила, не направляют ли их полк куда-нибудь. Мол, почему так поздно звонит. На что он мне ответил, что просто устал. Но в его голосе всё же чувствовалась тревога. А вечером в местных новостях сообщили, что 506-й полк покинул часть. Всё стало ясно...

Жене Игорь сказал, чтобы она ничего не говорила родителям. А когда узнал, что им всё известно, написал письмо, в котором рассказывал о красивой природе, о том, что они не воюют. Не мог он сообщить о войне, о потерях... Словом, писал, что в Чечне нужно отдыхать, а не воевать. Потом он сообщил, что ему к 23 февраля присвоили майора.

Поздно вечером по телевизору показали, что случилось под Шали, как несли людей, показали палатку, где они жили. От этих кадров сжималось сердце. Теперь все сомнения исчезли.

О трагических событиях, произошедших 28 марта 1995 года, мы узнали благодаря военным корреспондентам газеты «Красная звезда». Уже 1 апреля в заметке «506-й задачу выполнил» специальные корреспонденты Владимир Ермолин и Петр Карапетян описали схему боя на подступах к чеченскому городу Шали, когда батальон 506-го гвардейского мотострелкового полка напоролся на засаду боевиков и пал смертью героя майор Игорь Петриков.

4 апреля появляются подробности происшедшего «Это было под Шали...» Игорь ценой собственной жизни спас мотострелков, идущих

щих в атаку. Заметив засаду, он спрыгнул в траншею и, расстреляв нескольких дудаевцев, обозначил огнём расположение противника для атакующих...

С помощью корреспондента «Красной звезды» Юрия Гаврилова восстановим дни и часы его чеченской войны:

«В Чечню начальник штаба мотострелкового батальона майор Игорь Петриков прибыл в начале февраля. И сразу — в пекло боёв. Непростая в то время была обстановка и в самом Грозном, и в его окрестностях. Так что лиха офицер хлебнул вдвойню.

Однажды при патрулировании участка в Октябрьском районе чеченской столицы группу гвардии майора Петрикова обстреляли дудаевцы. В сложной обстановке командир сумел не только вывести подчинённых из-под огня, но и выйти в тыл к боевикам и уничтожить их. Несколько дней спустя при блокировании боевиков в районе реки Аргун батальон, в составе которого находился офицер, подвергся сильному обстрелу противника. Гвардии майор Петриков организовал переправу личного состава и захватил важный в тактическом отношении плацдарм. Разрывом снаряда начальника штаба контузило, но он продолжал управлять подразделениями. В этом бою офицер лично уничтожил два танка противника.

28 марта батальон выдвигался в указанный район с задачей блокировать с востока населенный пункт Шали. Одна из мотострелковых рот попала в засаду. Завязался ожесточенный бой. В первые же минуты был ранен командир подразделения. Командование принял на себя Петриков. Сопrotивление дудаевцев было сильным, все попытки продвинуться вперед успеха не приносили. Создалась критическая ситуация. Тогда офицер принял решение стремительным броском ворваться на позиции боевиков и сам повёл роту в атаку. Она оказалась для начальника штаба последней. Но подразделение боевую задачу выполнило».

Указом Президента РФ № 832 от 9 августа 1995 года гвардии майору Игорю Анатольевичу Петрикову за мужество и героизм, проявленные при выполнении специального задания, присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно).

Приказом министра обороны РФ № 121 от 4 апреля 1999 года имя офицера навечно зачислено в список личного состава комендантской роты 27-й мотострелковой дивизии. Именем Героя названа улица в военном городке Тоцкое. О подвиге рассказывают стен-

ды в музеях воинской славы гвардейского соединения и Екатеринбургского суворовского училища, музея В. И. Чапаева в Чебоксарах. На стене дома, где живут родители офицера, установлена мемориальная доска. Увековечена его память и в Моршанске, где родился Герой. Всегда будут помнить и поднимать третий тост за своего боевого командира его подчиненные. Многих из них Игорь Анатольевич спас от верной гибели.

А профессия Родину защищать в семье Петриковых стала наследственной. Анатолий Иванович, отец Игоря, ныне полковник в отставке. Вячеслав, сын Героя, с отличием окончил Екатеринбургское суворовское училище, сейчас заканчивает Военный университет в Москве. Носят офицерские погоны сестра Игоря Наталья Анатольевна и ее муж Александр Владимирович Велиулловы. У них подрастает сын, названный в честь бесстрашного дяди Игорем...

Сейчас часто говорят, что среди нашего поколения нет настоящих героев. Но не оскудела героями русская земля. Как много солдат погибло в последнее время в локальных войнах и военных конфликтах! Да, большинство событий с годами стираются из нашей памяти, время врачует раны. Но мы не можем забывать печальные страницы истории. Просто не имеем права забывать тех, кто, не щадя живота, до конца выполнил свой воинский долг...

Иногда становится страшно...

Прожить на этой земле Алексею Завараеву было суждено всего лишь 19 лет. Вот такую короткую жизнь ему отмерили наши политики, затеявая войну в Чечне.

Алексей родился 14 июня 1977 года в селе Чернитово Моршанского района. Места эти — удивительной красоты. Нельзя сказать, что он был особенным ребёнком, разве что скромностью отличался он от остальных. Рыбалка, футбол, хоккей, — всё, как и у других детей, но дело для него всегда было главное всего.

Первая учительница Алексея Надежда Матвеевна Короткова вспоминает: «У Алексея была хорошая трудолюбивая семья. И отец всю жизнь до трагической своей гибели работал, обеспечивал се-

мью. Мать изо всех сил тянула свою ношу. У них и родных-то никого не было, только на себя могли надеяться. Хороший парень был Алеша. После школы закончил ПТУ-9».

В июне 1995 года Алексея призвали в армию. Служить попал в Новочеркасск Ростовской области. В учебной воинской части был командиром стрелкового отделения, получил звание младшего сержанта

Казарменная жизнь, а точнее сказать, распорядок, физические нагрузки — всё стало для него обычным делом. И когда выдавалась свободная минутка, усталые руки писали письма своим родным и близким: «Здравствуйте, родные мама, Андрюша, Серёжа, Надюша, Витя, Надя, и самый большой Серёжа, который, наверное, уже бегаёт вовсю. Мама, здесь всё хорошо. Никаких проблем. Скоро заступаем в караул. Будем ездить на полигон на БМП-2. Мама, как у вас дела, как здоровье? Ну вот и всё. Пишите».

Вот такие нежные и краткие письма присылал Алексей на родину: «жив, здоров...» — что ещё нужно родным и близким?

Но одно письмо вызвало настороженность в семье Завараевых. Вот фрагмент из него: «Мама, как у вас дела? У меня всё хорошо, как и прежде. Ещё месяц — и учебка закончится. Мама, Ленка пишет, что там про меня слух пустили, что я в Чечню уехал. Не слушай никого и не волнуйся за меня!..»

С декабря 1995 года командир стрелкового отделения младший сержант Завараев тем не менее уже находится на территории Чеченской Республики, 47-й полк МВД, в котором служил Алексей, уже успел прославиться в Чечне своим умением воевать. Вот почему на этих людей боевики вели особую охоту. Российские солдаты приспособились к условиям чеченской войны, все её передряги стали им по плечу. Нельзя сказать, что они не боялись смерти, нет, они к ней привыкли. Наверное, поэтому в письмах любимым они сообщали, что всё хорошо, и их полк воюет без потерь. Читая это, и действительно кажется, что война где-то далеко. Но порой эмоции брали верх и хотелось хоть с кем-то поделиться своими переживаниями:

«Мама, — писал Алексей домой, — письмо я ваше получил, большое за него спасибо. У меня всё в порядке. Жив, здоров. Не волнуйся сильно за меня. Мама, здесь очень хорошо, но иногда становится страшно. Мы сейчас в Дагестане, на поле. У нас недавно

операция была в Новогрозненске, мы бомбили его четверо суток. Нам дали приказ взять винзавод. Мы въехали туда на БМП, никого не было видно. Мы уже собрались ехать назад. Полк уже на дороге стал строиться, и только тронулись, как нас со всех сторон начали обстреливать. Ну, мы им дали огня! Они нас надолго запомнили! В Новогрозненске не осталось ни одного дома. Жаль только, что из-за этих тварей страдают мирные жители. Они нашу дивизию ДОН-100 боятся, про неё даже говорят “дикая дивизия”. Тут только и слышно: то одних разбомбили, то других... Мы когда едем, то воцаряется тишина — все по углам разбегаются. Боятся они нас. Я уже соскучился по всем, домой хочется. Может быть, после Чечни в отпуск отпустят. Здесь время быстро летит. Погода у нас нормальная. Снега еще не видели.

Мама, утром на горы посмотришь, так красиво! Жаль, мама, письма долго отсюда идут домой. Передавайте привет всем, родным и друзьям. Ну вот и всё. До свидания. Жду письма. Живы будем, не помрём!».

Сейчас уже трудно найти хоть какие-нибудь сведения о том, как служили наши ребята, чем они жили и как воевали. Лишь письма и единственная фотография — всё, что осталось с Чеченской войны от Алексея.

24 июля 1996 года Алексей вместе с товарищами на БМП патрулировали окрестности Бамута. Место это было беспокойным. Боевики не хотели порядка, и тем более, чтобы этот порядок устанавливали российские солдаты. Это сейчас принято писать о том, какие «зверства учиняли русские», а о том, что творили чеченские боевики, средства массовой информации предпочитают умалчивать.

Накануне Алексей написал письмо домой, но отправить не успел — пошёл на боевую операцию: «Извините, что так долго не писал. Мама, почему вы мне не пишете? Тут письмо ждётся, как голодный волк куска мяса! Что мне про себя писать, я не знаю. У меня всё хорошо. Только что два года служить, а так всё нормально. Как у вас дела, как здоровье? Мама, пишите всё, и побольше, и пусть все мне пишут. Я уже соскучился по вам. Хочу домой! Наш полк или выводить будут, или ещё до декабря останемся...»

Это письмо найдут у него в кармане. Выстрел чеченского снайпера навсегда перечеркнёт все мечты молодого моршанского парня.

29 июня матери Алексея, Марии Ивановне Завараевой, придёт

похоронка. В скупых официальных строках всё: и подвиг, и мужество, и боль...

С места, где Алексей нашёл свой последний приют, разворачивается панорама родного села. Необыкновенно красивые места! Уже и сестрёнки выросли, и братья, у всех свои семьи. Но только долго ещё Мария Ивановна ждала, когда сын вернётся с Чечни, не веря документам, а он почему-то всё не возвращался...

Младший сержант Алексей Завараев награждён Орденом Мужества посмертно.

Возможно, всё скоро кончится...

Он был отличным сыном, братом, мужем и отцом... Мечтал возвратиться из Афгана и начать новую жизнь, радостную, в кругу семьи. Но война сломала все планы. В 32 года Юрия не стало.

Родные до сих пор не могут поверить, что уже 28 лет Юрия нет в живых, кажется, что он где-то рядом. Каждый день его жизни был наполнен любовью к домашним: Людмилке, Светланке и Аллочке. Даже в далёком Афганистане, где опасность и тревога привычны, он находил время послать весточку своим милым женщинам. И сильно волновался, когда письма из дома долго не приходили.

Юрий Розвязев родился 13 апреля 1949 года в селе Крюково Моршанского района Тамбовской области в семье фронтовика Александра Дмитриевича Розвязева и Екатерины Акимовны Розвязевой.

У него всё всегда получалось в жизни. В Крюковской восьмилетке учился — только благодарности от учителей слышали. У Антонины Степановны Рассказовой, его учительницы, Юра был любимчиком. Она вспоминает о бывшем ученике:

«Как и все мальчишки, Юра был озорным, подвижным, физически здоровым. Любил спорт, особенно лёгкую атлетику и лыжи. У него было хорошее чувство юмора. Что его отличало от других? Принципиальность, смелость, жажда знаний. Учился только на «4» и «5». Писал хорошие, грамотные сочинения и изложения. С блеском решал задачи. Помогал товарищам. Любил читать книги о войне».

Интерес к войне был не случаен. Его отец прошёл путь нелегких испытаний и лишений. 24 декабря 1942 года разорвавшийся фашистский снаряд осколком лишил 20-летнего солдата левого глаза, сделав инвалидом на всю жизнь. После окончания Великой Отечественной войны он вернулся в своё родное село, и как все люди послевоенного времени принялся восстанавливать мирную жизнь. Он верил, что войны больше не будет никогда и хотел, чтобы его дети видели только мирное небо, чтобы встречали рассветы и провожали закаты не под стрельбу и грохот снарядов, а под пение соловьёв. Не знал Александр Дмитриевич, что на долю его старшего сына тоже выпадет война...

В Крюкове была только восьмилетняя школа, а жажда знаний у Юры была прямо-таки неистощимой. Потому перешёл учиться в Моршанск, в городскую школу № 4. И товарищей с собой переманил. Витя Ивашин, Иван Борунов и Юра Розвязов — дружнее этой троицы в школе не было. Интерес к учёбе, живость характеров, притягательная мужская привлекательность крепких, стройных парней позволили ребятам не только безболезненно влиться в новый коллектив 9 «б» класса, но и стать лидерами в классе.

Примечателен и вот какой факт в биографии Юрия. В 1966 году, после окончания школы, все втроем хотели поступать в военное училище. А в военкомате им предложили только два направления. Отказались. Никогда не будем расставаться, решили друзья и вместе поехали в город-герой Волгоград, поступили в техническое училище. Жили вместе на частной квартире, вместе гуляли на Мамаевом кургане, вместе восхищались мужеством защитников Сталинграда, величием подвига солдат Великой Отечественной.

Вскоре, получив специальность, Юрий полтора года проработал на заводе. Потом он подал заявление в Пермское военно-техническое училище. В общем-то, проблем с поступлением не было, хотя приличный конкурс выдержать всё же пришлось. Так Юрий Розвязов в августе 1970 года стал курсантом.

Учёба давалась легко, продолжал увлечённо заниматься лёгкой атлетикой, лыжами. Да и в личной жизни назревали изменения. Когда учился на последнем курсе, на танцах покорила парня 17-летняя пермячка Людмила Лазаренко. Молодые поженились. Прямо на свадьбе узнала семья лейтенанта, что назначение на службу получено. И стал военный гарнизон в Западной группе войск в Гер-

мании на целых пять лет его и её домом. В 1974 году в городе Магдебурге у них родилась дочь. Она была удивительно похожа на папу. Её чёрные глаза-маслины были огромными и обещали в будущем только самых лучших женихов! Людмила все уши прожужжала мужу по телефону, какая красивая дочка у них родилась. Отец наградил цветами медсестёр, осторожно взял драгоценный сверток и повёз молодую маму с дочуркой домой — в скромную офицерскую квартиру. Осторожненько отогнул расшитый уголок и ахнул: из розового одеяльца выглядывал маленький человечек с незнакомыми серыми, а не карими глазами...

У Людмилы от испуга чуть молоко не пропало. Бросились в машину, поехали назад, в родильное отделение. Суетливая молодая сестричка, только что заступившая на смену, запеленала им по ошибке девчущку из соседней кровати, а бирку с именем мамы, привязанную к детской ручке, не проверила. И вот оно, счастье! Вернулось домой их сокровище Светланка-малютка. И потому, может, что пережили супруги такое потрясение, любили они своего первенца до безумия.

Жена Виктора Ивашина Валентина вспоминает: «Папаша он был великолепный. Я и Витя встретились с Юрой в Москве, совершенно случайно. Он был там проездом, затащил нас к своей тете, где они остановились. Людмила побежала в магазин, чтобы стол накрыть, а тут Светланка разревелась. Я до сих пор помню, как решительно отодвинул Юра меня, замужнюю даму, но ещё не маму, а потому растерянно по-девчоночьи ойкающую у детской кровати. Как быстренько и сноровисто справился он с подгузниками, ползунками, как в одно мгновение трогательно, по-отцовски, со знанием дела успокоил дочурку, как засопела она, засыпая на его сильных руках...»

В 1976 году Юрию Розвязеву было присвоено звание старшего лейтенанта. Переезды для дальнейшего прохождения службы у людей военных дело привычное. Вскоре семья Розвязевых живёт и служит в Калининграде. Уже с двумя дочурками офицерская семья обустроивает новую жизнь. Хотелось купить новую мебель, почувствовать себя оседлыми...

Но за шесть месяцев обжиться до конца так и не получилось. К тому же у Юрия появились серьёзные намерения: он собрал и направил документы для поступления в военную академию.

Но планам не суждено сбыться. В семью Розвязовых ворвалась война. Хотя тогда этого термина не употребляли. Выполнять интернациональный долг в Афганистане, по версии официальной пропаганды, означало строить социализм и сажать садовые деревья. Хотя и то, и другое, несомненно, было. Но вот почему-то о потерях в ДРА предпочитали умалчивать. А приходившие домой загорелые солдаты долго не могли получить статус участников боевых действий.

С января 1980 года старший лейтенант Юрий Александрович Розвязов участвует в обеспечении боевых вылетов вертолётов эскадрильи в Демократической Республике Афганистан. Потянулись тяжёлые месяцы ожиданий. И только письма из дома радовали сердце и согревали душу. Из далёкого Афгана он отвечал им тем же:

«Здравствуйте, мои дорогие, любимые Людмила, Светланка-золотинка и малышка Аллочка. Письмо я ваше, датированное 23 декабря прошлого года, получил. Это первое письмо почти за два месяца. Что случилось, почему так долго нет писем?

Про себя практически ничего нового не напишу. Всё по-старому. Даже не верится, что будет уже 5 месяцев, как я уехал от вас. Очень скучаю, хочу домой, а вернее — к вам.

Очень хочу увидеть вас. Как мне всё здесь надоело, если бы ты только знала, Людмила...

Пиши чаще. Очень жду твоих писем. Крепко целую, моя узкоглазенькая».

После года нелёгкой службы Юрий приехал в отпуск. О том, что происходит в Афганистане, он ничего не говорил. Не хотел тревожить своих любимых. Да и что скажешь, ведь официально войны не было. К тому же отпуск был слишком коротким.

Капитан Юрий Розвязов вернулся в Афганистан. Каких-то полтора часа полёта от границы — и перед ним снова был палаточный лагерь, клубы пыли, поднятые лопастями готовившихся к боевым вылетам вертолётчиков, траншеи и окопанные на подступах к базе самоходные орудия. И остались в прошлом светлые и радостные лица москвичей и гостей столицы, снующих по магазинам, текущих ручейками в метро и из метро... Не было мамы, только что до боли прижимающей своего 30-летнего сына к груди... Не было мира — была война. И вновь звучала команда: «Внимание, вылет». И он рядом с командиром «вертушки» снова летит на очередное зада-

ние. Именно за такую вот работу награждают на войне медалью «За боевые заслуги», а вторая медаль «За 10 лет безупречной службы», врученная Юрию в боевых условиях, именно из-за этих условий многих орденов стоит...

Но домой шли нежные письма. Написанные с особой любовью и трепетом, они заставляли верить, что война где-то далеко.

«Здравствуйте, мои дорогие, любимые Людмила, Светочка и Аллочка. Вот решил вам написать о своем житие-бытие. Здоровье у меня хорошее, на работу не жалуюсь. С утра до ночи на аэродроме. Место здесь гадкое, Чирчик в переводе “Долина смерти”. Кругом горы, до Ташкента 50 минут езды на автобусе. Весной пока не пахнет, утром заморозки и сильные ветра. Я уже, правда, загорел, лицо стало красное, от ветра всё шелушится. Большое спасибо за фотки, когда становится невтерпёж, я достаю их и сию, грущу. У Светланки рядом с выдернутым зубом слева ждёт очереди другой. И что-то она больно грустная на фотке. А малая — просто чудо, так тарашит глазёнки... Да, судьба-злодейка, не дала и месяца пожить.

Люда, вся забота у меня о вас, как вы там, да и денег на первое время у тебя нема. В общем, так, если получку получу здесь, то сразу вышлю, а если перелетим в Афганистан, то оттуда. Базироваться будем в самом Кабуле.

Людмила, так хочется домой, если бы ты знала. Ведь скоро ваш праздник, а вас у меня трое, да?

Свеколя, дочурка, не скучай, учи буквы, чтобы папушке писать письма, я буду ждать.

Аллочка, быстрее расти, чтобы, когда я приехал, вместе пошли гулять. Крепко становись на ножки. Папуле не придётся увидеть твои первые шажки и первую шишку на лбу. Но бегущую навстречу увижу.

Ну вот и всё. До свидания. Крепко вас целую. Ваш папуля. Крепись и жди».

Срок службы в Афганистане, а если быть точнее — правительственной командировки, подошёл к концу. Нужно было только дожидаться замены. Но её почему-то всё не было.

Возможно, его сердце предчувствовало трагедию. Этого мы никогда не узнаем. Только вот, прощаясь с родными в отпуске, вместо привычных «до свидания» он произнёс пророческое «прощайте».

22 ноября он написал своё последнее письмо домой:

«Здравствуйте, мои любимые Людмила, Светлана и Аллочка! Писем от вас уже нет уже целую вечность, хотя я вам отослал два. У меня всё хорошо, устал уже ждать заменщика, хожу как неприка-
янный, не знаю, что делать. Начальству прожужжал все уши. Ответ один: жди, замена идёт. Людмила, думаю, что осталось уже не-
много. Твои слова сбываются: Новый, 1982, год обязательно встре-
тим вместе!

Да, Людмила, купил я малышке Аллочке вязаный костюмчик корейский. Вот боюсь, что он будет ей мал. Светланке тоже что-то купил, но она всё это получит в том случае, если слушается и помогает тебе, ну и, конечно, хорошо учится, так ей и передай.

Людмила, так хочется к вам, ложусь с одной мыслью, что всё это кончится, больше я без тебя, любимая, никуда не поеду, что бы мне ни грозило вплоть до увольнения. Я так устал без тебя, Люда, отпуск, я думаю, мы с тобой обсудим и куда-нибудь поедем, как раз Света будет на каникулах.

Дочурка, Света, как у тебя дела, как учишься? Я купил тебе такие линейки и стирательные резинки, которых ни у кого нет. Учись хорошо, будь внимательна на уроках, слушайся маму, не обижай Аллочку. Доча, как только будешь учиться на 4 и 5, так меня командир сразу отпустит домой, и я всегда буду с вами. Поняла?

Ну вот и всё. До свидания, мои дорогие, любимые. Крепко вас целую.

Ваш папуля. Людмила, как мне хочется быть с тобой, с девчонками, ты не можешь представить!

Мне не пиши, возможно, всё скоро кончится.

22.11.81 Баграм».

Юрию так и не придётся встретить новый, 1982, год в кругу семьи. И подарить гостинцы своим девчонкам.

Его не стало 28 ноября 1981 года. После выполнения сложного боевого задания... Он заболел и умер.

Так написано в его документах. Но что же на самом деле произошло? Что за заболевание перенёс молодой сильный офицер, после какого задания?

Ответы на эти вопросы мы, наверное, никогда не найдём. Со-
служивцы Юрия, которых удалось найти спустя много лет после трагедии, мало о чём смогли рассказать. Может быть, свою роль сыграл человеческий фактор. Вот только воспоминание Владими-

ра Ершова будто бы приоткрыло завесу тайны:

«Юру крайний раз видел в Баграме на Панджшерской операции. С ним с Нивенского вроде попали два экипажа. Надо уточнить — кто из них посадил подбитый вертолёт поперёк полосы. Фамилию не помню. Они должны помнить обстоятельства. Сам в это время сидел в Газни».

Через 11 дней после гибели, 9 декабря 1981 года, печальный груз прибыл в село Крюково Моршанского района. 10 декабря состоялись похороны.

Семья Юрия через некоторое время уехала в Оренбург. Потому что слишком тяжело было после его гибели оставаться там, где каждый предмет хранил тепло его рук, а каждая деталь домашней обстановки навевала воспоминания.

Есть в Оренбурге, в парке на пересечении улиц Театральной и проспекта Дзержинского, памятник всем оренбуржцам, не вернувшимся с афганской войны. На одной из стел — фамилия Юрия Розвьева. Поклониться его памяти родные приходят два раза в год: в день его рождения и в феврале, в день вывода советских войск из Афганистана.

А на крюковском кладбище под Моршанском на могиле боевого офицера стоит мраморный памятник. Только не ищите к нему протоптанной тропы. Слишком мало сил у матери Екатерины Акимовны, чтобы проторить дорожку к дорогой могилке. Есть в сердце память, но нет в ногах силы.

* * *

Когда Юрия похоронили, на его могиле посадили берёзку. А через двадцать лет рядом с ним хоронили отца-фронтовика Александра Дмитриевича. Разве мог тот предположить, что на двадцать лет переживёт своего сына... А берёзка выросла, склонилась над их могилами, словно просит прощения у всех тех, кто сложил свои головы в безумной и страшной, а главное, непонятной войне в Афгане.

Владимир ПОПОВ

**КАВАЛЕРГАРД, ПОМЕЩИК,
БЛАГОТВОРИТЕЛЬ**

«Щедрая рука, благотворительность и внимание к нуждам ближнего генерала Пашкова в своем поместье видна на каждом шагу. У кого нет лошадки, пала коровка, валится домишко, идут к генералу Пашкову. Никому нет отказа. Генерал каждого принимает, как отец, расспросит подробно, ласково, с участием. Получившие помощь, идут в свои семейства, благословляя миротворца. Религия принята генералом Пашковым с непоколебимой верой. Он объясняет ее и простым мужичкам во всякое время. Его благородная рука и доброе сердце всегда распространены не только к крестьянам, живущим подле него, но и далеко», — так писал на исходе 19-го века один из местных народных корреспондентов в газету «Новое время» о владельце родовой усадьбы в Моршанском уезде Тамбовской губернии, петербургском аристократе Василии Александровиче Пашкове (1831-1902).

Пашков в народе почему-то слыл «генералом», хотя после ратной службы в Кавалергардском полку вышел в отставку в чине полковника. Василий Александрович принадлежал к очень богатому и знатному дворянскому роду. Основатель рода, Григорий Пашкевич, выходец из Польши, переселился в Россию ещё при Иване Грозном. Его дети и потомки везде писались Пашковыми. В эпоху Екатерины Великой они становятся наиболее известными и богатейшими людьми России.

Владимир Александрович Попов родился в 1949 году в селе Горелое под Тамбовом. Окончил Тамбовский приборостроительный техникум, Московскую духовную семинарию и магистратуру Санкт-Петербургского христианского университета. Живёт в Тамбове.

Публиковался в местных и центральных газетах, журнале «Кредо». Постоянный автор «Тамбовского альманаха».

Состояние Пашковых резко возросло, когда прадед Василия Александровича, Александр Ильич (род. 1734), заключил брачный союз с Дарьей Ивановной Мясниковой (род. 1735). Супруга прадеда была дочерью купца Ивана Семёновича Мясникова и племянницей по материнской линии бездетного купца Ивана Борисовича Твердышева. Дарья Ивановна, таким образом, унаследовала несметные владения отца и деда, крупнейших российских промышленников и собственников.

Правнук Александра Ильича Александр Васильевич был прославленным генералом. Он проявил себя как бесстрашный воин в Бородинском сражении. Во время Русско-турецкой войны 1828-1829 гг. за находчивость и ловкость при штурме крепости Шумлы Александр Пашков был награждён орденом Святого Владимира 3-й степени. Вскоре добавилась ещё одна награда: золотая с алмазами сабля за храбрость.

В 1828 году Александр Васильевич женился на Елизавете Петровне Киндяковой (1805-1854). Елизавета Петровна входила в окружение Пушкина, так как была родной сестрой жены друга Пушкина Александра Раевского Екатерины Петровны и племянницей известной московской поэтессы Екатерины Тимашевой (1798-1881).

2 апреля 1831 года у Елизаветы Петровны и Александра Васильевича Пашковых родился сын Василий. Образование Василий получил в Пажеском корпусе. Это было одно из самых привилегированных учебных заведений в России, попасть туда могли только сыновья и внуки генералов. Семилетнее обучение завершилось в 1849 году с занесением имени Пашкова на памятную мраморную доску, как одного из наиболее преуспевающих выпускников. В том же году Пашкову было присвоено звание корнета, и его определили в Кавалергардский полк.

В роскошно изданном «Сборнике биографий кавалергардов» помещён небольшой портрет молодого офицера Пашкова. У него безусое, нежное лицо, изящные кисти рук, грустно-задумчивые глаза.

Послужной список кавалергарда весьма разнообразен. Он служил старшим адъютантом при генерале, участвовал в походе гвардии к западным рубежам Российской Империи, состоял сотрудником при Канцелярии военного министерства.

Военная карьера Василия Александровича завершилась 26 ноября 1858 года, когда он был уволен со службы в чине полковника.

В руки Пашкова переходят обширные владения отца и дяди. К

тому же его женитьба на графине Александре Ивановне Чернышёвой-Кругликовой привела к значительному умножению богатства на основе объединения вотчин двух дворянских родов. Общая площадь всех земельных угодий В. А. Пашкова во второй половине 19-го века составила 425997 десятин. Ему принадлежало 13 имений, разбросанных в центральных и отдаленных губерниях, горные заводы на Урале: Воскресенский, Богоявленский, Верхотурский, Белорецкий. По некоторым данным, среди крупнейших землевладельцев России Пашков занимал пятое или четвёртое место.

С начала семидесятых годов этот богатый дворянин неожиданно приобретает широкую популярность в России и за её пределами, как основатель религиозной конфессии, известной под названием «Евангельские христиане-пашковцы».

У обычного светского льва, любителя балов, конных скачек, красивых женщин в сорокалетнем возрасте произошла коренная ломка интересов и жизненного уклада из-за пробуждения горячей веры. Пашков становится страстным последователем евангельского учения. Его фешенебельный особняк в Петербурге на Французской набережной превратился в духовный центр, где хозяин устраивал собственные проповеди для лиц из всех сословий, а его жена и дочери обучали посетителей духовному пению.

По инициативе Пашкова в 1876 году было создано «Общество поощрения духовно-нравственного чтения» — мощная всероссийская издательская корпорация, которая выпускала большими тиражами книги Священного Писания, труды отечественных и западных проповедников, сборники христианских песнопений, духовный журнал «Русский рабочий». К работе в «Обществе» Пашков привлёк Юлию Засецкую, литературную даму из окружения Достоевского и Лескова. Засецкая перевела с английского популярную в то время аллегорию Джона Беньяна «Путешествие пилигрима». По линии «Общества» эта книга получила широкое распространение среди российской читающей публики.

Христианскую благотворительность Пашков начал с открытия дешёвых столовых, школ, прачечных для бедных, назначения стипендий малоимущим студентам. Пашкова часто видят в петербургских ночлежках, в домах извозчиков. Бездомным он приискивает жильё, безработным предлагает работу. Посетителей петербургских столовых, а это в основном были студенты и молодые разночинцы, встречали девушки в кокошниках и русских сарафанах. За

обедами обычно в непринужденной обстановке обсуждались философские, духовные вопросы, социальные проблемы, раздавалась всевозможная литература. Столовые Пашкова за их необычность прозвали «народными университетами».

С наступлением весенней поры и до глубокой осени Пашков подолгу живёт в своих имениях. Его тамбовская вотчина занимала 25 тысяч десятин пахотной земли и лесных угодий. На её территории находилось несколько крупных сёл и больших деревень: Верхняя Матчерка, Нижняя Матчерка, Патры, Александровка, Кирилловка, Гаучеровка, Рянзя. Только в Верхней Матчерке, где располагалась центральная усадьба и насчитывалось 168 крестьянских дворов, работал кирпичный завод, мельница, слесарно-кузнечные, бондарские мастерские. На коневодческой ферме содержалось 300 рабочих лошадей и полторы сотни молодняка. Не менее 200 коров, бычков и тёлочек размещалось в отдельном животноводческом комплексе. Около двадцати семей занимались пчеловодством. Вдоль реки Выши тянулись фруктовые сады.

Василий Александрович часто приезжал на Тамбовщину. Помимо забот административно-хозяйственных помещик с увлечением отдавался делам духовным. Пашков регулярно созывал религиозные собрания, на которых самолично читал и толковал Евангелие для рабочих, служащих имения, местных жителей. Среди соратников Пашкова в духовно-просветительской деятельности особым усердием отличался управляющий Генрих Гильтон и кассир Игнатий Альмановский. Они занимались распространением духовных брошюр, организовывали евангельские собрания по домам и на лоне природы.

Духовная активность хозяина и его помощников определённым образом отразилась и в жизни материальной. Тамбовское имение Пашкова обрело всероссийскую известность как образцовое хозяйство. Владелец усадьбы прославился как помещик, для которого нужды простых людей небезразличны. Крестьяне получали солидную зарплату, лесоматериалы на постройку и ремонт изб, пособия на покупку скота.

Особенно много восторженных слов говорилось в адрес общеобразовательных школ, построенных и открытых Пашковым в тамбовском и других имениях. Для детей из отдалённых мест при школах строились общежития. Хозяин требовал, чтобы детям регулярно раздавались разнообразные продукты, готовились праздники. «Петербургская газета» от 19 сентября 1880 года писала о школах

Пашкова, что они «являются отрядным фактом в мире народного просвещения, и могут служить идеальным образцом училищ, устраиваемых земствами».

В чём секрет успеха? Почему тамбовское имение Пашкова стало одним из самых процветающих в России? Думали-гадали об этом, как в столице, так и в провинции. Повсеместные толки чаще всего склонялись к одной причине: господин Пашков верует не по обряду, не формально, и христианский принцип любви к Богу и ближнему не на словах только исповедует, а на деле.

В мае 1884 года деятельный, гуманный, добропорядочный хозяин тамбовской усадьбы, к удивлению многих, был выслан за пределы России по специальному царскому указу. Еще в 1877-78 годах Пашкову были сделаны официальные предупреждения о прекращении вольных религиозных беседований с народом. Тогдашний обер-прокурор Святейшего Синода, борец со всякого рода инакомыслием и самостийностью, К. П. Победоносцев направляет царю Александру Второму докладные записки о духовной деятельности Пашкова: «Тем он и опасен, что заводит с севера, из столицы, из высшего сословия и правительственной интеллигенции новый раскол навстречу идущей с юго-запада штунде, возникшей в среде крестьянского населения. Итак, пока ещё есть время, надлежит без замедления принять меры к пресечению пашковских и подобных им собраний и предупредить дальнейшее распространение нового толка и нового раскола, к которым церковь и государство, донныне нераздельные в России, не могут оставаться равнодушными».

Преследования напрямую коснулись не только Пашкова, но и его служащих. Ещё в декабре 1883 года был арестован его помощник в делах духовных кассир тамбовского имения Игнатий Альмановский. Арестанта доставили в моршанскую тюрьму. Основанием для ареста послужили донесения моршанского исправника губернатору: «Приёмы Альмановского крайне соблазнительны для черни, ибо почти всякая просьба со стороны крестьян, обращенная к нему в момент чтения Евангелия, если не исполняется в тот же раз, так, по крайней мере, принимается им, и обратившийся с таковою встречает ручательство в непременно исполнении ея конторою Пашкова».

Пашков почти сразу, по свежим следам обратился к царю с прошением в защиту своего служащего. Ответа от царя не последовало, но Альмановский через четыре месяца после ареста всё-таки был освобождён из-под стражи с условием, не устраивать само-

чинных проповедей среди населения.

Из тюремных врат Альмановского выпустили, но от пристального полицейского надзора не освободили. Моршанский исправник через своих тайных агентов не спускал глаз с поднадзорного, и в своих рапортах губернатору отмечал: «Дальнейшее пребывание Альмановского в пашковской экономии, безусловно, породит последователей учения, распространять которое в среде народа, он почитает священным долгом».

Исполнять и далее «священный долг» не дозволили. Он получил строгое предписание от властей — в течение двух суток покинуть имение Пашкова и удалиться из тамбовской губернии. В противном случае ему угрожали новым арестом.

Не избежал притеснений и управляющий пашковским имением Генрих Гильтон. Почти двадцать лет этот англичанин, не покладая рук, обустроивал российские земли. До прибытия на Тамбовщину в 1882 году, он трудился в нижегородском поместье Пашкова, ранее управлял работами на меднорудных заводах Пашкова в Оренбургской губернии.

Опытный и честный управленец попал теперь в немилость к российским властям только из-за того, что разделял веру Пашкова и осмелился содействовать владельцу имений в распространении безобидных духовно-нравственных брошюр, изданных Пашковым.

В начале 1887 года Департамент полиции приказал тамбовскому губернатору «выслать Гильтона безвозвратно за границу, предоставив ему для устройства своих дел время до 1 июня текущего года». Чуть позже, время на сборы продлили. Гильтону долго пришлось оформлять необходимые документы, готовить семью к выезду. Кроме жены, у него было четверо детей.

17 августа 1887 года Гильтон и его семейство, распрощавшись с местными жителями, выехали из тамбовской усадьбы Пашкова. А через десять дней, как снег на голову, губернатору пришла телеграмма от министра внутренних дел графа Д. А. Толстого: «Приостановить высылку за границу пашковского управляющего Гильтона».

Попутру следующего дня исправник в Моршанске читал депешу от губернатора: «Если Гильтон вернётся, то не препятствовать ему проживать во вверенном вам уезде».

Гильтон, однако, не вернулся. Хотя и получил вскорости извещение о новом повороте дела и не успел ещё пересечь пограничные рубежи. Решил, видимо, что доверять российским чиновникам

— дело весьма рискованное. Перепады настроения у них, как у самовлюблённой женщины.

До самого Пашкова доходили слухи о всех перипетиях судьбы его служащих и единоверцах. Проживая вынужденно в Европе, он всей душой и сердцем был в России. К тому же насильственный выезд Пашкова за рубеж не лишил его юридических имущественных прав на российские имения. Пашков шлёт царю челобитную за челобитной с просьбой дать ему возможность посетить свои владения. В начале лета 1887 года Александр Третий проявил благосклонность, Пашкову было дано высочайшее разрешение на краткий приезд в Россию для устройства личных и имущественных дел.

Оказавшись на родине, Василий Александрович и сын его Александр сразу же отправляются в тамбовское имение. Уважаемого помещика встречали толпы крестьян. Вместе с сыном они обошли десятки крестьянских изб, вникая в нужды каждого семейства и выписывая затем необходимые пособия и вспомоществования семьям. Несмотря на напряжённые отношения с местным духовенством, Пашков более тридцати десятин земли подарил православному церковному штату в деревне Гаучеровка.

Департамент полиции обязал тамбовского губернатора барона Фредерикса установить строгое негласное наблюдение за Пашковым. Поэтому моршанский уездный исправник Хрущов составлял подробные донесения губернскому начальству о деяниях Пашкова в родовом поместье. Многочисленные длинные рапорты исправника пестрят детальными сообщениями: «Пашков жертвует лес на избы, дает деньги на покупку лошади, приговаривая, что делает это во славу Христа и по закону Его. К некоторым крестьянам Пашков обращался с назиданием, чтобы они не воровали, не обижали друг друга, не вредили бы имуществу человека, не делали бы поправ в его имении, потому что Бог посылает урожай хлеба не для Пашкова только, но и для всех».

Очень близкие контакты Пашкова с народом, сдобренные к тому же простыми евангельскими поучениями, сильно насторожили начальство. Обеспокоенные власти усмотрели в христианской благотворительности Пашкова следы «сектантской пропаганды». Особое негодование не замедлил выплеснуть К. П. Победоносцев. В письме к государю он упрекал Оттона Рихтера, заведующего делами царской Канцелярии прошения, за неосмотрительность в продвижении просьбы Пашкова, сожалел о том, что лично с ним не посоветовались,

когда давали разрешение на въезд в Россию этому помещику.

Пашков питал большую надежду на то, что его визит в Россию всё-таки не будет временным, власти пойдут навстречу его ходатайствам и дадут дозволение на постоянное жительство в российской империи. Но надежды Пашкова никак не оправдались. Все просьбы к царю и влиятельным сановникам оказались тщетными. Неугомонного проповедника постарались как можно быстрее вновь выдворить за пределы родной земли.

Уже в начале октября 1887 года Пашков, по предписанию Департамента полиции, вынужден был удалиться опять за границу.

Из России Пашков получал сотни писем. Писали именитые друзья из Петербурга, простые крестьяне-единоверцы из провинций. Пашков с болью узнавал о том, что в России умножается количество ссыльных за отход от официальной церкви. Василий Кирпичников, многолетний служащий тамбовского имения, хорошо знающий своё дело лесничий, был сослан по этапу в Минусинск Енисейской губернии. Пашков узнал об этом из письма его жены Авдотьи. Она решила разделить судьбу мужа, намереваясь отправиться к месту ссылки в Сибирь. Пашков незамедлительно высылает Авдотье денежные средства на дорогу.

Кроме беспокойств о судьбе страждущих за убеждения, организации необходимой помощи им, Пашкова не оставляют заботы о благоустройстве крестьянского и рабочего населения в его имениях. В 1895 году Василий Александрович присылает в Департамент земледелия и Тамбовское губернское земство проект устройства низшей сельскохозяйственной школы для подготовки специалистов разного профиля с трёхгодичным сроком обучения. Проект предусматривал оснащение школы современным оборудованием, учебно-производственными мастерскими. Предполагалось также возвести комплекс новых зданий.

Несмотря на то, что подобного типа школ в тамбовской губернии не было, и явная польза этого начинания была осознана Департаментом земледелия, проект попал в капкан идеологических и бюрократических проволочек. Вместо того, чтобы сразу приступить к производственно-технической стороне дела, тамбовский губернатор затеял долгую переписку с моршанским исправником по вопросам религиозных вероучений. На запросы губернатора бдительный страж порядка в рапорте от 20 декабря 1899 года отвечал: «При очевидной пользе учреждения сельхозшколы в Моршан-

ском уезде, устройство таковой школы в имении полковника Пашкова вызывает некоторые опасения, связанные с вопросом об известной Вашему превосходительству пропаганде, для которой общение крестьянской молодёжи в среде экономических служащих может создать благоприятную обстановку. Поэтому я положил бы, что, пока не исчезнут все следы пропаганды, учреждение сельхозшколы в селе Матчерке едва ли будет удобным».

Чиновники Канцелярии тамбовского губернатора стали ворошить все старые бумаги, где отмечалась религиозная деятельность Пашкова и меры властей о её пресечении. Все справки о деяниях Пашкова, как проповедника, губернатор отправил в Департамент земледелия, заключив, что школу открывать не следует.

На защиту проекта Пашкова неожиданно встал Уполномоченный по сельхозчасти тамбовской губернии В. Н. Дьяков. 23 мая 1900 года он составил обстоятельное письмо губернатору, в котором детально обрисовал моршанское имение Пашкова, как продуктивное многоотраслевое хозяйство. «Такие специальные школы чрезвычайно необходимы в настоящее тяжёлое время, переживаемое русским сельским хозяйством, когда и большой, и малый хозяин одинаково гнутся под тяжестью целого ряда неблагоприятных условий в виде недородов, низких цен на хлеб, дороговизны на всё остальное», — пояснял Дьяков.

Губернатору доводы Дьякова показались весьма убедительными. Он отправляет письмо Уполномоченного в Департамент земледелия со своей положительной резолюцией.

В общем хоре чиновников пробивалась и трезвые голоса, вполне свободные от пут какой-либо идеологии. Но столь затяжная волокита так и не открыла возможностей для практического воплощения дельного пашковского проекта. Победило кредо, давно известное под названием: «А как бы чего не вышло».

Заботливый помещик-новатор, искренний патриот России Василий Пашков так и не смог в дальнейшем вернуться на столь дорогую ему Родину. Жизненный путь русского аристократа-скитальца оборвался в Париже 30 января 1902 года. Погребение тела усопшего совершалось в Риме на протестантском кладбище. Заканчивая траурную церемонию, пастор Теодор Монод прочитал слова Христа из Евангелия: «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное». Это же изречение было запечатлено и на большом надгробном памятнике Пашкову.

Николай НАСЕДКИН

НЕАДЕКВАКАНЬЕ

При Тамбовской писательской организации немало лет существует-действует литобъединение «Радуга». За четверть века через это лито-сито прошло сотни три самодеятельных авторов. Для некоторых (единиц!) творчество стало серьёзным делом — со временем они пополнили ряды областного отделения Союза писателей. Большинство же «радужан», как водится, с удовольствием творят самодеятельность: пишут тексты столбиком, обсуждают их на занятиях, радуются редким публикациям в коллективных сборниках-альманахах, которые, скинувшись, издают за свой счёт. Некоторые замахиваются и на отдельную книжицу (благо, заплатить и самиздаться сегодня не проблема), дарят-подписывают её родным и знакомым и на этом успокаиваются.

Ведь каждый более-менее адекватный сверчок знает свой шесток.

Но в наши свихнувшиеся времена, когда литература (как и вся окружающая действительность) всё более начинает походить на балаган, этот благостный литкустарный процесс не мог не дать сбой. И он дал. Некий «радужанин» Неадекватов (назовём его так), дядя уже пенсионного возраста, года два назад тоже замахнулся на самиздат. Да выдал не просто сборничек-брошюрку, а отпечатал в местной типографии тиражом 500 экземпляров целый том своих виршей – в твёрдом переплёте, с фотоиллюстрациями из семейного альбома (в помощь, видимо, будущим биографам).

Сведения об авторе – стр. 21.

Этот материал был опубликован в «Литературной газете» (№ 36, 14-20 сентября 2011 г.). В настоящее время с бурной и непрекращающейся клеветническо-оскорбительной деятельностью «Неадекватова» в Интернете занимается прокуратура Тамбовской области.

Очень хотелось порадоваться за седовласого доморощенного пиита – такой финал-апофеоз! Но не успели мы толком поздравить Неадекватова, как выяснилось, что он, напротив, считает выход «книги» всего лишь триумфальным стартом и только началом своей поэтической карьеры. Он решительно выдвинул три требования. Во-первых, считать его отныне ПОЭТОМ. Во-вторых, немедленно к его 60-летнему юбилею издать новую «книгу» массовым тиражом уже на бюджетные деньги. И, в-третьих, безотлагательно принять его в Союз писателей.

Казалось бы, посмеяться или пожалеть злосчастного Неадекватова, у которого чрезмерно закружилась голова, но ни до смеха, ни до жалости дело не дошло. Дело дошло до милиции, прокуратуры, до судов. Именно так — во множественном числе. Бывший «раду-жанин» практически один и тот же текст в виде жалоб, заявлений, исков начал рассылать и подавать в эти строгие инстанции. Мол, кто считает, что его стихотворное творчество не выходит за рамки самодеятельности, любительского уровня, отказывается издать его книгу на деньги налогоплательщиков и не стремится принимать его в СП – тот клеветает на него и его оскорбляет (соответственно статьи 129 и 130 УК РФ).

Нас, основных мучеников, коих неугомонный Неадекват таскает по судам, человек пятнадцать: председатель правления писательской организации (аз грешный) и члены издательской комиссии — работники управления культуры, руководители библиотек, профессора-филологи... Позади уже в общей сложности пять судов — мировых и районных. И это только первой инстанции! То есть плюс ещё не менее пяти судебных заседаний в областном суде, где рассматривались апелляционные жалобы неугомонного «поэта». Конечно, судьи каждый раз адекватно оценивают претензии Неадекватова и выносят решения не в его пользу, но нам-то от этого не легче. Только представить себе: достаёшь из почтового ящика очередное извещение, мчишься на почту, получаешь заказное письмо с повесткой (в которой тебя именуют «подсудимым»!), в определённый день и час, отбросив все нужные дела, летишь сломя голову в суд, томишься там час, а то и два в душном зале, выслушивая в сотый раз бред «обвинителя-потерпевшего», который декламирует свои вирши, пытается уверить судью, что остальные тамбовские поэты ему в подмётки не годятся... И таких заседаний в каждом

судебном процессе, как правило, два-три, а то и четыре!

Вернёшься, бывало, после очередного судебного сидения домой, измотанный и подавленный, включишь телевизор, а там Президент, премьер или депутат какой с озабоченностью говорят-рассуждают о перегруженности наших судов, о замотанности-усталости судей...

Ну а наш непризнанный пиит между тем освоил и Интернет-пространство. Опять же без устали взялся размещать свои неадекватные претензии-заявления на серверах типа Стихи.ру, Самиздат.ру, Изба-читальня и пр., в многочисленных форумах, гостевых книгах, рассылает по электронной почте знакомым и незнакомым людям... И здесь, в отличие от судебных исков, в выражениях уже и вовсе не стесняется: помимо нас, главных подсудимых «врагов», изрыгает хулу уже и на судей, прокуроров, «ментов», а также чиновников вплоть до руководства области и даже на писателей-гостей из Москвы, которые приезжают к нам на литературные фестивали. Мы, по уверению Неадекватова, «неучи», «мошенники», «главари», «мафия», «моральные киллеры», «нечисть» и т. д.

И что же нам остаётся теперь: становиться на четвереньки и лаять в ответ?

Вспоминается ещё один недавний литбалаганный случай, такой же, а может быть, и ещё более нелепый. Ушёл в мир иной местный писатель Графоманов (назовём-обозначим так), который числился даже в писательской организации, имел корочки СП. Правда, в Тамбове его в союз упорно не принимали, но он смотался в Москву и писательский билет там достал-выбил (в лихие 1990-е и это делалось легко). Этот Графоманов, что называется писатель из народа, от станка, всю жизнь писал многотомный псевдоисторический якобы роман об одном местном купеческом семействе и выпустил один за другим шесть частей-томов – несуразных по содержанию и совершенно безграмотных по исполнению. Печатал книжки за свой счёт, без редактора и даже корректора, небольшим тиражом, сам продавал. Короче, самодеятельность чистой воды.

И вот, не прошло и полгода после кончины Графоманова, как его сын задумался: а как бы увековечить память отца-писателя помимо плиты на кладбище? Думал-думал и ничтоже сумняшеся заказал местному скульптору мемориальную доску. Тот изготовил, деньги взял и только после этого предупредил-подсказал, мол, такие доски без разрешения развешивать где попало, в общем-то,

нельзя. А чтобы разрешение получить, необходимо заручиться ходатайством писательской организации.

Решение-ответ правления писательской организации на запрос-требование графоманского сына было вполне чётким и резонным: для установления мемориальной доски писателю Графоманову нет никаких оснований. Ни малейших.

Не будем вдаваться в изнурительные подробности, но сын не унялся и спустя пару месяцев вышло-таки постановление городской Думы об увековечивании памяти Графоманова мемориальной доской на доме, где он жил. И это при том, что в Тамбове до сих пор нет мемориальной доски одному из творцов бессмертного Козьмы Пруткова Алексею Жемчужникову, прожившему последние 18 лет своей жизни в Тамбове — именно здесь он сочинил-создал свои хрестоматийные стихи, вошедшие в книги «Песни старости» и «Прощальные песни». Нет доски и Андрею Платонову, который жил в Тамбове в 1926-1927 годах, написал здесь ряд своих классических произведений, в том числе повесть «Город Градов». Не увековечена до сих пор (несмотря на ходатайства!) память Майи Румянцевой, не последней поэтессы в Советском Союзе, которая двенадцать лет возглавляла тамбовскую писательскую организацию...

Ну а самое нелепое в этой истории то, что на все протесты правления писательской организации и вообще здравомыслящих людей против установления мемориальной доски доморощенному сочинителю Графоманову ответ-аргумент был железобетонно прост: но ведь доска уже готова, деньги на неё потрачены.

Вот такая логика.

Ну и как же дальше будет развиваться пресловутый литпроцесс по такому балаганному пути? Может быть, уже вскоре новые неадекватовы начнут подавать иски на читателей, которые не желают читать их вирши и тем самым оскорбляют и наносят моральный вред, а суды эти иски будут рассматривать. Или новые графомановы, поднакопив деньжонок, ещё при жизни возьмутся заказывать самим себе памятники и устанавливать их на центральных площадях...

Как говаривал тот же Козьма Прутков: глядя на всё это, нельзя не удивляться!

БУДНИ И ПРАЗДНИКИ

14 сентября 2011 года в «Литературной газете» (№ 36) под рубрикой «Литбыт» опубликован фельетон **Николая Наседкина** «Неадекватканье» – о балаганной околитературной возне с судебными исками и мемориальными досками.

* * *

21 сентября 2011 года сразу две публикации в солидных изданиях у **Виктора Герасина**: в «Литературной газете» (№ 37) напечатан рассказ «Чёрный омут», а в интернет-журнале «Новая литература» – рассказ «Весною соловей пропоёт».

* * *

30 сентября 2011 года **Елена Луканкина** награждена литературно-общественной премией «Светить всегда» имени Владимира Маяковского с вручением диплома и ордена «В. В. Маяковский» за верное служение художественному слову, за подвижническую деятельность на ниве отечественной литературы. Награда учреждена Московской городской писательской организацией Союза писателей России, с которой у Елены сложились прочные дружеские и творческие связи.

* * *

8 октября 2011 года на Тамбовщине прошли юбилейные, 15-е по счёту, Богдановские чтения. В гости к тамбовчанам приехали поэты из Москвы **Аршак Тер-Маркарян, Валентин Сухинский** и, конечно, двоюродный брат В. Богданова и главный координатор праздника **Виктор Сошин**. К сожалению, впервые за всю историю Богдановских чтений на этот раз из-за болезни не смог принять в них участие известный русский поэт **Валентин Сорокин**. Основные мероприятия 15-х Богдановских чтений состоялись на малой родине Вячеслава Богданова в Мордовском районе. В них приняли участие, конечно же, и тамбовские писатели: председатель правления Тамбовского отделения Союза писателей России **Николай Наседкин, Валентина Дорожкина** и **Татьяна Маликова**.

* * *

20 октября 2011 года на общем собрании писательской организации в Союз писателей России принята поэтесса **Нина Цурикова**.

* * *

21 октября 2011 года в тамбовском Доме ветеранов прошла встреча **Лидии Перцевой** с читателями в рамках презентации антологии «Молитвы русских поэтов» (Москва, 2010), автором которой она является. 14 октября такая же встреча-презентация состоялась в Тамбовской городской библиотеке № 22 с учащимися педучилища.

* * *

11 ноября 2011 года в день 190-летия со дня рождения Ф. М. Достоевского студенты, аспиранты и преподаватели филологического факультета Тамбовского госуниверситета пригласили в гости **Николая Наседкина**. Писатель рассказал о своей работе над энциклопедией «Достоевский», ответил на многочисленные вопросы. На память о встрече гость подарил факультетской библиотеке экземпляр своей книги «Достоевский: портрет через авторский текст», которая в своё время вышла в издательстве ТГУ.

* * *

15-17 ноября 2011 года на Тамбовщине прошёл 5-й Фестиваль книги и чтения «Книжная радуга над Цной», организованный Тамбовской писательской организацией, управлением культуры и архивного дела области, областной детской библиотекой. В программе фестиваля было более 40 мероприятий: конкурс эссе «Читать — это модно!», акция «Читай, а не кури!», круглый стол «Современная литература: тенденции, проблемы, перспективы», но главное, конечно, — встречи писателей с читателями в городах и весях области.

В гости к тамбовчанам приехали столичные прозаики и поэты **Марина Кудимова, Ирина Антонова, Сергей Седов и Виктор Лунин**. Тамбовскую литературу на фестивале представляли **Николай Наседкин, Валентина Дорожкина, Марина Гусева, Татьяна Маликова и Елена Луканкина**.

* * *

Декабрь 2011 года в 6-м номере журнала «Огни Кузбасса» (г. Кемерово) опубликованы статья **Николая Наседкина** под названием «Подпольный человек Достоевского как человек» и критическая статья **Марины Струковой** о творчестве петербургского поэта Владимира Шемшученко.

* * *

15 января 2012 года в журнале «Север» (№ 1-2) опубликована повесть-сказка для детей **Михаила Гришина** о новых приключениях Витьки Картошкина «Остров с призраками, или Необыкновенные приключения Витьки Картошкина и его друзей Колюни и Вовчика».

* * *

21 января 2012 года в областной библиотеке им. Пушкина прошла презентация сборника рассказов **Василия Кравченко** «Дым Отечества», изданной Тамбовским отделением СПР к 70-летию автора в рамках программы «Издание книг тамбовских писателей для библиотек области».

* * *

25 января 2012 года в «Литературной газете» (№ 3) опубликована под-

борка стихов «Глаза росы» **Ивана Акулова**, отметившего 15-го января свой 70-летний юбилей.

* * *

2 февраля 2012 года в писательской клубе «Свеча» в Центральной городской библиотеке им. Крупской состоялась долгожданная презентация «Тамбовского альманаха» № 11. Вёл вечер главный редактор альманаха Николай Наседкин. Выступили, Мария Знобищева, Валентина Дорожкина, Валерий Марков, Лидия Перцева и другие авторы данного выпуска.

* * *

9 февраля 2012 года в областной библиотеке им. А. С. Пушкина прошла презентация нового сборника стихов **Лидии Перцевой** «В горнице моей души», изданной в рамках программы «Издание книг тамбовских писателей для библиотек области».

* * *

14 февраля 2012 года в ТГУ им. Г. Р. Державина прошли торжества, посвящённые 70-летию юбилею **Л. В. Поляковой**. От Тамбовской писательской организации в вечере приняли участие и поздравили юбиляра **Николай Наседкин, Валентина Дорожкина, Валерий Марков и Мария Знобищева**.

* * *

1 марта 2012 года в областной библиотеке им. А. С. Пушкина прошёл юбилейный творческий вечер критика, литературоведа, профессора ТГУ им. Г. Р. Державина **Ларисы Васильевны Поляковой**.

* * *

2 марта 2012 года литературный клуб «Свеча» пригласил жителей города в Центральную городскую библиотеку им. Н. К. Крупской на музыкально-поэтический вечер «Весенняя капель». Президент клуба поэт **Евстахий Начас** поздравил всех женщин с наступающим праздником. В исполнении поэта прозвучали стихи о любви, о верности и весне. Автор песен и романсов **Любовь Крылова** порадовала всех присутствующих проникновенным исполнением своих произведений.

* * *

Апрель 2012 года в столичном издательстве «Золотая строфа» вышел в свет в бумажном варианте тиражом 3000 экземпляров альманах «Белая скрижаль: рассказы для детей», составленный из произведений, победивших в Интернет-конкурсе. Среди авторов – наша **Зинаида Королёва** с рассказом «Рыжик».

* * *

23 апреля 2012 года на малой сцене областного театра драмы прошла необычная презентация книги **Татьяны Маликовой** «Перекасти-Небо», вышедшей в издательстве Тамбовского отделения Литфонда. В сборник по-

мимо лирики вошли и либретто мюзиклов по произведениям Андерсена и Булгакова, что дало возможность автору совместно с соратниками-друзьями устроить на сцене феерическое шоу.

Т. Маликову с выходом талантливой книги и суперкреативной презентацией поздравили председатель правления Тамбовской писательской организации **Николай Наседкин**, председатель Тамбовского отделения СТД **Сергей Левандовский**, новый директор Тамбовского драмтеатра и режиссёр упоминаемых мюзиклов «Я всегда буду с тобой» и «Рукопись Мастера» **Пётр Куликов**, автор проекта «Театральные понедельники» (в рамках которого и состоялась презентация) актриса **Ольга Сирото** и др.

* * *

25 апреля 2012 года в Центральной городской библиотеке им. Н. К. Крупской в рамках литературного клуба «Свеча» прошла презентация сборника **Валентины Дорожкиной** «Я – дочь погибшего солдата». Автора пришли поздравить товарищи по писательской организации, читатели. Звучали песни композитора **Ольги Егоровой** на стихи В. Дорожкиной.

* * *

26 апреля 2012 года в областной библиотеке им. А. С. Пушкина состоялась презентация книги **Светланы Демченко** (Украина) «Люди вы мои хорошие» о творчестве нашего товарища **Виктора Герасина**. В рамках презентации Виктору Ивановичу была вручена памятная медаль Русского общества имени А. С. Пушкина Международного Совета русских соотечественников, работающих в Украине.

* * *

18 мая 2012 года в областной библиотеке им. А. С. Пушкина прошёл творческий вечер **Василия Кравченко**, посвящённый 75-летию юбилею прозаика. Поздравить юбиляра пришли товарищи по перу, читатели, родные и близкие. Все выступающие подчёркивали, что судя по новой книге Василия Васильевича «Дым Отечества», выпущенной Тамбовской писательской организацией при поддержке администрации области к юбилею, патриарх литературы находится в прекрасной творческой форме.

* * *

Май 2012 года: в 5-м номере регионального журнала «Подъём» (Воронеж) опубликован рассказ **Валерия Аршанского** «Чурка».

* * *

15 июня 2012 года на учёт в Тамбовскую писательскую организацию встал поэт и прозаик **Анатолий Гончар**, принятый в Союз писателей России по результатам Всероссийского совещания молодых писателей в Перedelкино в ноябре 2011 года.

НОВЫЕ КНИГИ

Акулов И. Осенний крик. *Стихи и поэмы*. Тамбов: Изд-во Тамбовского отделения Литфонда России, 2011. 272 с. 1000 экз.

Багрецов Р. Бог есть любовь. *Стихи*. Тамбов: Изд-во Тамбовского отделения Литфонда России, 2012. 164 с. 1000 экз.

Ганьшина Т. Тынково. Тамбов: Изд-во Тамбовского отделения Литфонда России, 2012. 272 с. 200 экз.

Елютина М. Творцы своего времени. *Краеведческие очерки*. Тамбов: Изд-во Тамбовского отделения Литфонда России, 2011. 108 с. 200 экз.

Жемчужников А. Избранное / Серия «Лит. родники Тамб. края». Вып. 9 / Ред.-сост. В. Дорожкина. Тамбов: Изд-во типографии «Пролетарский светоч», 2011. 372 с. 1000 экз.

Замятин В. В родном краю / Серия «Лит. родники Тамб. края». Вып. 8 / Ред.-сост. В. Дорожкина. Тамбов: Изд-во типографии «Пролетарский светоч», 2011. 352 с. 800 экз.

Карницкий В. Вертикаль лежащая-2. *Хроника времён тандема*. Тамбов: Изд-во Тамбовского отделения Литфонда России, 2012. 84 с. 300 экз.

Кравченко В. Дым Отечества. *Рассказы*. Тамбов: Изд-во Тамбовского отделения Литфонда России, 2011. 344 с. 1000 экз.

Королёва З. Верь и надейся. *Повести и рассказы*. Тамбов: Изд-во Тамбовского отделения Литфонда России, 2011. 340 с. 750 экз.

Котова Л. От весны до весны. *Стихи*. Москва, 2012. 72 с. 300 экз.

Маликов Ю. Каменный Брод – 360. *Краеведческие очерки*. Тамбов: Изд-во Тамбовского отделения Литфонда России, 2012. 88 с. 200 экз.

Марков В. С красной строки. *Очерки, репортажи, интервью*. Тамбов: ОАО «Пролетарский светоч», 2011. 188 с. 200 экз.

Меркушова Н. И унесёт меня печаль. *Стихи*. Тамбов: Изд-во Тамбовского отделения Литфонда России, 2012. 108 с. 400 экз.

Перцева Л. В горнице моей души. *Стихи*. Тамбов: Изд-во Тамбовского отделения Литфонда России, 2011. 180 с. 1000 экз.

Перцева Л. Детства утро золотое. *Стихи для детей*. Москва, 2011. 64 с. 1000 экз.

Полякова Л. Тамбовская магистраль русской литературы. Тамбов: Изд-во Тамбовского отделения Литфонда России, 2011. 340 с. 750 экз.

Литературно-художественное издание

ТАМБОВСКИЙ АЛЬМАНАХ

№ 12 (август 2012)

Компьютерная вёрстка и дизайн – **Н. Наседкин**
Корректор **А. Кириллов**

Подписано в печать 25.07.2012 г.
Формат 60x84^{1/16}. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Печ. л. 16,0.

Тираж 600 экз. Заказ №

Издательство Тамбовского отделения ОООП «Литфонд России»
392602, г. Тамбов, Моршанское шоссе, 14.
Тел. 53-50-77
Web: <http://www.niknas.narod.ru/tambovsp>
E-mail: tambocsp@mail.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
в открытом акционерном обществе
«Тамбовская типография “Пролетарский светоч”»
392600, г. Тамбов, Моршанское шоссе, 14а.